

Лиза Джейн Смит

Дневники вампира: Ярость

Дневники Вампира – 3

1

Елена шагнула на поляну.

Опавшие листья под ногами смерзлись в коросту. Сгустились сумерки, и, несмотря на утихший шторм, в лесу становилось все холоднее и холоднее.

Елена не чувствовала мороза.

Не заботила ее и темнота. Зрачки расширились и пропускали невидимые для простых смертных частицы света. Ей были хорошо видны две фигуры, борющиеся под большим дубом.

У одного были густые черные кудри, растрепанные ветром. Он был несколько выше противника, и, хотя Елена не могла видеть его лица, она каким-то образом знала, что у него зеленые глаза.

У другого тоже была копна черных волос, но гладких и прямых, как шерсть животного. Он в ярости скалился и своей небрежной грацией напоминал хищника перед прыжком. Глаза у него были черные.

Елена смотрела на них несколько минут, не двигаясь. Она забыла, зачем пришла сюда, зачем эхо их битвы, звучащее в голове, призывало ее. Ярость, ненависть и боль дерущихся были так близко, что оглушали, как и их беззвучные крики. Двое сцепились в смертельной схватке.

«Интересно, — подумала она, — кто победит?» Оба были серьезно ранены, у высокого рука была неестественно вывернута, но несмотря на это, он только что чуть не размазал второго по кривому стволу дуба. Его ярость была так сильна, что Елена слышала ее, чувствовала ее вкус. Она знала, какую невообразимую силу придает ему гнев.

И тут Елена вспомнила, зачем пришла. Как можно было забыть? Он был ранен. Его сознание вызвало ее сюда, обдав волнами бешенства и боли. Она пришла на помощь, потому что принадлежала ему.

Двое, рыча как волки, боролись внизу на промерзшей земле. Елена приблизилась к ним быстро и бесшумно. Кудрявый и зеленоглазый — Стефан, как напомнил ей голос в голове, — был сверху и сжимал горло противника. Елену охватил гнев, гнев и желание защитить.

Она вклинилась между ними.

Елена даже не задумывалась, что у нее может не хватить сил. Нужно было сделать это во что бы то ни стало. Она всем телом отклонилась в сторону, оттаскивая своего пленника. К счастью, Елена сильно задела поврежденную руку противника, опрокинув его навзничь в припорошенную листьями грязь. Затем она стала душить врага сзади.

Нападение застало его врасплох, но до поражения было еще далеко. Он схватил ее за горло, большой палец уперся в трахею.

Елена попыталась вцепиться в руку зубами. Рассудком она не могла этого осмыслить, но тело действовало само. Зубы были оружием, они пронзили плоть до крови.

И все же он был сильнее. Резким движением плеч стряхнул захват, развернулся и повалил ее. Когда он оказался наверху, его лицо исказила звериная ярость. Она зашипела и потянулась ногтями к глазам врага, но тот ударил ее по руке.

Это было самоубийство. Даже раненый, он был намного сильнее: звериный оскал, зубы, уже запятнанные багровым. Он был готов к удару, как кобра, и вдруг остановился, замер над ней, меняясь в лице.

Елена видела, как округлились зеленые глаза. Зрачки, две злые точки, внезапно расширились. Он смотрел на нее так, как будто видел первый раз.

Но почему? Почему он просто не покончил с ней? Железный захват на плече ослабел. Звериная гримаса на его лице сменилась просто удивлением. Он сел, помог подняться ей, заглядывая в лицо.

— Елена, — прошептал он. Голос звучал хрипло. — Елена, это ты?

«Я ли это?» — подумала она.

Это не имело значения. Она бросила взгляд на старый дуб. Второй был все еще здесь, стоял среди огромных корней, задыхаясь, держась за горло рукой, и смотрел на нее бездонными черными глазами, сердито сдвинув брови.

«Не беспокойся, — подумала она. — Я справлюсь с ним. Он глуп». И снова кинулась к зеленоглазому.

— Елена! — закричал тот, когда она сбила его с ног. Он попытался оттолкнуть ее здоровой рукой: — Елена, это я, Стефан, смотри!

Она смотрела. Все, что она видела, — это незащищенную полоску кожи на его шее.

Она снова зашипела, задирая верхнюю губу и показывая ему зубы.

Он замер.

Она почувствовала, как шок на секунду парализовал его, увидела, как потускнел его пристальный взгляд. Стефан побледнел, будто кто-то со всей силы ударил его в живот. Лежа на грязной земле, он слегка тряс головой, словно пытался прийти в себя.

— О нет, — раздался его шепот.

Казалось, он говорил сам с собой, не предполагая, что она может услышать. Попытался погладить ее по щеке, она лязгнула зубами.

— Елена... — прошептал он.

С его лица исчезли последние следы животной ярости и жажды крови, взгляд стал изумленным и обиженным.

И еще в зеленых глазах было горе. Елена воспользовалась паузой, чтобы дотянуться до обнаженной полоски кожи на горле. Он поднял руку, чтобы оттолкнуть ее, но потом опять уронил.

Мгновение он смотрел на нее со страшной болью во взгляде, а затем просто сдался, полностью покорившись ей. Она почувствовала, как его тело перестало сопротивляться. Он лежал на мерзлой земле, в его волосах запутались кусочки дубовых листьев. Его зеленые глаза смотрели куда-то в небо.

«Покончи уже с ним», — сказал утомленный голос в ее сознании.

Елена колебалась всего мгновение. В глазах Стефана было что-то, что будило смутные воспоминания. Лунный свет, комнатка на чердаке... Жаль, воспоминания были слишком размытыми, она не могла ухватить их, любая попытка напрячь память вызывала приступ тошноты.

Этот зеленоглазый, Стефан, должен был умереть, потому что он посмел обидеть того, для кого Елена рождена. Никто не имеет права обидеть его и остаться в живых.

Она со всей силы вонзила зубы в его горло. Внезапно девушка поняла, что делает это не совсем правильно. Она не дотянулась до артерии или вены и злилась на свою неопытность. Вообще кусать кого-то было приятно, но крови было очень мало.

Она в бешенстве повторила попытку. Его тело содрогнулось от боли.

На этот раз получилось гораздо лучше — она попала в вену, хотя и не пробила ее достаточно глубоко — образовалась лишь маленькая ранка, а нужно было распотрошить сосуд, чтобы теплая, густая кровь полилась наружу.

Ее жертва содрогалась, пока она неловко терзала зубами горло. У нее как раз начинало получаться, когда чьи-то руки потащили ее прочь.

Елена зарычала, не разжимая зубов, но ее не отпустили. Одна рука обвилась вокруг талии, другая вцепилась в волосы. Она боролась, впившись зубами и ногтями в свою добычу. «Оставь его!»

Голос был подобен порыву ледяного ветра. Елена узнала его и перестала сопротивляться. Когда, уже лежа на траве, она повернулась и увидела его, в голове всплыло имя. Дамон. Его звали Дамон. Она смотрела на него, и в ее взгляде были гнев и обида: ей не дали добить жертву. Но еще там была безграничная покорность.

Стефан сидел на земле, всё его горло было в крови, она текла на рубашку. Елена облизнула губы, почувствовав дрожь, как при внезапном приступе голода. Ощущение пронизало все тело. Ее опять мutilовало.

— Я ослышался, — спросил Дамон громко, — или ты сказал, что она мертва?

Он смотрел на Стефана, еще больше побледневшего и не скрывавшего отчаяния.

— Посмотри на нее, — бросил он.

Елену взяли за подбородок и потянули вверх. Она посмотрела прямо в прищуренные глаза Дамона. Тонкие длинные пальцы коснулись ее губ, проскользнули между ними. Елена инстинктивно попыталась укунить их, но не очень сильно. Дамон нащупал острое лезвие клыка, и на этот раз Елена укусила, как котенок.

Взгляд Дамона был тяжелым, но лицо не выражало ничего.

— Ты знаешь, где ты? — спросил он.

Елена оглянулась. Деревья.

— В лесу, — ответила она уклончиво, оглядываясь на него.

— А это кто?

Она посмотрела туда, куда он указывал.

— Стефан, — сказала она безразлично. — Твой брат.

— А кто я такой? Ты знаешь, кто я такой?

Она улыбнулась ему, обнажая острые зубки:

— Конечно, знаю. Ты — Дамон, и я тебя люблю.

2

Стефан был в ярости.

— Ты этого хотел? Да, Дамон? И ты это получил. Тебе недостаточно было просто убить ее, нет, ты хотел, чтобы она стала такой, как мы, как ты!

Дамон даже не оглянулся. Он напряженно смотрел на Елену полуприкрытыми глазами, стоя на коленях и держа ее за подбородок. «Ты уже третий раз это говоришь, и я начинаю уставать от этого», — проговорил он тихо. Взъерошенный и немного задышающийся, он, тем не менее, был собран и отлично владел собой.

— Елена, я тебя убивал?

— Конечно, нет, — сказала Елена, сплетая свои пальцы с его. Ей не терпелось. О чем они, в конце концов? Никто никого не убивал.

— Вот уж никогда не думал, что ты врун, — горько упрекнул Дамона брат. — Все что угодно, но не это. Никогда не думал, что ты будешь отпираться от сделанного.

— Еще секунда, — процедил Дамон, — и я за себя не отвечаю.

— А что еще ты можешь мне сделать? — обернулся Стефан. — Убить меня было бы милосерднее.

— Свой лимит милосердия ты исчерпал лет сто назад.

Дамон в конце концов отпустил подбородок Елены и обратился к ней:

— Ты помнишь, что сегодня происходило?

Елена откликнулась устало, как ребенок, бубнящий ненавистный урок: «Сегодня праздновали День Основателей».

Она сжала пальцы Дамона и подняла на него глаза. Больше она ничего не могла вспомнить, но этого было недостаточно. В раздражении она пыталась вспомнить что-то еще.

— В кафе кто-то был... Кэролайн! — Она радостно припомнила имя. — Она должна была прочесть перед всеми мой дневник, и это было очень плохо, потому что... — Елена вдруг потеряла мысль. — Не помню, почему. Но мы ее провели.

Она заговорщицки улыбнулась ему.

— О, серьезно, мы?

— Да. Ты его отобрал. Ты это сделал ради меня.

Пальцы ее свободной руки забрались ему под куртку, выискивая там дневник.

— Потому что ты меня любишь, — промурлыкала она, слегка поцарапывая найденную вещь. — Ведь ты меня любишь?

Из просвета раздался тихий звук. Елена увидела, как обернулся Стефан.

— Елена, что было дальше? — снова услышала она голос Дамона.

— Дальше? Дальше тетя Джудит затеяла со мной ссору, — Елена на секунду задумалась и пожала плечами, — не помню, по какому поводу. Я разозлилась. Она мне не мать, и не ей мне указывать.

Голос Дамона звучал сухо.

— Так, с этой проблемой мы, по всей видимости, больше не столкнемся. Что дальше?

Елена тяжело вздохнула.

— Потом я пошла и взяла машину Мэтта. Да, Мэтта.

Она машинально упомянула это имя, проводя языком по клыкам. Перед глазами встало красивое лицо, светлые волосы, широкие плечи.

— Мэтт.

— И куда ты поехала на машине Мэтта?

— К Плетеному мосту, — сказал Стефан, оборачиваясь к ним. В его глазах было отчаяние.

— Нет, к пансиону, — поправила раздраженная Елена. — Мне надо было дожждаться... ммм... забыла кого. Я стала ждать там. Потом начался шторм. Ветер, дождь, все такое. Мне это очень не понравилось, я влезла в машину. Но за мной что-то погналось.

— *Что-то* погналось за тобой, — проговорил Стефан, глядя на Дамона.

— Что-то неодушевленное, — подчеркнула Елена, которой надоело, что ее перебивают. — Слушай, давай уйдем куда-нибудь, только ты и я, а? — попросила она Дамона, поднимаясь на колени так, что ее лицо стало вровень с его.

— Сейчас, — сказал он, — а что за тобой последовало?

Она раздраженно отпрянула.

— Понятия не имею, что. Я такого никогда раньше не видела. Не похоже на тебя и Стефана. Это было как...

Картинки всплывали в памяти. Туман над землей. Завывание ветра. Огромное белое нечто, как будто сделанное из тумана, обволакивающее ее, как облако.

— Может, это было просто частью шторма, но мне показалось, что оно желало мне зла. Я убежала.

Поигрывая молнией на куртке Дамона, она загадочно улыбалась и смотрела на него сквозь ресницы.

— Да. Я вспомнила... кто-то... рассказывал мне о текущей воде. Нечисть не может пересечь текущую воду. Вот я и поехала к Утопленничьему ручью, к мосту, а потом...

Она засомневалась, хмурясь и пытаясь хоть что-то вспомнить. Вода. Воду она помнила. А больше — ничего.

— Потом я переехала ручей, — закончила наконец она с видимым облегчением. — Наверняка же я его переехала, раз я здесь. Это все? Мы можем теперь идти?

Дамон ей не ответил.

— Машину еще не вытащили из реки, — проговорил Стефан. Они с Дамоном, забыв вражду, смотрели друг на друга, как два взрослых, переговаривающихся в присутствии несмышленного ребенка.

Елену накрыла волна беспокойства. Она было открыла рот, но Стефан продолжал:

— Бонни, Мередит и я нашли ее. Я нырнул и вытащил Елену, но к тому времени...

Елена нахмурилась.

Дамон очень нехорошо ухмылялся.

— И ты сдался? Да тебе сам Бог велел заподозрить, что могло случиться. Или мысль об этом тебе так противна, что ты сразу ее отогнал от себя? А тебе бы хотелось, чтобы она действительно умерла?

— Она не дышала, и у нее не было пульса! — вспыхнул Стефан. — И она никогда не получала столько крови, чтобы трансформироваться! Ну не от меня, во всяком случае.

Его взгляд стал тяжелым.

Елена опять открыла рот, но Дамон дотронулся до ее губ двумя пальцами, повелевая ей молчать, потом мягко сказал:

— И вот в чем проблема — или ты тоже ничего не замечаешь? Ты просил меня посмотреть на нее; посмотри на себя. Она не в себе, она в шоке. Даже я это признаю, — он прервался на ослепительную улыбку. — Это больше, чем обычный шок после трансформации. Ей будет нужна кровь, человеческая кровь, или ее телу не хватит сил, чтобы завершить трансформацию. Она умрет.

«В каком смысле — не в себе?» — мысленно оскорбилась Елена, а вслух сказала, обдавая дыханием пальцы Дамона:

— Я в порядке. Я просто устала. Я собиралась спать, когда услышала шум вашей драки. Пришлось помочь тебе. А ты даже не дал мне его убить, — обиженно добавила она.

— Действительно, а почему ты не дал ей меня убить? — вмешался Стефан. Он смотрел на Дамона в упор, как будто пытался проглядеть его насквозь. Вся приветливость исчезла с его лица бесследно. — Это легче всего.

Дамон посмотрел в упор на брата таким же зверским взглядом, как у того. Он часто и прерывисто дышал.

— А может, я не ищу легких путей, — прошипел он. Потом, взяв себя в руки, ухмыльнулся и добавил:

— Подумай, братишка: если кому-то твоя смерть и доставит удовольствие, то только мне. Больше никому. И я планирую взять это на себя, и обычно у меня такие дела получаются очень хорошо, уверяю тебя.

— Да, мы заметили, — тихо согласился Стефан, как будто каждое слово доставляло ему страшную боль.

— Но эту, — сверкнув глазами, Дамон кивнул в сторону Елены, — я не убивал. Зачем мне ее убивать, если я и так мог инициировать ее в любой момент?

— Может быть, потому что она только что обручилась кое с кем другим?

Дамон поднял ладонь Елены, которая все еще лежала в его руке. На среднем пальце поблескивало золотое кольцо с темно-синим камнем. Елена уставилась на украшение, вспоминая, где она его видела, потом пожала плечами и устало отодвинулась от Дамона.

— Ну, это вообще не проблема, правда? Она была бы рада тебя забыть. — Он нехорошо улыбнулся Стефану. — Мы это выясним, когда она придет в себя. Тогда и спросим у нее, кого из нас предпочтет, хорошо?

Стефан покачал головой:

— Как ты можешь такое предлагать после того, что случилось?..

Тут он замялся.

— С Катриной? Я могу произнести это, если у тебя духу не хватает. Катрина сглупила и заплатила за это. Елена другая: у нее есть голова на плечах. Но если ты согласен — это не имеет значения, — добавил он, предвидя новые аргументы Стефана. — Она сейчас очень слаба, и ей нужна кровь. Сначала я прослежу, чтобы она ее получила, а потом найду того, кто с ней это сделал. Ты можешь пойти со мной или остаться, решай сам.

Он встал и потянул за собой Елену:

— Пошли.

Елена охотно последовала за ним, тело радовалось движению. Она никогда раньше не

замечала, как интересно ночью в лесу. Тоскливо кричали совы, мышки разбегались из-под ног. Местами воздух был холоднее, в ложбинах и впадинах — вообще ледяной. Идти рядом с Дамоном по насту из листвы было очень легко, нужно было только смотреть, куда ступаешь. Она даже не обернулась посмотреть, шел ли за ними Стефан.

Елена узнала место, где они выходили из леса. Она уже была здесь сегодня, но сейчас тут происходило что-то немыслимое: машины мигали синими и красными огнями, в свете фар вырисовывались тени сгрудившихся людей. Елена с любопытством смотрела на них: некоторые показались знакомыми. Например, женщина с измученным лицом и тревожными глазами — тетя Джудит? А высокий мужчина рядом с ней — ее жених, Роберт?

Она подумала, что кого-то не хватает. Ребенка с такими же светлыми, как у Елены, волосами, чьего имени она не могла вспомнить, как ни пыталась.

А вот двух девушек, которые стояли в обнимку, окруженные людьми в форме, она помнила. Рыженькую звали Бонни, она плакала. Вторая, с длинными черными волосами, была Мередит.

— Но ее же нет в воде! — приставала Бонни к полицейскому, и в ее голосе звучали истеричные нотки. — Ее оттуда вынул Стефан, мы видели, я же вам говорила, говорила!

— И вы оставили его с ней?

— Нам пришлось. Шторм усиливался, и надвигалось что-то...

— Не берите в голову, — вмешалась Мередит, которая была ненамного спокойнее Бонни, — Стефан обещал, что, если ему придется уйти, он оставит ее под ивами.

— Ну и где же теперь Стефан? — спросил другой полицейский.

— Мы не знаем. Мы пошли за помощью. Может быть, он пошел за нами. Но что же с Еленой... — Бонни отвернулась и уткнулась в плечо Мередит.

Елена поняла, что они горюют именно из-за нее. Как глупо. Ну ничего, это можно поправить. Она было рванулась на свет, но Дамон ее не пустил. Она изумленно посмотрела на него.

— Не так. Выбери тех, кто понравится, и мы их призовем.

— Для чего?

— Для того чтобы напиться их крови, Елена. Теперь ты охотник. А это — твоя добыча.

Елена задумчиво надавила языком на клык. Никто из тех, кого она видела, не выглядел как потенциальный источник пищи. Но раз уж Дамон затронул эту тему, пусть он и мучается проблемой выбора.

— Выбирай кого хочешь, — любезно предложила она.

Дамон наклонил голову, сощурил глаза, осматривая пространство, как если бы оно было гениальной картиной, а он — экспертом, который эту картину оценивает.

— Как насчет парочки симпатичных фельдшеров?

— НЕТ! — прозвучал голос сзади.

Дамон лишь оглянулся через плечо на Стефана.

— И почему нет?

— Хватит нападать. Может, ей и нужна человеческая кровь, но необязательно за ней охотиться.

Стефан был мрачен и недоволен.

— А у нас есть варианты? — насмешливо осведомился Дамон.

— И ты о них прекрасно знаешь. Найди кого-нибудь, кто бы хотел отдать кровь или кого можно убедить это сделать. Кого-нибудь, кто сделает это для Елены, кто достаточно силен рассудком.

— Надеюсь, ты знаешь, где мы найдем этот эталон добродетели?

— Отведи ее в школу. Я буду ждать там, — бросил Стефан и исчез.

Когда они уходили, люди все еще толпились и сустились. Пока они шли, Елена заметила странную вещь. Посередине реки была машина, у нее горели фары. Она практически затонула, только капот выглядывал из воды.

Исчезая с Дамоном в лесу, она подумала, что река — идиотское место для парковки.

К Стефану опять возвращались чувства.

Было больно. Когда он вытащил бездыханное тело Елены из воды, он думал, что никогда больше не почувствует боли, потому что хуже уже не будет. Он ошибался.

Стефан остановился, обнимая дерево здоровой рукой, опустив голову, тяжело дыша. Когда кровавые точки перед глазами рассеялись и зрение вернулось, он пошел дальше, но жгучая боль в груди не утихла. Он уговаривал себя не думать о ней, хотя прекрасно понимал, что это бесполезно.

Он тогда думал, что никогда больше не услышит ее голос, не почувствует тепло ее прикосновения... Почувствовал. Когда она хотела его убить.

Он опять остановился, борясь с тошнотой.

Видеть ее такой — это пытка даже худшая, чем видеть ее мертвой и холодной. Может быть, поэтому Дамон и оставил ему жизнь. Может, это была его месть.

А может быть, Стефану надо сделать то, что он планировал сделать после того, как убьет Дамона. Дождаться восхода и снять серебряное кольцо, защищающее от солнечного света. Стоять на ярком свету, пока смертоносные лучи не выжгут плоть и не избавят от боли раз и навсегда.

Он знал, что не сделает этого. Пока Елена ходит по этой земле, он не оставит ее. Даже если она будет его ненавидеть и охотиться на него. Он будет охранять ее.

Стефан решил окольным путем вернуться в пансион — нужно было привести себя в порядок, прежде чем он покажется кому-то на глаза. В комнате он смыл кровь с лица и шеи и осмотрел руку. Регенерация уже началась, и, сосредоточившись, он ее ускорил. Сила расходовалась быстро — борьба с Дамоном его вымотала. Однако это было важно. Не из-за боли — он ее почти не замечал, а потому что надо было быть в форме.

Дамон и Елена ждали у школы. Он чувствовал нетерпение брата и новую, дикую Елену.

— В твоих интересах, чтобы все получилось, — отрезал Дамон.

Стефан промолчал. Школа была вторым местом, где собрались люди. Вообще-то всем полагалось танцевать на празднике Основателей, но теперь те, кто остался, несмотря на шторм, слонялись из стороны в сторону и собирались в небольшие компании. Стефан заглянул в открытую дверь, мысленно выискивая одного-единственного человека. И нашел. Блондин сидел, уронив голову на стол.

Мэтт.

Мэтт выпрямился и озадаченно посмотрел по сторонам. Стефан мысленно приказал ему выйти.

Тебе нужно подышать свежим воздухом, мысленно приказал он подсознанию Мэтта. Тебе хочется выйти на улицу.

Потом он бросил Дамону (тот, невидимый, стоял в тени): *отведи ее в класс для фотографирования, она знает, где это. Не показывайтесь, пока я не скажу.*

Потом вернулся и стал ждать Мэтта. Тот вскоре вышел. Поднял лицо, посмотрел в безлунное небо. Стоило Стефану его окликнуть, он буквально набросился на него:

— Стефан! Ты здесь! — На его лице надежда, отчаяние и ужас сменяли друг друга. — Они привезли ее? Есть новости?

— А что ты слышал?

Мэтт секунду помедлил, глядя ему в глаза, перед тем как ответить:

— Бонни и Мерedit прибежали и сказали, что Елена сорвалась с моста на моей машине. Они сказали, что она... — тут он замялся и судорожно сглотнул, — ...Стефан, это ведь неправда?

Он посмотрел на Стефана умоляющими глазами, тот отвернулся.

— Боже... — прохрипел Мэтт, отвернулся от Стефана и стал тереть глаза. — Я не верю, не верю, этого не может быть.

— Мэтт... — Стефан обнял его за плечи.

— Прости, — голос Мэтта звучал грубо и хрипло, — я представляю, как тебе сейчас плохо, а еще я тут...

«Мне еще хуже, чем ты думаешь», — подумал Стефан, и его рука сползла с плеча парня.

Он пришел для того, чтобы с помощью Силы убедить Мэтта, но теперь видел, что это невозможно. Он не мог этого сделать, во всяком случае, не с первым — и единственным — другом-человеком, который у него здесь был.

Еще можно было сказать Мэтту правду, чтобы он сделал свой осознанный выбор.

— Слушай, если бы ты мог чем-нибудь помочь Елене прямо сейчас, — сказал он, — ты бы сделал это?

Будь Мэтт в нормальном состоянии, он бы назвал этот вопрос идиотским, но сил на лишние слова не было, поэтому он, не переставая тереть рукавами глаза, просто и почти грубо ответил:

— Все что угодно. Я сделаю для нее все.

Его голос дрожал, но он смотрел на Стефана с тенью пренебрежения.

Стефан мысленно поздравил его с только что выигранным билетом в мир Теней. В желудке внезапно появилось противное ощущение пустоты.

— Пошли, — сказал он. — Мне надо кое-что тебе показать.

3

Елена и Дамон ждали в темной комнате. Стефан почувствовал их присутствие в прихожей, когда открыл дверь и впустил Мэтта внутрь комнаты для фотографирования.

— Вообще-то эти двери должны быть закрыты, — сказал Мэтт, когда Стефан щелкнул выключателем. Зажегся свет.

— Вообще да.

Он так и не придумал, что сказать Мэтту, чтобы подготовить его к тому, что должно было произойти. Он никогда раньше намеренно не раскрывал своей тайны перед человеком.

Стефан стоял тихо, пока Мэтт не обернулся и не посмотрел на него. В комнате было холодно и тихо, и казалось, сам воздух давил на плечи. Окаменелое выражение горя на лице Мэтта сменилось тревогой.

— Не понимаю... — сказал он.

— Это неудивительно.

Он продолжал смотреть на Мэтта, намеренно убирая барьеры, не позволяющие человеку чувствовать его Силу. Реакция Мэтта не заставила себя ждать — тревога сменилась страхом. Парень недоуменно моргал и тряс головой, часто дыша.

— Что?.. — спросил он скрипучим голосом.

— Наверно, тебя во мне удивляли многие вещи, — сказал Стефан, — например, почему я ношу темные очки на ярком свете. Почему я не ем. Почему у меня очень быстрая реакция.

Мэтт стоял спиной к темной комнате. Его горло дергалось, как будто он пытался что-то проглотить, но не мог. Стефан звериным чутьем уловил, как тихо бьется его сердце.

— Да нет... — растерялся Мэтт.

— Нет, они должны были тебя удивлять, и ты должен был задавать себе вопрос, почему я не такой, как другие.

— Да нет же. В смысле, я не придавал этому значения. Я не в свои дела не лезу.

Мэтт потихоньку продвигался к двери, чуть заметно кося на нее взглядом.

— Не надо, Мэтт. Я тебя не обижу, но и не отпущу прямо сейчас.

Он почувствовал еле сдерживаемый голод Елены и мысленно приказал ей ждать.

Мэтт пошел послушно, не делая ни малейшей попытки сбежать.

— Если ты хотел меня напугать, у тебя получилось. Чего еще тебе надо? — прошептал он.

Вот теперь, сказал он Елене и бросил Мэтту:

— Повернись.

Мэтт повернулся и сдавленно вскрикнул.

Перед ним стояла Елена, но не такая, какой он видел ее последний раз днем. Из-под подола виднелись босые ноги. Тонкие складки белого муслина, прилипавшие к телу, были покрыты сверкающими льдинками. Ее кожа, обычно такая чистая, теперь имела какой-то холодный оттенок, а золотистые волосы отливали серебром. Но главное — изменилось лицо. Глаза были полуприкрыты, как будто она хотела спать, но в то же время в них был какой-то лихорадочный блеск. Чувственный рот был искривлен в голодной гримасе. Она казалась красивее, чем раньше, но красота эта была пугающая.

Мэтт в оцепенении уставился на нее, она облизнула губы розовым язычком.

— Мэтт! — позвала она, подчеркивая первую букву имени. Потом Елена улыбнулась.

Стефан услышал стон Мэтта, отвернувшегося наконец от Елены, почувствовал его недоверие.

Все нормально, послал он Мэтту импульс на волне Силы. Мэтт резко повернулся к нему, его удивленные глаза были широко распахнуты. Стефан добавил:

— Вот. Теперь ты знаешь.

По лицу Мэтта явственно читалось, что он предпочел бы не знать ничего. Тут из темноты вынырнул Дамон и встал подле Елены. Атмосфера в комнате стала еще более напряженной.

Мэтта окружили трое существ, нечеловечески красивых и пугающих.

Стефан чуял страх Мэтта. Это был беспомощный страх кролика перед лисой, мыши перед совой. И, кстати, Мэтт совершенно правильно боялся. Они были хищниками и охотились на таких, как он. Убить его было для них вопросом жизни и смерти.

Именно теперь инстинкты выходили из-под контроля. Первым порывом Мэтта было убежать в панике, и это подстегивало рефлексы Стефана, ведь когда жертва пытается убежать, хищник за ней гонится. Трое хищников были на грани того, чтобы атаковать, и Стефан подумал, что, если Мэтта прижмут, он не отвечает за последствия.

Мы не хотим тебе зла, — мысленно сказал он Мэтту. — *Ты нужен Елене, и, если ты ей поможешь, с тобой не случится ничего плохого. Даже больно не будет, Мэтт.*

Однако Мэтт все еще был напряжен и готов спастись бегством, и Стефан понял, что они втроем преследуют его, подвигаются ближе, готовые отрезать любые пути к отступлению.

Ты сказал, что сделаешь все для Елены, — в отчаянии напомнил он Мэтту и увидел, что тот уже сделал свой выбор.

Мэтт совладал с дыханием, расслабил тело.

— Ты прав, я обещал, — прошептал он и сделал над собой заметное усилие, перед тем как продолжить, — что ей нужно?

Елена приблизилась к Мэтту и провела пальцем по его шее, по упругой выпуклости артерии.

— Не эта, — быстро сказал Стефан, — ты же не хочешь его убить. Скажи ей, Дамон.

Мысленно он повторил приказ, потому что Дамон и бровью не повел.

— Попробуй здесь или здесь. — Дамон деловито указал пальцем в две точки, поддерживая подбородок Мэтта. Держал он достаточно сильно, Мэтт не мог вырваться, и Стефан почувствовал, как парень опять начал паниковать.

Верь мне, Мэтт. Он подвинулся к парню. *Это должен быть твой выбор,* закончил он, охваченный жалостью. *Ты можешь передумать.*

Мэтт было замялся, но потом процедил сквозь стиснутые зубы:

— Нет. Я все еще хочу помочь. Я хочу помочь тебе, Елена.

«Мэтт...» — прошептала она, глядя на него ярко-синими глазами. Потом взгляд опустился на его шею, и ее губы плотоядно раскрылись. От той неуверенности, которая мучила ее, когда Дамон предложил выпить крови фельдшеров, не осталось и следа. Она

опять улыбнулась и атаковала, стремительно, как хищная птица.

Стефан обнял Мэтта рукой за плечи, чтобы поддержать. В тот момент, когда зубы Елены проткнули его кожу, парень попытался отстраниться, но Стефан мысленно успокоил его. *Не надо сопротивляться, иначе будет больно.*

Пока Мэтт пытался расслабиться, неожиданная помощь пришла от Елены: она распространяла вокруг себя волны радости — радости волчонка, которого покормили. В этот раз у нее получилось укусить с первого раза, и она была полна невинной гордости и удовлетворения. Стефан был очень благодарен Мэтту, но почему-то почувствовал укол ревности. Она не ненавидела Мэтта и не хотела его убить, потому что он не представлял опасности для Дамона. Мэтт ей нравился.

Стефан позволил ей выпить безопасное для здоровья парня количество крови и попытался остановить ее. *Хватит, Елена, ты же не хочешь его покалечить.*

Не тут-то было. Понадобились объединенные силы его, Дамона и изрядно ослабевшего Мэтта, чтобы оторвать ее.

— Теперь ей нужно отдохнуть, — заявил Дамон. — Я забираю ее в безопасное место, где она сможет это сделать.

Он не спрашивал Стефана, он ставил его перед фактом.

Когда они исчезли, в сознании Стефана прозвучал его голос: *Я не забыл, как ты напал на меня, братишка. Мы поговорим об этом позже.*

Стефан уставился им вслед. Он заметил, как Елена смотрела на Дамона, как безропотно последовала за ним. Но сейчас она хотя бы была в безопасности — кровь Мэтта придала ей сил. Стефан сказал себе, что это — единственное, что имеет значение в данный момент.

Он повернулся и увидел изумленного Мэтта. Парнишка неподвижно сидел на пластиковом стуле и смотрел перед собой. Потом он поднял глаза на Стефана, и они хмуро переглянулись.

— Ну вот, — Мэтт слегка покачал головой и перешел на шепот, — теперь я знаю. Но мне все еще не верится... — Он вздрогнул, осторожно коснувшись пальцами горла. — Если бы не это... — он нахмурился и вдруг спросил: — Этот парень, Дамон, он кто?

— Мой старший брат, — прозвучал лишенный эмоций голос Стефана. — А откуда ты знаешь, как его зовут?

— Он был у Елены на прошлой неделе. На него еще котенок зашипел... — Мэтт замолчал, вспоминая что-то, — а у Бонни было что-то типа видения.

— У нее было пророческое видение? А что она сказала?

— Она сказала, что сама Смерть была в доме.

Стефан взглянул на дверь, в которую вышли Дамон и Елена.

— Она была права...

— Стефан, что, в конце концов, происходит? — требовательно спросил Мэтт. — Что случилось с Еленой? Она такой всегда останется? Или можно что-нибудь сделать?

— Такой — это какой? — грубо ответил Стефан. — Полубезумной? Вампиршей?

— Я и про то, и про другое... — отвернулся Мэтт.

— Что касается первого, то она наверняка придет в себя после того, как поела. Во всяком случае, Дамон так думает. Что касается второго, то, чтобы изменить ее состояние, ты можешь сделать только одно, — в глазах Мэтта появилась надежда, но Стефан неумолимо продолжал, — ты можешь взять деревянный кол и забить ей в сердце. Она перестанет быть вампиром. Просто умрет.

Мэтт встал и подошел к окну.

— Хотя ты не можешь ее убить, она уже мертва. Елена утонула в реке, Мэтт. Но перед этим получила достаточно крови от меня, — тут Стефан остановился, чтобы совладать со срывающимся голосом, — и, я полагаю, от моего брата и поэтому трансформировалась, вместо того чтобы умереть. Она стала охотницей и останется ей навсегда.

Мэтт, не поворачиваясь, ответил:

— Я всегда догадывался, что с тобой что-то не так. Я-то думал, это потому, что ты —

иностранец, — он покачал головой, как бы осуждая себя за что-то, — но в глубине души я понимал, что это не так. И все же я чувствовал, что тебе можно верить, и верил.

— Как тогда, когда ты пошел со мной за вербеной?

— Да, как тогда. Теперь ты наконец можешь мне сказать, на кой черт это было нужно?

— Для того, чтобы защитить Елену. Я не хотел, чтобы Дамон находился рядом с ней. Но, сдается мне, она-то как раз была не против, — выговорил Стефан с плохо скрываемым ядом в голосе.

Мэтт обернулся.

— Не суди ее, пока не разберешься в ситуации. Я тебя очень прошу.

Стефан вздрогнул и улыбнулся довольно безрадостно. Они с Мэттом теперь были на равных — Еленины бывшие. Он сомневался, что сможет вести себя, как ни в чем не бывало, как это делал Мэтт. Вряд ли ему удастся спокойно принять свое поражение, как приличествует настоящему мужчине.

С улицы послышался какой-то шум. Обычный человек его бы не услышал, да и Стефан не обратил на него внимания, пока в сознание не проникли звучащие слова. Он быстро вспомнил, что натворил в этой школе несколько часов назад, и до него дошло, что он совсем позабыл о Тайлере Смоллвуде и его друзьях.

Теперь он вспомнил все в подробностях. Ужас и стыд сдавили горло. Он был вне себя от горя из-за Елены, и, тем не менее, оправданий его поступку не было. Неужели они все мертвы? Неужели он, недавно поклявшийся никого не убивать, прикончил сегодня шесть человек?

— Стефан, погоди. Что ты творишь?

Когда ответа не последовало, Мэтт бросился за ним из основного здания школы на площадку.

На дальнем ее краю, у ангара, стоял мистер Шелби. Серое лицо дворника исказила гримаса ужаса. Казалось, он пытался закричать, но получался только сдавленный хрип. Протиснувшись мимо него, Стефан заглянул в комнату, и тут его охватило чувство дежавю.

То, что он увидел, напоминало комнату Чокнутого Драчуна из благотворительного проспекта о Доме с Привидениями, с той разницей, что это было не декорацией для посетителей. Это было по-настоящему.

Повсюду лежали тела в неестественных позах, среди щепок и осколков стекла. Кровь была везде, и одного взгляда хватило чтобы понять, почему: у всех лежащих, кроме Кэролайн, было по две бледные дырочки на шее. У Кэролайн их не было, но ее глаза были абсолютно пусты.

За спиной у Стефана часто дышал Мэтт:

— Стефан... Елена же не... Она не могла...

— Тихо, — отрезал Стефан.

Он оглянулся на мистера Шелби, но дворник, видимо, споткнулся о свою тележку с метлами и тряпками и теперь пытался встать.

Стекло затрещало у Стефана под ногами, когда он подошел к Тайлеру и опустился перед ним на колени.

Тот был жив.

Стефан вздохнул с облегчением. Тайлер чуть слышно дышал и, когда Стефан поднял его голову, приоткрыл глаза и невидяще уставился перед собой.

Ты ничего не помнишь, мысленно сказал ему Стефан. Одновременно он ломал голову, для чего ему все это нужно. По-хорошему надо было уехать из Феллс-Черч, исчезнуть и никогда больше не возвращаться.

Но он так не поступит. По крайней мере, пока Елена здесь.

Он дотянулся до еле теплящихся рассудков других жертв и приказал им все забыть, да так, чтобы и следа не осталось в памяти.

Вы не помните, кто на вас напал. Весь прошедший день — как белое пятно.

В это время он почувствовал, что его Сила дрожит, как перенапряженные мышцы.

Скоро он совсем сгорит.

На улице наконец-то истошно заорал мистер Шелби. Стефан медленно опустил голову Тайлера на пол и обернулся.

Мэтт оскалился и наморщил нос, как будто ему только что дали понюхать уксус. Глаза у него были совсем чужие.

— Елена этого не делала, — прошептал он. — Это сделал *ты*.

— Тихо! — Стефан протиснулся за ним в темную прохладу ночи, уходя прочь от ужасного ангара, чувствуя, как горит кожа на морозе. Со стороны ближайшего кафе послышался топот, и он понял, что кто-то все же услышал вопли дворника.

Мэтт бросился за ним.

— Это же неправда?!

По голосу было слышно, что он пытается хоть что-то понять, но не может.

Стефан обернулся.

— Это был я, — прорычал он и уставился на Мэтта сверху вниз, не скрывая злобы. — Я же тебе говорил: мы — охотники. Убийцы. Вы — овцы, мы — волки. А Тайлер просил меня об этом с первого моего появления.

— Просил дать ему по морде, конечно. Как ты до этого ему дал. Но — о таком?

Мэтт приблизился к нему вплотную и посмотрел прямо в глаза, без тени страха. Для этого требовалось большое мужество.

— И ты даже не жалеешь?

— А с чего бы? — холодно спросил Стефан. — Ты жалеешь, когда съешь слишком много говядины? Тебе коровку жалко?

Он понял, что Мэтт ему не верит, напрягся и загнал боль глубже в его грудь. Для Мэтта будет лучше, если они никогда больше не увидятся. Иначе он может повторить судьбу тех людей из ангара.

— Я — то, что я есть, Мэтт. И если ты не можешь с этим смириться, держись подальше.

Мэтт глядел на него еще секунду, потом недоверие на его лице сменилось разочарованием. На скулах выступили желваки. Он молча развернулся и вышел.

Елена была на кладбище.

Дамон оставил ее там, наказав никуда не уходить, пока он не вернется, но сидеть сложа руки очень не хотелось. Она, конечно, устала, но спать не хотелось — свежая кровь подействовала как хорошая доза кофеина. Хотелось пойти на разведку.

Хоть людей и не было видно, старое кладбище кипело жизнью. Вот лиса прокралась к водопою. Какие-то зверьки копошились и попискивали в высокой траве вокруг могильных камней. Сипуха почти бесшумно пролетела в сторону разрушенной церкви и уселась на колокольню, зловеще заухав.

Елена встала и последовала за ней. Так было гораздо приятнее, чем прятаться в траве, как полевка. С помощью обостренного зрения она рассмотрела церковь. Крыша почти везде обвалилась, осталось только три стены, и только колокольня стояла, как памятник.

С одной стороны находилась могила Томаса и Онории Феллов, похожая на большой каменный саркофаг. Елена вгляделась в мраморные лица статуй на крышке. Они лежали спокойные, с закрытыми глазами, руки сложены на груди. Томас Фелл казался серьезным и немного суровым, а Онория — просто грустной. Елена как-то отстраненно подумала о собственных родителях, лежащих бок о бок на одном из современных кладбищ.

Она поняла, что пойдет домой. Перед глазами встали знакомые картинки: ее уютная спальня с голубыми занавесками, мебелью из вишневого дерева и маленьким камином. И еще — что-то очень важное под полом в туалете.

Она нашла дорогу к Кленовой улице больше с помощью инстинктов, чем по памяти.

Ноги сами вывели туда, к старому дому с большим крыльцом. Машина Роберта была припаркована тут же.

Елена было направилась к входной двери, но вдруг остановилась. Была какая-то причина, по которой люди не должны были ее видеть, но она не могла ее сформулировать. Елена застыла на мгновение, потом быстро влезла на айву, растущую перед окнами ее спальни.

Пробраться в дом и остаться незамеченной все равно не получилось — на ее кровати сидела женщина. Она, как замороженная, смотрела на Еленино красное кимоно, лежащее у нее на коленях. Тетя Джудит. Роберт стоял у буфета и что-то ей говорил. Елена поняла, что может разобрать его шепот даже через окно.

— ...или завтра, еще раз, — говорил он, — пока не начнется шторм. Они прочешут каждый сантиметр леса и найдут ее, Джудит. Вот увидишь. — Тетя Джудит молчала. В голосе Роберта все явственнее звучало отчаяние: — Мы не должны опускать руки, даже несмотря на то, что говорят девочки.

— Не поможет, Боб, — тетя Джудит наконец подняла лицо. Глаза были красные, но сухие. — Это ничего не даст.

— Почему это? Даже не смей так говорить! — он встал напротив нее. — Почему это поиски ничего не дадут?

— Не только они... хотя я сердцем чувствую, что живой они ее не найдут. Я имею в виду вообще все. То, что случилось сегодня, — наша вина.

— Неправда. Это дурацкий несчастный случай.

— Да, но он произошел по нашей вине. Если бы мы были к ней добрее, она бы никогда не уехала одна и не попала бы в шторм. И не надо пытаться заткнуть мне рот. Выслушай! — Тетя Джудит глубоко вздохнула и продолжила: — Не сегодня все это началось. У нее давно были проблемы, я просто не обращала внимания. Я была слишком занята нашими с тобой делами. Теперь, когда Елена пропала, я не хочу, чтобы что-нибудь случилось с Маргарет.

— О чем ты?

— Я не могу выйти за тебя замуж, по крайней мере, так быстро, как мы планировали. Может быть, я вообще за тебя не выйду, — она мягко продолжала: — В жизни Маргарет было слишком много потерь. Я не хочу, чтобы она думала, что теряет еще и меня.

— Она не потеряет тебя! Она приобретет еще одного родного человека, ты же знаешь, как я к ней отношусь.

— Прости, Боб, я так не думаю.

— Ты это всерьез? После всего, что было? После всего, что я для вас сделал?

— Я серьезно, — сухо и неумолимо отрезала тетя Джудит.

Елена внимательно разглядывала Роберта через окно. Он покраснел, на лбу выступила вена.

— Завтра ты передумаешь, — бросил он.

— Нет.

— Ты имеешь в виду, что...

— Я имею в виду только то, что сказала. И не говори мне, что передумаю. Я не передумаю.

Роберт беспомощно оглянулся по сторонам, потом взял себя в руки. Когда он заговорил, голос был пустым и холодным.

— Я все понял. Если это твое окончательное решение, то я лучше пойду.

— Боб... — позвала тетя Джудит, но он был уже на улице. Она встала, как бы сомневаясь, идти за ним или нет. Ее пальцы ползали по красной ткани.

— Боб! — еще раз прокричала она, повернувшись, чтобы положить кимоно Елены на кровать.

И вдруг тетя Джудит застыла, прикрыв рот рукой. Через стекло она увидела Елену, их глаза встретились. Одну долгую секунду они смотрели друг на друга не двигаясь. Потом тетя Джудит закричала.

Какая-то сила сдернула Елену с дерева, и она с протестующим воем приземлилась на все четыре конечности, как кошка. Правда, расшибла колени, которые коснулись земли секундой позже.

Она выпрямилась и выставила острые ногти для атаки. Дамон больно шлепнул ее по руке.

— С какой стати ты стянул меня с дерева? — возмутилась она.

— А с какой стати ты не там, где я велел тебе быть? — парировал он.

Оба злобно мерили друг друга злобным взглядом, потом Елена отвернулась. Сверху все еще доносился крик и звук возни. Дамон потащил ее за дом, где их не могли заметить из окон.

— Давай уходить, — проворчал он, поглядывая наверх. Не дожидаясь ответа, он схватил ее за руку. Елена стала вырываться.

— Мне нужно войти туда!

— У тебя не получится, — он по-волчьи улыбнулся, — я тебе серьезно говорю. Тебя не пригласили.

На секунду Елена настолько растерялась, что позволила протащить себя несколько шагов, но потом опять уперлась пятками в землю.

— Мне нужен мой дневник!

— Что?!

— Он в туалете, под полом. Он мне нужен. Я не могу заснуть без дневника.

Елена даже не понимала, почему она так беспокоится, но с дневником явно было связано что-то очень важное.

Дамон сначала нахмурился, но потом, видимо, успокоился.

— Вот, — он вынул что-то из куртки, — возьми.

Елена недоверчиво посмотрела на то, что он ей протягивал.

— Это же твой дневник?

— Да, но это старый. А мне нужен новый!

— Обойдешься. Пошли, пока они не перебудили всю округу.

Его голос стал холодным и повелительным.

Елена посмотрела на блокнот, который он ей дал. Маленький, в обложке из синего бархата, с застежкой. Ну, он не новый, но сойдет. Блокнотик был ей явно знаком.

Она позволила Дамону себя увести, даже не спросив, куда они направляются. Ей было все равно. Она узнала дом на улице Магнолий, где жил Аларих Зальцман.

Он же и впустил их внутрь. Учитель истории выглядел странно, и, казалось, вообще их не замечал. У него были остекленевшие глаза, и двигался он как робот.

Елена облизнула губы.

— Нет, — отрезал Дамон, — этого мы кусать не будем. Он какой-то малахольный, но у него ты будешь в безопасности. Я уже спал здесь. Пошли наверх.

Он привел ее на чердак с одним окошком, заваленный всяким хламом: тут валялись санки, лыжи, гамак.

В самой глубине на полу лежал старый матрас.

— Утром он даже не догадается, что ты здесь. Ложись.

Елена послушалась и легла, приняв максимально удобную позу: лежа на спине, сложенные руки прижимают к груди дневник. Дамон набросил кусок клеенки на ее босые ноги.

— Спи, Елена.

Он наклонился над ней, и на секунду девушке почудилось, что он собирается... что-то сделать. У нее смешались мысли. Его антрацитово-черные глаза заполнили все поле зрения. Потом он отодвинулся, и она снова смогла вдохнуть. Темнота чердака навалилась на Елену,

глаза сами собой закрылись, и она провалилась в сон.

Просыпалась она медленно, с трудом вспоминая, что она делает на чердаке чьего-то дома.

Среди хлама, накрытого клеенкой, кто-то копошился — крысы или мыши, но их возня ее не беспокоила. Сквозь ставни пробивались полосы тусклого света. Елена сбросила свое импровизированное одеяло и отправилась на разведку.

Чердак был ей незнаком. Она чувствовала себя как после долгой болезни. Страшно хотелось знать, какой сегодня день.

Внизу кто-то разговаривал. Внутренний голос подсказал, что нужно вести себя тихо и осторожно. Она тихонько приоткрыла дверь и спустилась на лестничную площадку. Сверху ей была видна гостиная, она узнала ее, узнала кушетку, на которой сидела на вечеринке у Алариха Зальцмана. Она была в доме Рэмси.

Аларих был внизу, она видела его пшеничную голову. Его голос ей не понравился. Вскоре она поняла, почему: он звучал не нудно, как обычно на уроке, учитель не бубнил, а тихо и уверенно что-то говорил двоим мужчинам.

— Она может быть где угодно, буквально у нас под носом. Скорее всего, за городом, в лесу.

— Почему именно в лесу? — спросил один из мужчин. Елена узнала голос и лысину. Это был мистер Ньюкасл, директор колледжа.

— А вы вспомните — две предыдущие жертвы нашли около леса, — вмешался второй.

Похоже, это был доктор Файнберг. Интересно, что он здесь делает? И что, в конце концов, она здесь делает?!

— Тут что-то большее, — двое мужчин слушали Алариха внимательно и уважительно. — Это как-то связано с лесом. У них там, наверное, убежище, место, где они могут уйти под землю, если их раскроют. Если оно там есть, я его найду.

— Вы уверены? — спросил мистер Файнберг.

— Абсолютно.

— И вы думаете, Елена там? — не унимался директор. — И она там останется? Или вернется в город?

— Я не знаю, — Аларих смерил шагами комнату, взял с кофейного столика какую-то книгу и рассеянно провел по ней пальцем. — Лучший способ это выяснить — понаблюдать за ее друзьями, Бонни Маккалог и той брюнеткой, Мередит. Скорее всего, они будут первые, кому она покажется. Так обычно бывает.

— А что будет после того, как мы ее выследим?

— А вот это уже предоставьте мне, — тихо и мрачно бросил Аларих. Он закрыл книгу и бухнул ею об стол.

Директор посмотрел на часы.

— Я, наверное, пойду. Служба начинается в десять, я думаю, вы оба будете присутствовать? — на пути к двери он остановился и нерешительно оглянулся. — Аларих, ты ведь об этом позаботишься? Когда я тебя позвал, все было не так плохо. Теперь я начинаю сомневаться...

— У меня получится все исправить, Брайан. Я же тебе говорил: предоставьте это мне. Вы хотите, чтобы все газетчики вас окрестили «Колледжем с привидениями», расписали про нечисть, слоняющуюся у вас по коридору, и скопище мертвяков? Вы такой репутации хотите?

Ньюкасл закусил губу и невесело покачал головой.

— Хорошо, Аларих. Но работай чисто и быстро. Увидимся в церкви.

Они с Файнбергом ушли. Аларих постоял какое-то время, тупо пялясь в пространство, потом кивнул каким-то своим мыслям и тоже вышел.

Елена тихонечко вернулась на чердак. Она не понимала, о чем сейчас говорили эти люди, и вообще чувствовала себя так, как будто потерялась в пространстве и времени. Ей нужно было знать, какой сегодня день, что с ней происходит, почему она так боится и почему так важно, чтобы ее никто не видел.

Оглядывая чердак, она не нашла ничего, что могло бы хоть как-то приблизить ее к разгадке. Там, где она спала, лежали только старый матрас, клеенка и маленький синий блокнот. Дневник! Она сразу же расстегнула его и стала просматривать. Записи кончались 17 октября, сегодняшнее число по ним определить было невозможно. Пока она пролистывала дневник, перед глазами вставали картины, которые, как жемчужины в ожерелье, складывались в воспоминания. Она, как сомнамбула, опустилась на диван и стала читать о жизни Елены Гилберт.

Закончив, она была еле жива от ужаса. В прочитанных строках было слишком много боли и тайн. Это была история девушки, чувствовавшей себя чужой в родном городе, в родной семье, которая всегда искала что-то и не могла найти. Но не это было причиной ледящей паники, которая разом лишила ее сил. Не поэтому ей казалось, что она падает в пропасть. Причиной паники было то, что она вспомнила.

Она вспомнила все. Мост, огромную толщу воды. Ужас, когда в легких кончился воздух и нечем стало дышать. Страшную боль. Последнюю секунду, когда боль закончилась, и мир перестал существовать.

Стефан, Стефан, как же я тогда испугалась, подумала она. Тот же страх жил в ней и сейчас. Как она могла поступить с ним так в лесу? Как она могла забыть, кем он для нее был? Какая муха ее укусила?

В глубине души она понимала, какая. Человек вообще-то не может утонуть, а потом так запросто ожить. Она медленно подошла к окну, закрытому ставнями, и посмотрелась в него, как в зеркало.

Отражение не было похоже на то, которое она видела во сне про коридор из живых зеркал. Ничего жестокого в ее лице не было, однако оно слегка отличалось от того, к которому она привыкла. Оно было очень бледным, в глазах была странная пустота. Елена потрогала горло с обеих сторон, в тех местах, где ее укусили Стефан и Дамон. Достаточно ли этих укусов, и достаточно ли их крови она выпила? Наверняка да. Теперь ей до конца жизни, до конца ее существования придется питаться, как Стефан. Ей придется...

Она рухнула навзничь, прижавшись лбом к деревянному полу.

Не может быть, пожалуйста, не могу, не могу...

Она никогда не была особенно верующей, но теперь из глубины души поднималась паника, каждая клеточка тела молила о помощи.

Пожалуйста, прошу, умоляю, Господи, помоги мне, прошу, помоги, пожалуйста...

Она не просила о чем-то конкретном — не могла собраться с мыслями, просто просила помощи. Через какое-то время она поднялась.

Ее бледное лицо было печально и красиво, как тонкий фарфор, светящийся изнутри. Под глазами лежали тени, но во взгляде появилась решимость.

Нужно было найти Стефана. Если ей можно как-то помочь, то именно он знает, как. А если нет... ну что ж, тогда он нужен ей еще сильнее. Он — единственное существо, с которым она хочет быть рядом.

Елена аккуратно прикрыла дверь на чердак и спустилась вниз. Аларих Зальцман не должен знать о ее убежище.

На стене висел календарь. Все числа до 4-го декабря были вычеркнуты. С субботнего вечера прошло четверо суток. Именно столько она проспала.

Открыв входную дверь, она шарахнулась от дневного света. Было больно. Даже

несмотря на то, что небо заволокли тучи, наружу все равно не хотелось. Свет резал глаза. Елене пришлось заставить себя выйти из дома, и тут ее настигла еще и боязнь открытых пространств. Она кралась вдоль заборов, ближе к деревьям, готовая в случае опасности спрятаться в тени. Она сама чувствовала себя тенью. Иди привидением в саване. Встреться ей кто-нибудь сейчас — точно испугался бы.

Впрочем, волнения оказались напрасными. На улицах никого не было, городок словно вымер. Дома, мимо которых она шла, казались заброшенными, дворики — пустынными, даже магазинчики были закрыты. В машинах, припаркованных на улице, тоже никто не сидел.

И вдруг она резко замерла. В пасмурном свете резко белела колокольня церкви. Елена задрожала всем телом и прижалась к ее стене. Эту церковь она знала с детства, крест на ней она видела тысячу раз, но сейчас он казался ей хищным зверем в клетке, который может вырваться и напасть. Она уперлась рукой в стену и попыталась дотронуться до страшного символа.

Когда пальцы коснулись основания креста, из ее глаз брызнули слезы и резко запершило в горле. Она заставила себя провести рукой вдоль вертикальной перекладины, потом резко отпрянула и расплакалась.

Я — не зло. Я делала вещи, которые делать не следовало. Я слишком много думала о себе. Я никогда не благодарила Бонни и Мередиث за все их добро. Я не уделяла внимания Маргарет и грубила тете Джудит. Но я — не зло. Я не проклята.

Когда перед глазами прояснилось, она оглядела строение. Мистер Ньюкасл что-то говорил про церковь, интересно, про эту?

Она обошла парадное крыльцо, проскользнула по лесенке, ведущей на хоры.

Теперь она поняла, почему в городе было так пустынно. Церковь была битком набита, некоторым людям даже пришлось стоять в проходах. Все лица были знакомые — старшеклассники, соседи, друзья тети Джудит. Она сама тоже была здесь, в том самом черном платье, которое надевала на похороны Елениных родителей.

Девушка схватилась за перила. До этого момента она не вслушивалась в нудный голос преподобного Бетеа, но теперь до нее дошел смысл слов.

— Мы все скорбим о ней, она была необыкновенным человеком...

То, что происходило дальше, Елена наблюдала с отстраненностью театрального зрителя, хотя это касалось ее непосредственно.

Мистер Карсон, отец Сью, поднялся за кафедру и начал говорить о ней. Карсоны знали ее с рождения, и он рассказывал про то, как они со Сью играли у них во дворе летом, потом про то, в какую милую и красивую девушку Елена превратилась. Тут у мистера Карсона задрожал голос, он замолчал и сдернул с носа очки.

Поднялась Сью Карсон. Они с Еленой дружили в начальной школе, а теперь просто приятельствовали. Сью была одной из тех, кто поддерживал Елену, когда Стефана хотели обвинить в убийстве мистера Таннера. Теперь Сью плакала так, как будто потеряла родную сестру.

— После Хэллоуина многие обращались с Еленой плохо, — рассказывала она, вытирая слезы, — я знаю, ей было больно. Елена была сильной. Она никогда не шла на поводу у большинства, и я ее очень за это уважала... — В голосе послышались рыдания. — Когда она претендовала на титул Снежной королевы, я очень хотела выиграть, но я знала, что не выиграю, но это ничего страшного, потому что если у школы имени Роберта И. Ли и была когда-то королева, то это — Елена. Она всегда теперь ей будет, потому что мы будем помнить ее такой. И еще я думаю, что все девочки, которые будут учиться в нашей школе годы спустя, будут помнить ее и помнить, как она умела отстаивать свое мнение и бороться за свою правду...

В этот раз Сью не смогла сдержать рыдания, ее посадили на место.

Старшеклассницы, даже отъявленные оторвы и стукачки, плакали и ломали руки. Те, кто ненавидел ее при жизни, теперь рыдали. Словно неожиданно полюбили больше жизни.

Мальчики тоже плакали. Елена прижалась к перилам. Она не могла оторваться от этого зрелища, хотя оно было одним из самых ужасных в ее жизни.

Встала Френсис Дисетур, еще более бледная, чем обычно.

— Она была необычно добра ко мне... она разрешила мне обедать с собой... — сказала она хрипло.

Бред, подумала Елена. Я с тобой любезничала только потому, что мне нужна была информация о Стефане. Так она думала обо всех, кто выходил говорить, потому что никто не мог найти слова, способные растопить ее сердце.

— Я всегда восхищалась ею...

— Она была примером для подражания...

— Одна из моих любимых учениц...

Елена вся подобралась, когда встала Мередит. Она не знала, сможет ли это выдержать. Но темненькая девушка была одной из тех немногих, кто не плакал, хотя лицо у нее было очень грустным и напоминало выражение лица статуи Онории Фелл.

— Когда я думаю про Елену, я вспоминаю, как нам было хорошо вместе, — она говорила тихо и, как обычно, держала себя в руках. — Елена всегда что-нибудь придумывала, она могла превратить самое нудное занятие в веселое. Я никогда ей об этом не говорила, а жаль. Я бы хотела сказать ей об этом. Если бы Елена могла меня сейчас слышать, — Мередит оглядела церковь и глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, — если бы она могла меня слышать, я бы сказала ей, как много значило для меня наше общение, и как мне их не хватает — наших вечеров по четвергам, когда мы сидели в ее комнате, готовясь к занятиям. Я бы хотела посидеть с ней еще раз, — Мередит еще раз глубоко вдохнула и покачала головой, — но я знаю, что такого больше никогда не будет, и от этого очень больно.

Еленину жалость как рукой сняло, наоборот, ее взбесило то, что Мередит несла какую-то чушь.

Вообще-то мы готовились к занятиям не по четвергам, а по средам, и не в моей комнате, а в твоей, и это было совсем не весело, а в конце концов нам обоим вообще осточертело!

Вдруг у нее бешено заколотилось сердце. Маска, которую надела на себя Мередит, была предназначена для того, чтобы скрыть внутреннее напряжение. Мередит пыталась что-то передать именно ей и ждала, что Елена поймет. А значит, она ждала, что Елена ее как минимум услышит.

Мередит знала. Неужели Стефан ей сказал? Елена окинула взглядом ряды сидящих, понимая, что Стефана среди них не было. И Мэтта тоже. Нет, не похоже, что Стефан рассказал все Мередит. Неужели Мередит придумала бы такой хитроумный способ передать ей сообщение, если бы знала что-то? Потом Елена вспомнила, как на нее смотрела Мередит в ту ночь, когда они спасли Стефана из колодца, когда Елена попросила оставить их одних. Она вспомнила, как ее изучали цепкие черные глаза, впервые за несколько месяцев, и как Мередит становилась тихой и задумчивой, когда у Елены возникали какие-нибудь странные просьбы.

Мередит тогда догадалась. Вопрос был в том, насколько ее догадки были близки к истине.

На кафедру, заливаясь слезами, поднималась Бонни. Это было неожиданно: если Мередит знала, почему она не сказала ей? Возможно, у Мередит не было доказательств, и она не хотела обнадеживать подругу.

Речь Бонни была настолько же эмоциональной, насколько собранной была речь Мередит. Она постоянно замолкала и вытирала глаза. В конце концов, преподобный Бетеа не

выдержал и дал ей платок.

Бонни поблагодарила, вытерла слезы и запрокинула голову, чтобы успокоиться. В это время Елена увидела то, что никому другому видно не было: она увидела лицо Бонни, без единой кровинки и без единой эмоции, но не как у человека, собирающегося упасть в обморок, а... как-то очень знакомо бледное.

У Елены мурашки пробежали вдоль позвоночника. Не здесь. Господи, только не здесь.

Но процесс уже начался. Подбородок Бонни опустился, взгляд устремился под ноги. Казалось, она не видела никого вокруг. И голос был не ее.

— *Никто не есть то, чем кажется. Помните. Никто не есть то, чем кажется.*

Потом она застыла, глядя прямо перед собой остекленевшими глазами.

Люди стали переглядываться и тревожно шептаться.

— Помните... никто не есть то, чем кажется....

Вдруг Бонни покачнулась, преподобный Бетеа бросился к ней, а какой-то мужчина подскочил с другой стороны. Этот второй был лысым — Елена узнала мистера Ньюкасла. С другой стороны приближался Аларих Зальцман. Он добежал до Бонни как раз тогда, когда она упала в обморок. И тут Елена услышала за спиной шаги.

5

Елена заметалась, пытаясь одновременно сориентироваться в обстановке и вжаться в тень, ожидая увидеть доктора Файнберга, но увидела не его.

Вошедший был красив античной, правильной красотой, но зеленые глаза были грустны. Через секунду Елена бросилась ему на шею.

— Стефан, Стефан...

Он замер, осторожно обнимая ее, как будто боялся, что любимая его с кем-то перепутала.

— Стефан... — прошептала она, зарываясь лицом в его плечо, пытаясь его как-то расшевелить. Если бы он сейчас отверг ее, она бы, наверное, умерла.

Елена застонала и прижалась к нему еще сильнее, пытаясь слиться с ним, раствориться в нем.

— Елена, Елена, все хорошо, я рядом... — он шептал ей на ухо всякую успокаивающую чушь, гладил по голове, крепко прижимал к себе. Теперь он знал, что она его ни с кем не перепутала.

В первый раз за сегодняшний день Елена почувствовала себя в безопасности. Она долго не могла оторваться от Стефана, не плача, а просто дрожа от страха.

Наконец она почувствовала, что мир принимает привычные очертания, но все равно не разжимала объятий, просто пряча лицо у него на плече и наслаждаясь чувством комфорта и безопасности. Потом она подняла голову и встретила с ним взглядом.

Раньше она думала только о том, чем Стефан может ей помочь. Она собиралась умолять его, упасть в ноги, слезно просить спасти ее от этого кошмара, сделать ее человеком, но теперь она смотрела на него и чувствовала, что согласна на все.

— С этим ничего нельзя сделать? — тихо спросила она.

Он сразу все понял и так же тихо ответил:

— Нет.

Елена почувствовала, что Рубикон перейден и назад дороги нет. Способность говорить вернулась не сразу.

— Прости меня, я ужасно вела себя там, в лесу. Я не знаю, что на меня нашло, я помню, что вытворяла, но не помню, почему.

— Ты еще просишь прощения? — его голос дрогнул. — Елена, после всего, что мы с тобой сделали, после того, что с тобой из-за нас случилось — ты просишь прощения?

Он не смог договорить, и они просто крепко обнялись.

— Обалдеть как трогательно, — прозвучал голос с лестницы. — Может, вам серенаду

спеть или на скрипке поиграть?

У Елены от ужаса пробежали мурашки по коже. Ока уже забыла, какой гипнотической силой обладает Дамон, и какие страшные у него глаза.

— Ты как сюда попал? — ляпнул Стефан.

— Не поверишь! Так же, как и ты. Почувствовал Еленину боль и пришел.

Елена чувствовала, что Дамон в бешенстве. Не просто раздражен или обеспокоен, а рвет и мечет от ярости.

«Но он же хорошо со мной обращался, когда я не ведала, что творю! Нашел безопасное место для ночлега, не полез целоваться, когда я была не в себе. Он же был... добр ко мне!»

— Вы, кстати, знаете, что там внизу творится?

— Знаю, это опять Бонни, — Елена отпустила Стефана и отошла в сторону.

— Да я не про то. Там на улице такое...

Елена, предчувствуя нехорошее, спустилась за ним на один пролет, к окошку, из которого была видна парковка. Спиной она чувствовала присутствие Стефана.

Из церкви вывалила толпа народу, и все они почему-то стояли на краю стоянки и не уходили. Напротив них, посреди парковки, стояла огромная стая собак.

Казалось, две армии столкнулись лоб в лоб. Странно было только то, что никто не двигался. Люди, по-видимому, были парализованы страхом, а животные чего-то ждали.

Здесь были разные собаки. Были маленькие и остромордые корги, терьеры, лхаса апсо с длинной золотистой шерстью. Были среднего размера — спаниели, эрдели и даже одна белоснежная лайка, были и большие — ротвейлер с широченной грудью и купированным хвостом, серый волкодав, абсолютно черный шнауцер. Елена потихоньку начала узнавать каждого зверя.

— Это — боксер мистера Грюнбаума, а это — овчарка Салливэнов. Что с ними?

Было видно, как перепугались люди. Они стояли плечом к плечу, но никто не решался приблизиться к собакам. Те же в свою очередь не делали ничего, просто стояли и сидели, высунув языки. Это было очень страшное бездействие. Малейшее шевеление — подергивание хвоста или уха — воспринималось острее, чем обычно. Животные не проявляли дружелюбия, просто ждали.

В задних рядах стоял Роберт. Его не было в церкви, поэтому Елена не ожидала увидеть его тут. Он отошел в сторону и скрылся под навесом.

— Челси! Челси! — вперед вышел Даг Карсон, старший брат Сью. Он ступил на нейтральную полосу между людьми и собаками и слегка вытянул руку.

Сука-спаниель повернула голову с длинными шоколадными ушами. Ее хвост чуть заметно дернулся, но к человеку она не пошла.

Даг Карсон сделал еще шаг.

— Челси! Хорошая девочка... Ко мне! Челси, ко мне!

Он прищелкнул пальцами.

— Ты чувствуешь этих собак? — прошептал Дамон.

Стефан помотал головой.

— Нет.

— Вот и я тоже... — Дамон сощурился и наклонил голову, клыки чуть выдались, оголились, как у волкодава. — А должны бы. Мне вообще не засечь никаких эмоций, я каждый раз, как пытаюсь их сканировать, как на стену натыкаюсь.

Елена не поняла ни слова.

— В каком смысле «сканировать»? Они же животные!

— Внешность обманчива! — глумливо возвестил Дамон, а Елена вдруг вспомнила радужные блики на перьях того самого ворона, который преследовал ее с первого дня занятий. Такие же блики играли на иссиня-черных, шелковистых волосах Дамона.

— У животных есть эмоции, и, если хватает Силы, их можно считывать.

«А моей Силы — не хватает», — подумала Елена. Ее вдруг охватила страшная зависть. Пару минут назад она обнимала Стефана и мечтала избавиться от Силы и снова стать

человеком, а теперь ей непременно хотелось стать сильнее. Дамон вообще очень странно на нее влиял.

— Может, я и не могу просканировать Челси, но мне сдается, что Дагу не надо подходить ближе, — громко сказала она.

Стефан, не отрываясь, смотрел в окно, нахмутив брови.

— Челси, ко мне, девочка! — Даг почти дошел до первого ряда собак. И человечесьи, и собачьи глаза были устремлены только на него. Никто не смел шелохнуться. И людей, и собак можно было бы принять за чучела, если бы не ходящие ходуном при дыхании бока животных.

Даг продвигался дальше, Челси наблюдала за ним из-за корги и лайки. Потом он поцокал языком и потянулся к собаке.

— Нет! — зашипела Елена. Она смотрела на блестящие клыки ротвейлера.

— Стефан, сделай же что-нибудь. Убери его оттуда.

— Попробую.

Стефан сконцентрировался, взгляд стал отсутствующим. Потом он встряхнул головой и сморщился, как будто не смог поднять какую-нибудь тяжесть.

— Не получается. Я без Силы. Я не могу ничего отсюда сделать.

Челси показала клыки. Ярко-рыжий эрдель плавно поднялся на лапы. Напрягся и ротвейлер.

А потом собаки одновременно бросились в атаку. Штук шесть навалилось на Дага Карсона, он упал и тут же оказался погребен под их телами.

Пространство сразу же наполнилось жуткими утробными звуками, которые Елена больше чувствовала, чем слышала. Собаки хватили людей за одежду, те кричали и пытались убежать.

На краю парковки Елена увидела Алариха Зальцмана — единственного, кто не пытался бежать. Он стоял спокойно, только руки и губы шевелились.

Вокруг было столпотворение. Откуда-то притащили шланг, но без толку — казалось, собак взбесились. Когда Челси подняла морду от тела хозяина, с нее капала кровь.

Сердце у Елены билось так, что трудно было дышать.

— Нужно чем-то помочь! — выпалила она.

Стефан бросился вниз по лестнице через две ступеньки. Елена почти догнала его, когда поняла две вещи: Дамон даже не двинулся с места, а она не могла показываться людям. Это неизбежно вызвало бы массовую истерику, шквал вопросов, а потом — ненависти. Она невольно остановилась и прижалась к стене.

Внизу, в церкви, тоже что-то происходило. Люди метались и кричали — доктор Файнберг, мистер Маккалог, преподобный Бетеа. Эпицентром была лежащая Бонни, над которой склонились Мередит, тетя Джудит и миссис Маккалог.

— Тут какое-то зло... — простонала она, и вдруг тетя Джудит перевела взгляд туда, где стояла Елена.

Девушка пулей бросилась вверх, молясь, чтобы тетя ее не заметила.

Дамон стоял у окна.

— Я не могу спуститься вниз! Они же считают меня мертвой!

— Ну наконец-то ты вспомнила.

— Если доктор Файнберг меня осмотрит, он поймет, что что-то не так?

— Ну, скажем так, он тобой очень заинтересуется.

— Хорошо, я не могу идти, но ты-то можешь? Почему ты ничего не делаешь?

Дамон изумленно поднял брови, не отрываясь от окна.

— А оно мне надо?

Елена так разволновалась, что чуть не набросилась на него.

— Им же нужна твоя помощь! Ты же можешь помочь! Тебя вообще что-нибудь, помимо собственной персоны, волнует?

Дамон скорчил безразличную гримасу с легким оттенком вежливой просьбы, такую,

как была у него тогда, когда он сам приглашал себя к ней на обед. На самом-то деле Елена знала, он взбесился оттого, что застал их вдвоем со Стефаном, и теперь нарочно, с садистским наслаждением издевался.

Справиться с бессильной яростью девушка не смогла. Она кинулась на Дамона, тот схватил ее за запястья и посмотрел ей прямо в глаза. Она зашипела, как кошка, и сама испугалась звука, вырвавшегося из горла. Он был животным. Она поняла, что выставила пальцы с когтями.

Что я делаю? Нападаю на него, потому что он не хочет защищать людей от собак, которые на них нападают? А смысл?

Тяжело дыша, она расслабила руки и облизнула губы. Он отпустил ее запястья, и некоторое время они просто смотрели друг на друга.

— Я иду вниз, — тихо сказала Елена и отвернулась.

— Нет.

— Им нужно помочь.

— Ладно, черт с тобой, — она никогда не слышала, чтобы Дамон говорил с такой злобой, — я...

Он осекся, прильнув к подоконнику. Его внимание было целиком там, на улице. Он сухо бросил:

— Там помощь подоспела.

Приехали пожарные. Их шланги были сильнее, чем садовые, и струи воды ударили в гущу собак. Елена увидела шерифа с пистолетом и закусил губу, пока он целился. Раздался выстрел, огромный черный шнауцер упал. Шериф опять поднял пистолет.

Скоро все закончилось. Некоторые собаки бросились прочь, после второго выстрела беглецов поубавилось. Казалось, та сила, что повелевала ими раньше, теперь неожиданно исчезла. Елена почувствовала волну облегчения, когда увидела невредимого Стефана, который оттаскивал от Дага Карсона чье-то золотое ретривера. Челси неуверенно подошла к хозяину и заглянула ему в лицо, виляя хвостом.

— Ну вот и кончилось.

В голосе Дамона не было особого интереса, но Елена посмотрела на него очень пристальным взглядом. По всей видимости, то, что он хотел сказать несколько минут назад так и останется тайной.

— Дамон... — она взяла его за руку. Он вздрогнул и обернулся. — Ну что?

Пару секунд они стояли, уставившись друг на друга, потом на лестнице послышались шаги. Вернулся Стефан.

— Ты ранен! — бросилась она к нему.

— Все в порядке.

Он вытер кровь со щеки.

— А что с Дагом?

— Точно не знаю. Он ранен. Там вообще много раненых. Я никогда раньше такого не видел.

Елена поднялась на хоры. Надо было подумать, но голова не работала. Если уж Стефан никогда такого не видел — это о многом говорило. В Феллс-Черч творилось что-то страшное.

Она дошла до задней стены и сползла по ней, усевшись на полу. События обретали пугающую ясность.

В День Основателей она могла бы поклясться, что ей плевать на городок и его жителей, но теперь все было по-другому. Она знала это наверняка, она чувствовала ответственность за весь городок, как никогда раньше.

От одиночества не осталось ни следа. Было что-то более важное, чем ее личные проблемы, и она переключилась на это, потому что со своей ситуацией справиться не могла...

Она услышала свой собственный всхлип и увидела Стефана и Дамона. Ей пришлось

провести рукой по лицу, чтобы очнуться.

— Елена! — позвал Стефан, но она заговорила не с ним.

— Дамон, если я задам тебе вопрос, ты обещаешь ответить правду? Я знаю, что это не ты столкнул меня с моста. Я это почувствовала. Но я хочу спросить другое: это ты столкнул Стефана в колодец месяц назад?

— В колодец? — Дамон оперся о противоположную стену и скрестил на груди руки. В его глазах было тихое бешенство.

— В ночь Хэллоуина, когда убили мистера Таннера. После того как ты первый раз показался Стефану в лесу. Он сказал, что оставил тебя на поляне и пошел к машине, но по пути на него кто-то напал. Очнулся он в колодце и там бы и умер, если бы Бонни не нашла его. Я всегда думала, что тогда на него напал ты, он был со мной согласен. Это правда?

Дамон ухмыльнулся, ему не нравился Еленин требовательный тон. Он несколько раз посмотрел на них по очереди. Она вцепилась ногтями в ладонь от напряжения.

Потом он пожал плечами.

— Делать мне больше нечего.

Елена выдохнула.

— Не верь ему! — взорвался Стефан. — Ни единому слову!

— А с чего бы мне врать? — Дамон явно наслаждался тем, что Стефан вышел из себя. — Ну убил я Таннера. Пил я его кровь. Преспокойно проделаю то же самое с тобой, братишка. Но бритвой по горлу и в колодец — не мой стиль.

— Я верю тебе, — согласилась Елена. Мысли неслись вперед. Она обернулась к Стефану. — Ты не чувствуешь? В Феллс-Черч действует еще кто-то, возможно, даже не человек. Тот, кто погнался за мной, кто столкнул с моста, кто натравил собак на людей. Какая-то злая Сила... — Она захлебнулась словами и обернулась на лежащую Бонни — какое-то зло...

На душе было холодно и одиноко.

— Если ты ищешь зло — то оно совсем рядом, — хрипло сказал Стефан.

— Ну вот только дурака валять не надо! — взвился Дамон. — Я тебе сколько раз говорил, что не убивал Елену? Я тебе обещал, что найду того, кто это сделал? Я от своих слов не отказываюсь, — он выпрямился. — И вообще, не смею дольше вас отвлекать.

— Дамон, подожди.

Елена невольно вздрогнула, когда он произнес слово «убил».

Меня не могли убить. Я же здесь, и я живу.

Она еле справилась с паникой, чтобы обратиться к Дамону.

— Что бы это ни было — оно очень сильное. Я почувствовала это, когда оно за мной гналось и заполнило все небо. Я не думаю, что кто-нибудь из нас поодиночке сможет с ним потягаться.

— Ну и?

— Ну и... — Елена не успела собраться с мыслями, поэтому действовала интуитивно. А интуиция подсказывала не отпускать Дамона. — Ну и... я думаю, что нам троим надо держаться вместе. Вместе у нас больше шансов найти эту дрянь и победить ее. Может быть, нам удастся остановить ее, пока она не убила кого-то еще.

— Честно говоря, милая, — Дамон очаровательно улыбнулся, — мне плевать на кого-то еще. Но ты хочешь сказать, что это и есть твой выбор? Ты помнишь, мы договорились, что ты его сделаешь, когда придешь в себя?

Елена устала на него. Естественно, как мужчина Дамон ее не интересовал — она носила кольцо, подарок Стефана, и они принадлежали друг другу. Но в то же время, где-то в глубине сознания, билось воспоминание о том, как она посмотрела в глаза Дамону, там, в лесу, и почувствовала, что он понимает ее лучше всех, понимает как никто другой, что вместе они смогут все, смогут покорить мир и уничтожить его, если захотят, что они — лучше всех, живущих на земле. Она уверяла себя, что была тогда неменяемой, но воспоминание не уходило. А потом она вспомнила другое: как Дамон обращался с ней той

ночью, как заботился и беспокоился о ней.

Стефан смотрел на нее и злился. Какая-то часть ее хотела успокоить любимого, броситься ему на шею, поклясться, что она всегда будет принадлежать только ему и что все остальное не имеет значения — ни люди в этом городке, ни Дамон, ничто.

Почему-то она этого не делала. Наверное, потому, что какая-то другая часть ее знала, что люди в городке имели значение. Она запуталась, очень запуталась...

Дрожь было никак не унять. В голове мелькнула мысль, что это — от эмоционального перенапряжения. Елена схватилась руками за голову.

6

— Она уже сделала выбор, ты сам видел, когда ввалился сюда. Ты же уже выбрала, Елена? — Голос Стефана звучал не требовательно, но как-то отчаянно.

— Стефан, милый... я люблю тебя. Но сейчас, я считаю, нам втроем нужно держаться вместе. Только на время. Ты понимаешь? — Не получив ответа от Стефана, она повернулась к Дамону: — А ты?

— Ну да, конечно! — Он заговорщицки ей подмигнул. — Я всегда говорил Стефану, что хорошенькими девушками с братом нужно делиться. А то свинство получается!

— Да я не об этом...

— Да? А жаль...

— Нет! — не выдержал Стефан. — Я не понимаю и вообще не вижу причин иметь с ним дело. Он — зло, Елена, он убивает для удовольствия, ему плевать на Феллс-Черч. Он монстр...

— Конкретно сейчас он более человечен, чем ты, — она дотянулась и взяла Стефана за руку. — Стефан, ты необходим мне. А нам необходим он. Ты можешь это понять? Ты что, хочешь враждовать с собственным братом до конца жизни?

— А ты думаешь, он хочет чего-то другого?

Елена грустно посмотрела на свои пальцы, сплетенные с его.

— Он не дал мне тебя убить.

Она почувствовала инстинктивный страх Стефана, который постепенно утих. Он нехотя кивнул головой.

— Это правда. И вообще, кто я такой, чтобы называть его злом? Что сделал он, чего не сделал я?

Елена подумала, что она ненавидит этот его комплекс вины. Об этом надо было поговорить, но не здесь и не сейчас.

— Так ты согласен? Стефан, не молчи! О чем ты думаешь?

— В данный момент — о том, что у тебя всегда своя дорога. И ты по ней идешь, да, Елена?

Елена заглянула в его глаза, заметив, что зрачки были расширены, так что радужка еле виднелась. В его глазах были только усталость и обида.

Я не для себя для одной это все делаю, подумала она. *Вот увидишь. В кои-то веки я делаю что-то не для личной выгоды.*

— Так ты согласен? — тихо спросила она.

— Да, я... согласен...

— Вот и я согласен, — Дамон театральным жестом сграбастал Елену прежде, чем она смогла что-то возразить. — Ну и славно, что все мы тут такие согласные.

Ну, не совсем, подумала Елена, но именно сейчас, стоя в сумерках хоров, она поняла, что они, все трое, связаны одной целью, они были вместе, и они были сильны.

Потом Стефан вытащил руку. В тишине Елена слышала звуки с улицы. Кто-то плакал, раздавались отдельные крики, но в целом суматоха уже прошла. Из окна было видно, что кто-то уходил домой, кто-то суетился вокруг раненых. Доктор Файнберг ходил от группки к группке, раздавая советы. Казалось, городок пережил землетрясение или ураган.

— Никто не есть то, чем кажется, — повторила Елена.

— Что?

— Это сказала Бонни во время поминальной службы. У нее опять было видение. По-моему, это важно, — она попыталась привести мысли в порядок. — В городе есть люди, за которыми нам бы надо присматривать. Например, Аларих Зальцман.

Она кратко пересказала им то, что слышала утром в доме Алариха.

— Он — не тот, за кого себя выдает, но я не знаю, кто он на самом деле. Я не могу появляться на людях, так что выяснять это придется вам двоим. Но смотрите, чтобы он ни о чем не догадался.

Тут Дамон быстро сделал знак замолчать.

На верхней площадке кто-то был.

— Стефан? Ты здесь? Черт, я его, по-моему, здесь видел.

Голос принадлежал мистеру Карсону.

— Иди, — неслышно прошипела Стефану Елена. — Тебе надо вести себя как можно тише, чтобы остаться в Феллс-Черч. Обо мне не беспокойся.

— А куда пойдешь ты?

— К Мередит. Я тебе потом объясню. Иди.

— Я иду! — прокричал Стефан вниз, потом обернулся.

— И не думай, пожалуйста, что я оставляю тебя на него, — строго сказал он.

Елена замахала руками.

— Тогда оба идите. Вы только что согласились работать вместе. Теперь на попятный пойти хотите? — Она чуть не проглотила Дамона взглядом.

Он невинно пожал плечами.

— Хорошо-хорошо. Только скажи мне, счастье мое, ты голодна?

— Нет, вообще нет! — заверила Елена, хотя желудок подводило, но потом, поняв, что он имел в виду, добавила: — И в этом смысле тоже нет!

— Прекрасно! Только скоро ты проголодаешься. Помни.

Он догнал Стефана, тот испепелил его взглядом.

В голове Елены прозвучал голос любимого.

Я приду за тобой позже. Жди меня.

После этого они оба исчезли.

Ей хотелось найти ответы на собственные вопросы. И еще она кое-что заметила.

Телепатический дар Стефана стал гораздо слабее, голос в голове звучал тише, чем четыре дня назад, когда он боролся с братом. Если вдуматься, то до праздника Основателей он вообще не обладал телепатией. Раньше она как-то об этом не задумывалась, но теперь ее мучили сомнения. Отчего у него резко возросла Сила, и почему она медленно угасала теперь?

У Елены было время подумать, сидя на пустых хорах, пока люди покидали церковь, а снаружи медленно темнело небо. Она думала и о Стефане, и о Дамоне, все гадала, правильный ли выбор она сделала. Она поклялась не позволять им ссориться из-за себя, но уже нарушила эту клятву. Ну почему она на свой страх и риск заставила их заключить перемирие, хоть и временное?

Когда стемнело окончательно, она спустилась вниз. Церковь была пуста, шаги гулко отдавались под сводами. Она не думала о том, как выберется наружу, но, к счастью, одна из боковых дверей была заперта только изнутри. Она выскользнула в уличную темноту.

Елена еще не поняла, как хорошо на воздухе, в полной темени. Внутри зданий она чувствовала себя как в ловушке, а дневной свет резал глаза. А так было лучше всего — свободна и невидима. Ее переполняло ощущение полноты жизни. В тихом воздухе витало огромное количество запахов. Копалась в мусоре лиса. В кустах возились крысы. Мотыльки подзывали друг друга запахами.

Елена просчитала, что без труда доберется до дома Мередит незамеченной — все сидели по домам. Однако, когда она дошла до места, что-то помешало ей сразу войти. Она замерла, с ужасом уставившись на гостеприимный дом с выдающимся крылечком. Ждала ли ее Мередит? Не вышла бы она во двор, если бы это было так?

Если подруга ее не ждала, то она испытает сильнейший шок, сообразила Елена, на глаз измеряя высоту крыльца. Окно спальни Мередит было как раз над ним за углом. Добраться будет сложновато, но ничего. На крышу она залезла без проблем, руками и голыми ногами цепляясь за малейшие выступы. Перегнуться через край и заглянуть в спальню Мередит было сложнее. Свет из окна слепил глаза.

Мередит сидела на краю кровати, поставив локти на колени и уставившись в пустоту. Она постоянно проводила рукой по волосам. Часы на прикроватном столике показывали 6:43. Елена поцарапала стекло ногтями.

Мередит вскочила и обернулась в сторону двери. Сжав подушку одной рукой, она собралась защищаться. Когда дверь не открылась, она подошла к ней на пару шагов и осторожно спросила: «Кто там?»

Елена опять постучала в стекло. Мередит повернулась к окну, часто дыша.

— Пусти меня внутрь, — Елена не знала, слышит ли ее Мередит, поэтому четко артикулировала слова. — Открой окно.

Мередит беспомощно оглядела комнату, потом боязливо подошла к окну, но не открыла его.

— Впусти меня внутрь! — повторила Елена, потом нетерпеливо добавила: — Если ты не хотела, чтобы я приходила, зачем передавала мне послание?

Она увидела, что Мередит опустила плечи. Медленно, непослушными пальцами она открыла окно и отошла.

— Теперь пригласи меня. Иначе я не могу.

— Входи... — Голос сорвался, ей пришлось повторить. — Входи!

Пока Елена перебиралась через подоконник и разминала натруженные пальцы, Мередит изумленно добавила:

— Это точно ты. Никто другой так бы не сказал.

— Это я, — она вдруг посмотрела в глаза подруги. — Это правда я, Мередит.

Мередит кивнула и напряженно сглотнула. Елене больше всего хотелось, чтобы подруга ее сейчас обняла, но Мередит не любила обниматься, а сейчас вообще попятилась к дивану и тяжело на него опустилась.

— Садись, — сказала она с деланным спокойствием. Елена взяла стул и села в том же положении, как раньше сидела Мередит, — локти на коленях. Потом подняла голову:

— Как ты догадалась?

— Я... — Мередит замолкла на секунду, потом встрепенулась, — ну, твое тело так и не нашли. Это было странно. И потом — эти нападения на старика, на Викки и Таннера, некоторые мелочи, связанные со Стефаном, — слишком много совпадений, но я не была уверена на сто процентов. А теперь я точно знаю, — она закончила почти шепотом.

— Блестящая догадка, — Елена пыталась вести себя нормально, но что может быть нормального в этой ситуации? Мередит вела себя так, как будто смотреть на нее не могла, и от этого она чувствовала себя еще более одинокой, чем при жизни.

Внизу зазвенел звонок. Елена услышала его, но не была уверена, что Мередит не сделала того же.

— Кто там пришел?

— Я просила Бонни прийти около семи, если отпустит мама. Наверное, это она. Я пойду посмотрю.

Мередит даже не скрывала своего желания выйти из комнаты.

— Погоди. А она знает?

— Нет. А, ты хочешь, чтобы я ей аккуратно сообщила?

Мередит нерешительно оглянулась, а Елена зажгла ночник.

— Выключи верхний свет, у меня глаза от него болят, — тихо пояснила она.

Когда Мередит выключила свет, в комнате сразу стало настолько темно, что слиться с тенью можно было без особых проблем.

Ожидая, когда Мередит вернется с Бонни, она встала в углу комнаты, обнимая собственные плечи. Может быть, идея вовлечь во все это подруг была дурацкой. Если уж непробиваемая Мередит не смогла спокойно воспринять ситуацию, то чего ждать от Бонни?

Мередит все повторяла: «Только не кричи, только не кричи», — и тащила Бонни внутрь дома.

— Да что с тобой случилось? — не унималась Бонни. — Ты вообще знаешь, каких трудов мне стоило убедить маму меня отпустить? Она хотела отправить меня в больницу в Роанок!

Мередит открыла ногой дверь.

— Ну вот. Теперь ты увидишь кое-что, что может тебя шокировать. Но кричать — нельзя. Поняла? Я тебя впускаю, если пообещаешь не кричать.

— У тебя слишком темно и ничего не видно. И, кстати, зачем ты меня пугаешь? И вообще, Мередит, что с тобой происходит? Ну, хорошо, хорошо, я обещаю, только что все это значит?

— Елена! — позвала Мередит. Елена сделала шаг вперед.

Реакция Бонни была неожиданной. Она нахмурилась и подалась вперед, пытаясь что-то разглядеть в темноте. Но потом, увидев Еленино лицо, она радостно захлопала в ладоши.

— Я знала! Я знала, что они ошибались! Вы со Стефаном кричали, что знаете все об утопленниках, и все такое, а я знала! Елена, как же я по тебе соскучилась! Все будут так...

— Тихо, Бонни. Тихо! — оборвала ее Мередит. — Я же просила не кричать. Пошевели мозгами, балда, неужели, если бы Елена была в порядке, она бы пряталась здесь посреди ночи?

— Но с ней все в порядке, посмотри на нее! Вот она. Это же ты, Елена? — Бонни обернулась к ней, но Мередит опять ее одернула.

— Конечно, я, — у Елены было странное чувство, как будто она участвует в какой-то постановке по сценарию, написанному Францем Кафкой, только не знает своей роли. Она не представляла, что говорить восторженной Бонни.

— Это, конечно, я, но... со мной не все в порядке, — аккуратно начала она. Мередит усадила Бонни на кровать.

— Что за тайны? Что значит, не в порядке?

— Бонни, ну я даже не знаю, как тебе сказать, — Елена не знала, плакать ей или смеяться. — Я не представляю, как тебе об этом рассказать. Твоя бабушка тебе когда-нибудь рассказывала о вампирах?

Повисла тяжелая пауза. Тикали часы. Бонни широко вытаращила глаза и уставилась на Мередит. Потом она как будто нацелилась в сторону двери.

— Девчонки... не нравится мне это все. Ну совсем-совсем не нравится...

— Я догадалась, — сказала Мередит, и по голосу было слышно, что догадка ее не повеселила. — Смотри, Бонни.

Та сразу погрузилась и теперь выглядела очень жалко.

— Я не хочу.

— А придется. Тебе придется поверить, или мы не сдвинемся с мертвой точки.

Мередит потащила Бонни вперед.

— Разуй глаза, тормоз. Ты же любишь всякие сверхъестественные штуки!

— Уже не люблю, — всхлипнула Бонни, и в голосе звучали истеричные нотки. — Отстань от меня, Мередит, я не хочу смотреть! — Вырывалась девушка.

— А тебе и не надо, — прошептала Елена, у которой на глаза навернулись слезы отчаяния. — Дурацкая была идея, Мередит. Я пойду.

— Не надо, — Бонни быстро обернулась и бросилась Елене на шею. — Прости, прости, милая! Мне все равно, какая ты. Я так рада, что ты вернулась. Без тебя было так плохо! —

теперь она по-настоящему ревела.

Елена сделала то, что не решалась сделать при Стефане — она тоже разревелась. Она плакала в обнимку с Бонни и чувствовала, что Мередит обнимает их обеих.

Они плакали втроем: Мередит — тихонько, Бонни — громко, Елена — в полную силу. Она оплакивала все, что с ней случилось, все потери, одиночество, страх и боль.

Наконец они втроем оказались сидящими на полу, коленка к коленке, как сидели в детстве.

— Ты такая смелая, — восхитилась Бонни Еленой, шмыгая носом. — Я поражаюсь твоему мужеству.

— Ты не представляешь, что у меня внутри творится. Я отчаянно трушу. Но с этим надо как-то справиться, потому что другого выхода нет!

— Но у тебя же не холодные руки! — Мередит сжала пальцы Елены. — Только чуть-чуть прохладные. Я думала, они должны быть холоднее...

— У Стефана тоже не холодные руки... — она хотела продолжить, но Бонни выдохнула:

— Стефан?!

Мередит и Елена изумленно на нее посмотрели.

— Бонни, пораскинь мозгами. Вампирами сами собой не становятся. Кто-то должен обратить.

— Вы хотите сказать, что Стефан... В смысле он... — Бонни не смогла договорить.

— Я думаю, — сказала Мередит, — что Елене пришло время рассказать нам все от начала до конца. Все то, что ты от нас утаила, когда мы просили тебя рассказать все в прошлый раз.

Елена кивнула.

— Вы правы. Это сложно объяснить, но я постараюсь. Бонни, ты помнишь первый день занятий? Тогда ты первый раз пророчествовала на моих глазах. Ты посмотрела на мою ладонь и сказала, что я встречу черноволосого парня, чужака. И что он не высокий, но когда-то он был высоким. Так вот, — она окинула подруг взглядом, — Стефан не очень высокий. Но раньше он считался очень высоким... в сравнении с людьми пятнадцатого века.

Мередит кивнула, а Бонни тихо застонала, откинувшись на спинку дивана.

— Ты хочешь сказать, что...

— Я хочу сказать, что он жил в Италии эпохи Возрождения, и средний рост у мужчин был тогда ниже, поэтому он выглядел высоким. И, пока ты не грохнулась в обморок, я хочу тебе еще кое-что сказать. Дамон — его брат.

Мередит опять кивнула.

— Я кое о чем таком догадывалась. Но почему тогда Дамон всем говорил, что он студент?

— У них плохие отношения. Стефан долгое время просто не знал, что Дамон в Феллс-Черч.

Елена запнулась. Она чувствовала, что начинает раскрывать чужие секреты и влезать в чужую жизнь. Но Мередит была права: пришло время рассказать все.

— Дело было так. Стефан и Дамон были влюблены в одну и ту же девушку еще тогда, во времена Возрождения. Она была из Германии, ее звали Катрина. Стефан избегал меня вначале, потому что я очень напоминала ему ее — она тоже была блондинкой с голубыми глазами. Да, и это кольцо принадлежало ей.

Елена высвободила ладонь из руки Мередит и показала им золотой ободок, украшенный единственным камнем — ляпис-лазурью.

— Катрина была вампиром. Ее обратил мужчина по имени Клаус, еще там, в Германии. Он это сделал для того, чтобы спасти ее от смертельной болезни. И Стефан, и Дамон знали это, но им было все равно. Они попросили ее выбрать одного из них и выйти за него замуж, — Елена улыбнулась про себя, думая о том, что мистер Таннер все-таки был прав — история повторялась. Оставалось надеяться, что финал будет несколько менее трагичным. —

Она выбрала обоих. Она обменялась с ними кровью и сказала, что они вечно будут вместе.

— Как очаровательно, — прошептала Бонни.

— Как тупо, — оборвала ее Мередит.

— Ну, вы поняли. Катрина была милая, но не слишком умная девушка. Стефан и Дамон уже недолюбливали друг друга. Они сказали, что ей придется выбрать, потому что о том, чтобы делить ее, не может быть и речи. Она убежала в слезах. На следующий день они нашли то, что от нее осталось. Каждому вампиру нужен талисман, например, кольцо, которое будет защищать его от смертельного солнечного света. А Катрина вышла на солнце и сняла свой. Она думала, что, если она не будет стоять на дороге, братья помирятся.

— Боже, как ро...

— Это вообще не романтично, — срезала Бонни Елена. — С тех пор Стефан живет с чувством вины, да и Дамон, я думаю, тоже, хотя он никогда в этом не признается. А тогда они просто достали пару мечей и убили друг друга. У-би-ли. Поэтому они сейчас вампиры, и поэтому они друг друга люто ненавидят. И именно поэтому я изо всех сил пытаюсь заставить их помириться.

7

— Зачем? — не поняла Мередит.

— Я позже объясню. Но сначала я хочу знать, что происходило в городе, пока меня не было.

— Ну, если вкратце, то все паниковали, — вскинула бровь Мередит. — Тетя Джудит совсем плоха. У нее были галлюцинации — она видела тебя. Только, подозреваю, не галлюцинация это была. А с Робертом они вроде как расстались.

— Я знаю, — мрачно сказала Елена, — продолжай.

— В школе все очень расстроились. Я хотела поговорить со Стефаном, особенно тогда, когда догадалась о том, что ты, возможно, жива, но его не было в школе. Был Мэтт, но с ним что-то не то. Он выглядит как зомби и ни с кем не разговаривает. Я пыталась ему объяснить, что, возможно, ты ушла не навсегда, я думала, это его подбодрит. Но он не стал слушать. Он вел себя очень странно, и в какой-то момент мне вообще показалось, что он сейчас меня ударит. Он вообще не стал меня слушать.

— Боже, Мэтт... — в глубине памяти забилося какое-то страшное воспоминание, слишком назойливое, чтобы от него отмахнуться. Она не могла сейчас думать ни о чем другом, воспоминание билось в голове...

А Мередит продолжала:

— Теперь понятно, что подозрения насчет того, что ты, возможно, жива, возникают у кого-то еще. Именно поэтому я устроила маленький спектакль на поминальной службе. Я боялась, что, если я назову настоящий день и место, Аларих Зальцман доберется до тебя. Он задавал очень много вопросов, и очень хорошо, что Бонни ничего не знала и поэтому не смогла ничего растрепать.

— Так нечестно! — запротестовала Бонни. — Алариху просто интересно, вот и все, он хочет поддержать нас в трудный период, как раньше. Он Водолей...

— Он — шпион, — отрезала Елена, — и, возможно, не только шпион. Но мы поговорим об этом позже. А что с Тайлером Смоллвудом? Я не видела его на службе.

Мередит захлопала глазами.

— Ты хочешь сказать, что ничего не знаешь?

— Я вообще ничего не знаю, я спала четыре дня на чердаке.

— Ну... — замялась Мередит, — Тайлера только что выписали из больницы. Дика Картера и еще четырех ребят, которые были с ними в День Основателей, тоже. На них напали в ангаре тем вечером, и они потеряли много крови.

Елена охнула. Вот почему Сила Стефана в тот вечер так возросла. Вот почему она уменьшалась теперь. Наверное, он не ел с тех пор.

— Мередит, Стефана подозревают?

— Ну, отец Тайлера попытался обвинить его, но в полиции не послушали. Они приблизительно знают, когда на Тайлера напали, потому что он должен был встретиться с мистером Смоллвудом и не появился. А у Стефана есть алиби — его видели мы с Бонни. Мы тогда только что оставили его у реки с твоим телом. Он физически не мог так быстро добраться до ангара, чтобы напасть на Тайлера, — ну, во всяком случае, это не в человеческих силах. А о сверхчеловеческих в полиции пока не задумываются.

— Понятно, — у Елены упала гора с плеч.

— Тайлер и его парни не могут опознать нападавшего, потому что совершенно не помнят, что происходило в тот день.

— Кэролайн тоже не может.

— Кэролайн была там?

— Да, но ее не укусили, она отделалась легким испугом. Несмотря на все ее художества, мне ее даже жалко, — Мередит пожала плечами. — Она выглядит не лучшим образом.

— Я не думаю, что кто-то будет подозревать Стефана, тем более после сегодняшнего случая с собаками, — вставила Бонни. — Папа говорит, что большая собака могла разбить окно в ангаре, а раны на шее у парней выглядят как собачьи укусы. Мне кажется, все уверены, что это сделала собака или стая собак.

— Удобное объяснение, — сухо обронила Мередит. — А главное, больше не надо ни о чем задумываться.

— Но это же смешно! Нормальные собаки так себя не ведут. Неужели люди не задумываются, почему их собаки сошли с ума и восстали против них?

— Многие просто избавляются от собак. И еще я слышала, что это вроде как бешенство. Но ведь это не так, да, Елена?

— Я так не думаю. Стефан с Дамоном — тоже. Именно поэтому я пришла с вами поговорить.

Елена, как смогла, изложила свои мысли о Другой Силе, которая могла действовать в Феллс-Черч.

Она рассказала о той Силе, которая столкнула ее с моста, о том, что она чувствовала, когда у церкви взбесились собаки, пересказала свой разговор со Стефаном и Дамоном.

— Бонни сегодня в церкви сказала: «Какое-то зло». Я думаю, что в Феллс-Черч действительно пришло какое-то доселе неизвестное зло. Я не строю иллюзий, что ты знаешь, о чем пророчила, Бонни.

Бонни думала о другом.

— Так Дамон мог и не делать всех ужасов, которые ты ему приписываешь? Ну, не убивать Янцзы, не нападать на Викки, не убивать мистера Таннера... Ну он же лапочка! Не может же такой лапочка быть чокнутым убийцей!

— По-моему, — Мередит бросила взгляд на Елену, — тебе лучше и думать забыть про Дамона в качестве потенциального жениха.

— Да уж, — горячо подтвердила Елена. — Это именно он убил мистера Таннера, Бонни. Все другие преступления он мог совершить в принципе. Достаточно того, что я с ним общаюсь и имею от этого кучу неприятностей. Не надо тебе этой головной боли, Бонни, поверь.

— Я должна оставить в покое Дамона... Я должна оставить в покое Алариха... А парни, которых я не должна оставить в покое, вообще существуют? Пока все достаются Елене. Это нечестно.

— Жизнь — вообще нечестная штука, — злорадно заметила Мередит. — Елена, если Другая Сила существует, то что это, как ты думаешь? На что она похожа?

— Я не знаю. Что-то очень сильное, но умеющее скрываться так, что мы не можем его отследить. Оно может выглядеть как обычный человек. Это может быть кто угодно. Потому я и обратилась к вам. Бонни же сказала сегодня: «Никто не есть то, чем кажется».

Бонни с изумлением поглядела на подругу.

— Я не помню, чтобы что-то такое говорила!

— Ты это сказала: «Никто не есть то, чем он кажется», — Елена опять процитировала странные слова. — Никто.

Она взглянула на Мередит, но взгляд темных глаз под красиво изогнутыми бровями был совершенно спокоен.

Мередит возразила очень спокойно:

— Но ведь тогда надо подозревать вообще всех? Ведь так?

— Так, — согласилась Елена. — Но лучше взять бумагу и ручку и составить список самых главных кандидатов. Стефан и Дамон уже согласились помочь в расследовании, а если еще вы поможете, то у нас будут неплохие шансы выяснить, что же это такое.

Елена оседлала свой конек — она всегда любила что-то организовывать и планировать, от методики завоевания понравившегося мальчика до благотворительных мероприятий. Это была лишь более серьезная версия старых добрых плана А и плана Б.

Мередит передала бумагу и ручку Бонни, которая сначала уставилась на них, потом на Мередит, потом на Елену.

— Отлично, — сказала она. — И кто же входит в список?

— Ну, все, кого хоть чуть-чуть можно подозревать в связи с Другой Силой. Все, кто мог быть причастен к событиям, связанным ней: падению Стефана в колодец, погоне за мной, нападению собак на людей. Все, кто странно себя ведет.

— Мэтт, — перечисляла Бонни, деловито записывая, — и Роберт. И Викки.

— Бонни! — одновременно воскликнули Елена и Мередит.

— Ну, Мэтт и Викки вели себя странно. А Роберт болтался вокруг церкви, перед службой, но так и не зашел.

Мередит прервала ее:

— Бонни, Викки — жертва, а не подозреваемая. И если Мэтт — порождение Сил Зла, то я — трамвай. А что касается Роберта...

— Ну ладно, ладно, я их всех вычеркнула, — процедила сквозь зубы Бонни. — Теперь давай послушаем твои идеи.

— погоди, Бонни, погоди, — Елену что-то беспокоило, и беспокоило уже давно, после... — После церкви, — сказала она вслух. — Я тоже видела Роберта возле церкви, когда пряталась на хорах. Это было прямо перед нападением собак, и он как будто убегал, словно знал, что случится.

— Но Елена...

— Послушай, Мередит. Я видела его до этого в субботу вечером, с тетей Джудит. Когда она сказала, что не выйдет за него, в его лице было что-то такое... Я не знаю. Но ты его не вычеркивай пока.

Бонни поколебалась несколько минут, потом записала Роберта обратно.

— Кто еще? — деловито спросила она.

— Боюсь, что Аларих. Прости, Бонни, но сдаётся мне, что он — подозреваемый номер один.

Она пересказала разговор между Зальцманом и директором, подслушанный утром.

— Он — не обычный учитель истории. Его сюда вызвали для чего-то. Он знает, что я — вампир, и он ищет меня. А сегодня, когда напали собаки, он стоял в стороне и делал какие-то странные пассы. Он точно не тот, кем кажется, вопрос только в том, кто он. Ты слушаешь, Мередит?

— Да. Я думаю, надо добавить Миссис Флауэрс. Вы помните, как она смотрела из окна пансиона, когда мы тащили Стефана, когда вынули его из колодца? И даже не спустилась открыть нам дверь. Странное поведение.

Елена кивнула.

— И как она бросала трубку, когда я звонила Стефану. И что она делает в этом заброшенном доме. Может быть, она просто старушка с причудами, но на всякий случай

запиши ее, Бонни.

Она запустила руку в волосы, отводя их со спины. Ей было жарко. Даже не то чтобы жарко, но казалось, что еще немного — и ее хватит тепловой удар.

— Хорошо, завтра перед школой зайдем в пансион, — подытожила Мередит. — Что еще мы можем сделать? Давай посмотрим на список, Бонни.

Бонни показала им лист бумаги, Мередит наклонилась и прочла:

Мэтт Ханикат.

Викки Беннетт.

Роберт Максвелл — что он делал у церкви, когда взбесились собаки? И что было тем вечером с тетей Елены?

Аларих Зальцман — почему задает столько вопросов? Зачем приехал в Феллс-Черч?

Миссис Флауэрс — почему так странно себя ведет? Почему не впустила нас, когда мы принесли раненого Стефана?

— Прекрасно, — сказала Елена. — Наверное, мы еще можем выяснить, чьи собаки сегодня были у церкви. Еще вы можете понаблюдать за Аларихом завтра в школе.

— Я понаблюдаю за Аларихом, — непререкаемым тоном произнесла Бонни. — Я отведу от него подозрения, вот увидите.

— Замечательно, ты занимаешься им. Мередит поговорит с миссис Флауэрс, а я могу взять на себя Роберта. Что касается Стефана и Дамона — они могут заниматься всем, потому что с помощью их Силы можно сканировать сознание. Кроме того, наш список далеко не полон. Я попрошу их пошататься по городу, отмечая следы Силы или просто что-то странное. Им легче всего узнать чужака.

Елена рассеянно облизнула губы. Ей было очень жарко. Она заметила кое-что, чего не замечала вначале — выпуклую паутинку вен у Бонни на запястье. Та все еще держала блокнот, и ее кожа была такой прозрачной, что голубые венки проступали очень четко. Елена жалела, что плохо учила анатомию в школе. Как называется эта большая вена, расходящаяся, как ветки дерева?

— Елена! Елена!

Напуганная Елена подняла лицо и увидела обеспокоенные темные глаза Мередит и гримасу страха на лице Бонни. Она только сейчас заметила, что поднесла лицо к самому запястью Бонни и водит пальцем по коже над веной.

— Прости, — прошептала она, отодвигаясь. Она почувствовала, как удлиняются и заостряются клыки. Ощущение было похоже на то, как будто бы ей надели брэкет-систему.

Успокаивающая улыбка не возымела никакого действия на Бонни — та выглядела очень напуганной, и это было глупо — подруге следовало бы уяснить, что Елена никогда не причинит ей вреда. К тому же она сегодня была не сильно голодна, она всегда была малоежкой. Ей бы хватило пары глоточков из этой вены на запястье...

Елена вскочила и бросилась к окну, перегнулась через край, подставила лицо холодному ночному ветру. Ее тошнило, горло сдавила судорога.

Что она творила? Она оглянулась и увидела, как Бонни прильнула к Мередит, и обе смотрели на нее с ужасом.

— Простите, — сказала она, — я не собиралась этого делать, Бонни. Смотри, я даже не пытаюсь приблизиться. Мне вообще следовало поесть прежде, чем прийти сюда. Но Дамон сказал, что я проголодаюсь позже.

Бонни натужно сглотнула, еще больше съеживаясь от ужаса.

— Поесть?!

— Да, конечно, — с нажимом сказала Елена.

У нее как будто горели вены. Стефан рассказывал об этом раньше, но она не понимала до конца. Она никогда даже не задумывалась о том, что с ним делает жажда крови. Это было

ужасно.

— А что ты думала, я все эти дни святым духом питалась? Я теперь — охотник, и я лучше пойду охотиться.

Бонни к Мередит пытались взять себя в руки, но в глазах у них все еще стоял ужас.

Она сосредоточилась на своих новых возможностях, постаралась открыть себя для ночи и почувствовать присутствие Стефана и Дамона. Это было сложно, потому что никто из них не испускал волн Силы как тогда, в лесу, но она думала, что может уловить присутствие Силы здесь, в городке.

Впрочем, сообщить им о себе она бы все равно не смогла, и от этого вены гудели еще больше. Она даже решила отправиться на охоту без них, когда холодный ветер отбросил занавеску и ворвался в комнату.

Бонни встрепенулась и нечаянно уронила ночник, отчего комната погрузилась в полную темноту. Мередит, чертыхаясь, поставила его на место. Занавески бешено трепетали, а Бонни, казалось, была готова заорать.

Когда наконец Мередит наладила ночник, все увидели Дамона, удобно устроившегося на подоконнике, подогнув под себя одну ногу, и лучезарно улыбающегося.

— Ты не против? А то неудобно как-то.

Елена обернулась на Бонни и Мередит, которые застыли в ужасе, и замотала от неожиданности головой.

— А я-то думала, что это я люблю эффектные появления. Очень, ну очень смешно, Дамон. Пошли.

— А твоих подружек симпатичных возьмем? — Дамон опять лучезарно улыбнулся Бонни и Мередит. — И вообще, я только пришел. Кто-нибудь будет так любезен меня пригласить?

Карие глаза Бонни, беспомощно уставившейся на него, немного потеплели. Губы ее приоткрылись. Елена поняла, что подруга растаяла.

— Не будет, — отрезала она. Она загородила собой Дамона от девочек.

— Эти девушки не про твою душу, Дамон. Запомни. — Почувствовав его сопротивление, она резко добавила: — Ты как хочешь, а я иду охотиться. — Тут она ощутила присутствие Стефана неподалеку, возможно — на крыше, и услышала голос в сознании:

— Мы идем охотиться, Дамон. Ты можешь сидеть здесь хоть всю ночь.

Дамон нехотя сдался, на прощание кинув интригующий взгляд на Бонни, и шагнул из окна. Бонни и Мередит уставились ему вслед, в полной уверенности, что он шагнул навстречу своей смерти.

— Да ничего ему не будет, — покачала головой Елена. — И вообще, не беспокойтесь. Он больше не придет. Увидимся завтра в это же время. Пока.

— Но, Елена... — откликнулась Мередит. — Я хотела спросить, не хочешь ли ты переодеться.

Елена оглядела себя. Старинное платье помялось и истрепалось, в некоторых местах тонкий муслин порвался, но времени переодеться не было. Поесть надо было прямо сейчас.

— Придется подождать. Увидимся завтра.

Она исчезла в окне точно так же, как Дамон, увидев боковым зрением, как изумленно смотрят на нее девочки.

Приземляться получалось все лучше и лучше. На этот раз она даже не оцарапала колени. Стефан ждал ее и тут же накинул ей на плечи что-то темное и теплое.

— Спасибо за куртку, — растроганно сказала она. Они улыбнулись друг другу, вспоминая, как он первый раз поделился с ней курткой, когда спас ее от Тайлера во дворе и повел в свою комнату умываться. Он тогда боялся даже касаться ее. Впрочем, подумала Елена с улыбкой, он довольно быстро справился с этим страхом.

— А я думал, мы пойдем на охоту, — влез Дамон.

Елена улыбнулась ему, не выпуская руки Стефана.
— Ну да. А куда нам идти?
— Да в любой дом на этой улице, — невинно предложил Дамон.
— В лес, — сказал Стефан.
— В лес, — решила Елена. — Мы не трогаем людей, и мы не убиваем. Ведь так, Стефан?
Он сжал ее руку и тихо проговорил:
— Так.
Дамон скривил губы.
— И кого, интересно, мы будем ловить в лесу? Крысок или муравьев каких? — Он заговорщицки обернулся к Елене. — Пошли со мной, я тебе покажу нормальную охоту.
— Мы можем пройти через двор, — Елена проигнорировала выпад Дамона.
— Белохвостые олени всю ночь пасутся на открытых пространствах. Но с ними надо очень осторожно — они слышат почти так же хорошо, как и мы.
— *Ну ладно, в другой раз,* — прозвучал у нее в сознании голос Дамона.

8

— Кто тут? А, это ты... — сказала Бонни, уставившись на того, кто держал ее за локоть. — Ты меня напугал. Я не слышала, как ты подошел.
Стефан сообразил, что нужно быть осторожнее. За те дни, что его не было в школе, он отвык ходить и двигаться как человек и опять стал бесшумным, страшным хищником.
— Прости, — сказал он, пока они шли по коридору.
— Все нормально, — успокоила его Бонни, при этом еле скрывая тревогу в широко распахнутых карих глазах. — И что ты здесь делаешь? Мы с Мередит пришли сегодня к отелю, чтобы поговорить с миссис Флауэрс, но никого не было дома. А я тебя не видела на биологии.
— Я приехал сегодня днем. Я вернулся в школу до тех пор, пока мы не найдем то, что ищем.
— То есть пока мы будем шпионить за Аларихом, — проворчала Бонни. — Я вчера как раз говорила Елене, что этим займусь. Ууупс, — сказала она вслед двум юнцам, которые на нее пялились, и перевела взгляд на Стефана. По обоюдному молчаливому согласию они свернули в боковой коридорчик и направились к пустой лестнице. Бонни оперлась о стену и вздохнула с облегчением.
— Надо приучаться не называть ее имени, — пафосно сказала она, — но это так сложно. Мама сегодня утром спросила, как я себя чувствую, и я чуть не ответила «Хорошо», потому что видела Елену вчера. Я не представляю, как вы оба хранили тайну так долго.
У Стефана непроизвольно дрогнула верхняя губа. Бонни была вся такая... как полуторамесячный котенок, само очарование и естественность. Она всегда говорила то, что думала, даже если это противоречило тому, что она сказала пару минут назад, но все, что она делала, она делала от чистого сердца.
— В данный момент ты стоишь в пустом помещении сама знаешь с кем, — напомнил ей Стефан.
— Ой, — глаза Бонни расширились, — но ты же этого не сделаешь, ведь правда? Елена тебя прибьет... О Боже, — она лихорадочно пыталась переменить тему, — ну а... как все прошло вчера ночью?
Стефан сразу же расстроился.
— Не очень хорошо. С Еленой все в порядке — она спит.
Тут его слух уловил шаги в коридоре. Три старшеклассницы прошли мимо, одна откололась от компании и подошла к ним. Сью Карсон была бледна, глаза у нее были заплаканы, но она нашла в себе силы улыбнуться им.
Бонни забеспокоилась:

— Сью, как ты? Как Даг?

— Я нормально. Он — тоже, ну, во всяком случае, скоро будет совсем порядок. Стефан, я хотела с тобой поговорить. Я знаю, папа вчера поблагодарил тебя за то, что ты защитил Дага, но я тоже хотела сказать тебе спасибо. В городе многие относились к тебе не самым лучшим образом, и я вообще удивлена, что ты бросился помогать. Я просто хотела поблагодарить и сказать, что я жалею... о многом.

К концу ее голос заметно дрожал. Бонни всхлипнула и полезла в карман за платком. Над Стефаном нависла реальная угроза быть застуканным на пустой лестнице с двумя рыдающими девицами. Он попытался исправить ситуацию:

— Прекрасно. А как Челси?

— Она в загоне. Они там держат собак на карантине, ну, всех, которых смогли поймать. Опасность миновала, и у Стефана отлегло от сердца. Повисла неловкая пауза.

— А ты слышала, — обратилась Бонни к Сью, — что решило руководство школы насчет Снежного бала?

— По слухам, они собирались этим утром и, скорее всего, решили провести его. Думаю, просто организуют полицейскую охрану. О, звонок. Надо идти на историю, а то достанется нам на орехи от Алариха.

— Мы подойдем через минуту, — буднично добавил Стефан. — А когда этот Снежный бал?

— Тринадцатого. Пятница, вечер, — сказала Сью, а потом вздрогнула. — Ой! Пятница — тринадцатое. Я даже не подумала об этом, зато теперь вспомнила кое-что. Сегодня утром я вычеркнула свое имя из списка претенденток на звание Снежной королевы. Я думаю, так будет правильно, — и Сью практически побежала прочь.

Мозг Стефана бешено работал.

— Бонни, ЧТО такое этот Снежный бал?

— Ну, рождественский бал, только назначается Снежная королева вместо Рождественской королевы. После Дня Основателей и инцидента с собаками они хотели отменить праздник, но, похоже, раздумали.

— В пятницу, тринадцатого, — мрачно сказал Стефан.

— Да, — испуганно подтвердила Бонни, опять чувствуя себя маленькой и напутанной.

— Стефан, не смотри так. Ты меня пугаешь. Что не так? Чего ты боишься?

— Я не знаю, — сказал Стефан вслух, но про себя подумал, что что-то случится обязательно. Другая Сила не пропустила еще ни одного праздника, а этот, возможно, будет последним в году. Но сейчас думать об этом не было смысла.

— Пошли. Мы сейчас действительно опоздаем.

Он был прав. Аларих Зальцман стоял у доски, как в тот день, когда он впервые появился в кабинете истории. Если он и заметил, что они опоздали, то не обратил на это внимания, а лишь приветливо улыбнулся.

Так, значит, ты и есть охотник за охотниками, подумал Стефан, садясь и пристально изучая человека, стоящего перед ним. А может быть, ты — что-то большее? Еленина Другая Сила?

На первый взгляд, это было очень вероятно. Пшеничные волосы Алариха, длинноватые для учителя, его мальчишеская улыбка — все это создавало образ безобидного простачка, но Стефану с самого начала было интересно, что скрывается под этой невинной внешностью. Но все же было непохоже, что Зальцман стоял за нападением на Елену или инцидентом с собаками. Так хорошо замаскироваться невозможно.

Елена. Стефан сжал кулаки под столом. Боль медленно поднималась в груди. Он не хотел о ней думать. Последние пять дней он пережил только благодаря тому, что гнал от себя мысли о ней, и это отнимало все силы. И здесь было худшее место для того, чтобы пытаться отвлечься от раздумий о любимой, потому что, когда тебе неинтересно говорящееся в аудитории, остается только сидеть и думать.

Он заставил себя тихо и спокойно вдохнуть. С ней все было в порядке, и это было

самое важное. Ничто другое не имело значения. Но даже пока он говорил это себе, ревность обжигала его, как удары бича. Он все еще не был уверен, что не Дамон тогда столкнул его умирать в шахту заброшенного колодца. К тому же он гораздо охотнее поверил бы в Еленину идею о Другой Силе, если бы был уверен, что это не Дамон тогда гнался за Еленой по мосту. Дамон — зло. У него нет ни милосердия, ни моральных принципов.

А с другой стороны, что он сделал такого, чего не делал Стефан? Этот вопрос Стефан задавал себе тысячу раз. Ничего.

Кроме убийства.

Стефан пытался убить. Он пытался убить Тайлера. Гнев на Дамона поостыл, и он взглянул на задние ряды, вместо того чтобы внимательно смотреть на доску.

Галерка пустовала. Тайлер выписался из больницы еще вчера, но в школе он еще не появлялся. Впрочем, никакой опасности его воспоминания о том дне все равно не представляют. Внушение на временную амнезию продержится достаточно долго, если никто не будет манипулировать рассудком Тайлера.

Вдруг Стефан понял, что его зрачки сужаются, когда он смотрит на парту Тайлера. А в это время кое-кто наблюдает за ним.

Мэтт быстро отвернулся и склонился над учебником истории, но Стефан успел увидеть выражение его лица.

Стефан пытался заставить себя не думать ни о чем и сосредоточиться на рассказе Алариха про войну Алой и Белой Розы.

5 декабря, точно времени не знаю, возможно, позднее утро

Дорогой дневник,

Утром Дамон вернул мне тебя. Стефан не захотел, чтобы я возвращалась к Алариху на чердак. Я пишу его ручкой. Мне больше ничего не принадлежит, ну, по крайней мере, я не могу пользоваться привычными вещами — тетя Джудит заметит, если я их заберу.

Прямо сейчас я сижу в амбаре за пансионом. Я не могу войти в помещение, где спят люди, если меня туда не пригласили. Животные, по-моему, не в счет — тут несколько крыс спят под сеном, и сова под крышей. Сейчас мы не обращаем друг на друга внимания.

Я пытаюсь не впадать в истерику.

Я пытаюсь отвлечься и пишу сюда — занимаюсь чем-то знакомым, привычным, нормальным. С той только разницей, что теперь вряд ли что-то в моей жизни будет нормальным.

Дамон говорит, что я привыкну гораздо быстрее, если постараюсь забыть старую жизнь и с радостью принять новую. По-моему, он уверен, что я непременно стану такой, как он. Он говорит, что я прирожденный охотник, и довольствоваться суррогатами нет смысла.

Прошлой ночью я охотилась на оленя — самого задиристого из всего стада. Я выпила его кровь.

Все, что я читаю в этом дневнике, — это грустный рассказ о том, что я постоянно искала что-то родное и естественное для себя. Но не ЭТО. Такая новая жизнь неестественна. Мне страшно подумать, во что я превращусь, если назову родной ЭТУ жизнь.

Боже, мне страшно.

Сова практически белая, особенно когда расправляет крылья и становится видна их внутренняя сторона. Сзади она выглядит золотистой. Но в действительности у нее только немножко золотистого вокруг мордочки. Прямо сейчас она сосредоточенно смотрит на меня, потому что я издаю звуки, пытаюсь не заплакать.

Смешно, наверное, но я все еще могу плакать. Ведьмы, наверное, не могут.

На улице пошел снег. Я закуталась в куртку.

Елена прижала блокнотик к телу и закуталась в куртку до подбородка. Было очень тихо, слышалось только дыхание спящей живности. Снаружи так же бесшумно шел снег, накрывая землю плотным белым одеялом. Елена уставилась перед собой остекленевшими глазами, не замечая слез, катившихся по щекам.

— Бонни Маккалог и Кэролайн Форбс, останьтесь, пожалуйста, после урока ненадолго, — отчеканил Аларих, когда прозвенел звонок с урока.

Стефан нахмурился, а потом погрузился еще больше, когда увидел, что за дверями класса стоит Викки Беннет, напуганная и стесняющаяся.

— Я буду ждать снаружи, — многозначительно сказал он Бонни. Та кивнула. Он поднял бровь, и она ответила понимающим взглядом. Этот взгляд говорил: даже не думай, что я могу что-то там разболтать.

Выходя, Стефан надеялся, что Бонни сумеет удержать свое красноречие при себе.

Ему пришлось посторониться, чтобы пропустить Викки Беннет, но он тут же налетел на Мэтта, который выходил из другой двери и пытался выскользнуть в коридор как можно скорее.

Не думая, Стефан схватил его за руку:

— Мэтт, погоди.

— Отстань от меня, — Мэтт попытался вывернуть руку. Он посмотрел на нее очень удивленно, как будто не понимая, почему из-за этого нужно так нервничать, хотя каждая мышца его тела сопротивлялась захвату Стефана.

— Я просто хочу поговорить. Одну минутку, хорошо?

— У меня нет этой минутки, — отрезал Мэтт, но наконец его глаза, чуть менее синие, чем у Елены, уперлись во взгляд Стефана. В глубине их была пустота, как у человека под гипнозом или под влиянием какой-то Силы.

Тут до Стефана дошло, что никакой другой Силы, кроме его, здесь не было. Просто человеческий мозг сам ушел в такое состояние, когда столкнулся с чем-то необъяснимым. Мэтт просто выключился.

Стефан аккуратно напомнил:

— Я про субботнюю ночь.

— Я не представляю, о чем ты говоришь. Блин, я же сказал, что мне надо идти.

По глазам Мэтта было видно, что он будет сопротивляться до конца, но Стефан почувствовал, что нужно попробовать еще раз.

— Я не виню тебя за то, что ты не в себе. На твоём месте я вообще бы взбесился. И я знаю, как это — не хотеть думать, особенно когда мысли сводят с ума.

Мэтт качал головой, а Стефан оглянулся. Коридор был практически пуст, и Стефану вдруг захотелось рискнуть. Он понизил голос:

— Но, возможно, тебе будет интересно узнать, что Елена проснулась и теперь ей...

— Елена мертва! — заорал Мэтт, привлекая всеобщее внимание. — Я же просил отстать от меня!!

Он толкнул Стефана, да так неожиданно, что тот отлетел к другой стене, практически растянулся на полу. Мэтт даже не обернулся, быстро удаляясь по коридору.

Пока не подросла Бонни, Стефан просто пялился на стену. Там висел плакат с фотографией танцующих на Снежном балу, и, прежде чем девочки вышли, Стефан успел его досконально изучить.

Несмотря на все то, что Кэролайн сделала ему и Елене, Стефан не чувствовал к ней ненависти. Ее каштановые волосы висели безжизненными прядками, лицо осунулось, сама девушка ссутулилась, утратив привычную горделивую осанку.

— Все нормально? — спросил он Бонни, когда они поравнялись.

— Конечно. Аларих просто знает, что мы трое — Викки, Кэролайн и я — прошли через

многое, и он хочет, чтобы мы знали о его желании поддержать нас, — заявила Бонни, но ее щенячий восторг относительно учителя истории выглядел несколько искусственным. — Ничего лишнего мы ему не сболтнули. На следующей неделе у него в доме опять будет собрание, — бодро добавила она.

Замечательно, подумал Стефан. Обычно он не преминул бы съехидничать по этому поводу, но сейчас было не до этого.

— Вон Мередит, — выпалил он.

— Наверное, она нас ждет, — а хотя нет, она спускается в сторону кабинета истории. Забавно. Я ее предупреждала, что жду здесь.

Более чем забавно, подумал Стефан. Он только краем глаза успел заметить ее, когда она заворачивала за угол, и это потрясло его. Мередит явно что-то просчитывала, выражение лица было сосредоточенным, походка — осторожной. Она явно хотела остаться незамеченной.

— Она вернется через минуту, когда увидит, что нас там нет, — предположила Бонни, но Мередит не появилась ни через минуту, ни через две, ни через три. Она объявилась через десять минут и очень испугалась, увидев, что Стефан с Бонни ее ждут.

— Простите, задержалась, — спокойно извинилась она, и Стефан позавидовал ее самообладанию, одновременно ломая голову над тем, что же за всем этим стояло. В общем, когда они уходили из школы, только Бонни была в настроении трепаться без перерыва.

— Ты же пользовалась огнем в прошлый раз! — сказала Елена.

— Это потому, что мы искали Стефана, конкретное существо, — пояснила Бонни, — а в этот раз мы предсказываем будущее. Если бы это было твое собственное будущее, я бы просто погадала тебе по руке, но мы пытаемся выяснить нечто глобальное.

В комнату вошла Мередит, осторожно неся китайскую чашку, наполненную водой до краев. В другой руке она несла свечу.

— Я притащила все, что нужно.

— Друиды считали воду священной, — объяснила Бонни, когда Мередит наконец поставила чашку на пол и девушки уселись в круг.

— Эти друиды, по-моему, все подряд считали священным, — добавила скептическая Мередит.

— Тихо. Поставьте свечу в подсвечник и зажгите. Я вылью расплавленный воск в воду и по форме, в которой он застынет, узнаю ответы на ваши вопросы. Бабушка использовала расплавленный свинец, но она говорила, что ее бабушка лила расплавленное серебро, и вообще заверила меня, что воск будет в самый раз.

Мередит зажгла свечу, Бонни оглянулась кругом и глубоко вздохнула.

— Что-то мне все страшнее и страшнее становится, — пожаловалась она.

— А ты не бойся, — мягко попросила Елена.

— Да я не боюсь таких ритуалов, просто противно будет, если в меня кто-нибудь вселится.

Елена нахмурилась и хотела что-то сказать, но Бонни продолжала:

— Так, не отвлекаемся. Выключи свет, Мередит. Подождите немного, пока я настроюсь, и задавайте свои вопросы.

В тишине полутемной комнаты Елена смотрела, как мерцает пламя на опущенных ресницах Бонни и на серьезном лице Мередит. Она увидела собственные руки, сложенные на коленях, — их неестественная бледность оттенялась чернотой свитера и леггинсов, которые одолжила ей Мередит. Потом она опять уставилась на танцующее пламя.

— Готово, — сказала Бонни и осторожно взяла свечу.

Елена крепко сцепила пальцы и тихо, чтобы не нарушать атмосферы, спросила:

— Кто в Феллс-Черч — Другая Сила?

Бонни наклонила свечу, чтобы пламя оплывало края. Расплавленный воск стек в чашу и застыл в форме круглых капель.

— Вот этого я и боялась, — прошептала Бонни. — Нет ответа. Попробуй задать вопрос по-другому.

Огорченная Елена откинулась назад, вонзая ногти в ладони. Заговорила Мередит:

— Мы можем найти эту Силу? И победить ее?

— Это уже два вопроса, — пробурчала Бонни и опять наклонила свечу. На этот раз воск застыл в форме неровного кольца.

— Это единство! Символ людей, держащихся за руки! Это значит, что мы все победим, если будем вместе!

В голове у Елены щелкнуло. Это были практически те же слова, что она говорила Стефану и Дамону. У Бонни сверкали глаза, они улыбнулись друг другу.

— Смотри! Ты все еще льешь воск, — вмешалась Мередит.

Бонни быстро выпрямила свечу и опять заглянула в чашу.

Последняя капля застыла в форме тонкой прямой линии.

— Это меч, — медленно выговорила она. — Он означает жертву. Мы справимся вместе, но придется принести жертву.

— Какую жертву? — переспросила Елена.

— Понятия не имею, — ответила Бонни, но ее лицо подергивалось. — Это все, что я сейчас могу сказать. — Она поставила свечу обратно в подсвечник.

— Фуууу... — выдохнула Мередит и встала, чтобы включить свет. Елена тоже встала.

— Ну, по крайней мере мы знаем, что сумеем ее победить, — сказала она, подтягивая леггинсы, которые были ей велики в длину.

Она мельком окинула взглядом свое отражение в зеркале. На Елену Гилберт, самую модную девушку в школе, она больше не тянула. Одета во все черное, с растрепанными волосами, она выглядела бледной и... опасной, как меч в ножнах.

— В школе меня не узнают, — с горечью прошептала она. Как бы странно это ни было, она беспокоилась от того, что пропускает школу, — а все потому, что не могла туда пойти. Она так долго была королевой, все время что-то организовывала, что теперь ей было сложно представить, что ноги ее быть не должно в школе.

— Ты можешь перевестись куда-нибудь, — предложила Бонни. — Ну, я имею в виду, закончить учебный год там, где тебя никто не знает. Как Стефан поступил.

— Не уверена, — сегодня, после одинокой ночи в амбаре, у Елены было странное настроение. — Бонни! А можешь взглянуть еще раз на мою руку? Можешь предсказать будущее, мое собственное будущее?

— Я даже не уверена, что помню всю эту дребедень, которой учила меня бабушка, но я попытаюсь, — согласилась Бонни, — и уж лучше бы я больше не увидела темных незнакомцев, с тебя, по-моему, достаточно.

Она хихикнула, беря вытянутую ладонь Елены.

— Вспомни, Кэролайн все спрашивала, что ты будешь делать с двумя? Теперь хочешь выяснить, да?

— Просто прочитай мою ладонь, ладно?

— Хорошо. Ну вот, линия жизни... — поток профессиональных терминов у Бонни как будто иссяк, не начавшись. Она с ужасом уставилась на ладонь подруги. — Она должна продолжаться вот до сих пор... но сейчас она обрывается!

Они с Еленой молча переглянулись, и то же мрачное предчувствие закралось и в душу Елены. Тут вмешалась Мередит.

— Конечно, она короткая! Она и должна быть такой, после того как Елена утонула.

— Да, это, конечно, от этого, — прошептала Бонни. Она отпустила руку Елены, и та медленно откинулась назад.

— Все нормально, — сказала Бонни увереннее.

Елена опять уставилась в зеркало. Оттуда на нее смотрела красивая девушка, но в

глазах у нее была грустная мудрость, которой не было у прежней Елены Гилберт. Вдруг она поняла, что подруги смотрят на нее.

— Это, конечно, от этого, — легкомысленно сказала она, улыбнувшись одними губами.

9

— Ну, по крайней мере, в меня никто не влез, — радостно заявила Бонни. — Но я все равно устала от всего этого. В последний раз я с этим замораживаюсь, вот ей-богу...

— Хорошо, — согласилась Елена, отворачиваясь от зеркала. — Давай вообще сменим тему. Ты сегодня что-нибудь выяснила?

— Я говорила с Аларихом, у него на следующей неделе опять собрание. Он спрашивал у меня, Кэролайн и Викки, хотим ли мы, чтобы нас ввели в гипнотическое состояние, чтобы разобраться в том, что происходило. Но я уверена, что он — не Другая Сила. Он такой милый!

Елена кивнула. Она сама сомневалась, стоит ли подозревать Алариха. Не потому, что он милый, а потому, что проспала у него на чердаке четыре дня. Осталась бы она невредимой, если бы там была Другая Сила?

Конечно, Дамон сказал, что почистил Алариху память, но поддалась бы Другая Сила внушению Дамона? По идее, она должна быть гораздо мощнее.

Только если Другая Сила временно не ослабла. Так, как слабел сейчас Стефан. Или же она могла просто притворяться, что поддалась.

— Ну, сейчас мы не будем его списывать со счетов, — резюмировала она. — Надо действовать как можно осторожнее. А что с миссис Флауэрс? Ты выяснила что-нибудь?

— Ничего, — сказала Мередит. — Мы сегодня были в пансионе, но она не открыла дверь. Стефан пообещал попытаться выследить ее днем.

— Если бы кто-нибудь меня туда пригласил, я смогла бы сама на нее поглядеть, — сказала Елена. — Мне кажется, я одна тут ни черта не делаю, — она замерла на секунду, — я, наверное, пойду домой, к тете Джудит. Может, наткнусь на Роберта, сидящего в ближайших зарослях.

— Мы с тобой, — сказала Мередит.

— Нет, лучше я одна. Правда. Я очень хорошо маскируюсь.

— Тогда послушайся своего же совета и будь осторожна. На улице все еще очень сильный снегопад.

Елена кивнула и прыгнула вниз с подоконника.

Она подошла к своему дому и увидела, что машина как раз отъезжает от стоянки. Она спряталась в тени и стала наблюдать. Передние фары освещали скудный зимний пейзаж: соседскую робинию, голую, без листвы, на которой сидела белая сова.

Когда машина проехала мимо нее, Елена ее узнала. Голубой «Олдсмобиль» Роберта.

Это становилось интересным. Ей вдруг захотелось догнать его, но сильнее было желание проверить дом и убедиться, что все в порядке. Она покружила вокруг дома, проверяя окна.

Желтые хлопковые занавески на кухне были отодвинуты, часть кухни была хорошо видна. Тетя Джудит закрывала посудомоечную машину. Роберт приезжал к ней обедать?

Тетя Джудит вышла в коридор, Елена последовала за ней, опять огибая дом. Она заметила щелку между занавесками в спальне и взглядела в темноту сквозь старое толстое стекло. Она услышала, как входную дверь сначала открыли, потом закрыли на замок, а потом в спальню вошла тетя Джудит и села на кушетку. Она включила телевизор и стала бездумно щелкать пультом.

Елене хотелось увидеть что-нибудь, кроме тетиного профиля и мерцающего света телевизора, но создавалось отчетливое впечатление, что она может только наблюдать, а войти — никогда. Как давно она поняла, насколько прекрасна эта комната? Старая этажерка красного дерева, заставленная китайскими статуэтками, стеклянными безделушками, лампа

от Тиффани, стоящая на столе, подушечки, лежащие углом на кушетке, — все это теперь казалось таким дорогим. Стоя на улице и чувствуя затылком нежные прикосновения снежинок, она мечтала зайти туда хоть на минуту. Хотя бы на одну минуту.

Голова тети Джудит клонилась набок, глаза слипались. Елена прижалась лбом к стеклу, потом медленно отвернулась.

Она залезла на айву, растущую под окнами собственной спальни, но, к сожалению, шторы были плотно задернуты. Клен под окнами Маргарет был меньше, и на него было сложно залезть, но когда она все-таки поднялась, то ей открылся прекрасный вид: окно было расшторено. Маргарет спала, натянув одеяло до подбородка, открыв рот. Светлые волосы разметались по подушке.

«Привет, малышка», — подумала Елена и проглотила подкатившие слезы. Все это было так трогательно: ночник, маленькая спящая девочка и плюшевые звери на полках, охраняющие ее сон. В дверную щель проскользнул маленький белый котенок. Это то, чего не хватало для полной картины, подумала Елена.

Комок белого пуха вспрыгнул на кровать Маргарет, зевнул, высунув розовый язычок, и потянулся, показывая маленькие коготки. Потом он решительно устроился на груди у девочки.

Елена вдруг почувствовала, как у нее на голове зашевелились волосы.

Непонятно, интуиция ли это была или новый хищнический инстинкт, но она вдруг испугалась. Маргарет была в опасности.

Котенок все еще стоял у нее на груди, виляя хвостиком. Вдруг Елена осознала, на кого он похож. На собак. Челси так же смотрела на Дага Карсона перед тем, как на него броситься. Боже, на карантин же посадили только собак, никто не подумал о кошках...

Ум Елены работал на предельной скорости, но это мало помогало. Перед глазами вставали ужасающие картины того, что кошка может натворить острыми когтями и зубами. А Маргарет просто спала и не подозревала об опасности.

Шерсть на спине у Снежка поднялась, хвостик стал похож на ершик. Котенок прижал уши и чуть слышно зашипел. Звереныш смотрел на Маргарет точно так же, как смотрела Челси на Дага Карсона.

— Нет!

Елена беспомощно оглянулась в поисках чего-нибудь, чем можно было бы запустить в окно. Приближаться она не могла: тонкие ветки ее бы не выдержали.

— Маргарет, проснись!

Снег, казалось, приглушал крик. Снежок утробно зарычал, обернулся, сверкнул глазами на Елену, а потом снова обернулся к Маргарет.

— Маргарет, вставай! — опять закричала Елена. В тот момент, когда котенок вытянул лапу с когтями, Елена бросилась в окно.

Позже она не могла понять, как ей тогда удалось удержаться. Карниз был слишком узкий, но ее острые когти вцепились в мягкое дерево рамы, одной ногой она нашла опору и стала всем телом биться в окно, крича что-то Маргарет.

— Пошел вон от нее! Просыпайся, Маргарет!

Девочка открыла глазки и села, отодвинув котенка. Тот вцепился коготками в одеяло, и оно само соскользнуло вправо. Елена опять закричала.

— Маргарет, слезай с кровати! Открой окно! Живо!

На сонном личике четырехлетней девочки было удивление, но никак не страх. Она встала и неуверенно пошла к окну. Елена стояла, стиснув зубы.

— Молодец, хорошая девочка. Теперь скажи: «Входи!» Быстренько скажи!

— Входи! — послушно повторила Маргарет, моргая и отходя назад.

Котенок выскочил, как только Елена шагнула внутрь комнаты. Она попыталась ухватить беглеца, но не успела. Снежок выпрыгнул в окно, грациозно и легко соскользнул по веткам клена на снег и исчез.

Детская ручка дергала Елену за свитер.

— Ты вернулась! — Маргарет обнимала Еленины ноги. — Я так по тебе скучала!
— А уж я-то как по тебе скучала, — начала Елена, но потом застыла, услышав голос тети Джудит, доносившийся сверху.

— Маргарет, ты не спишь? Что там у тебя происходит?

У Елены было несколько секунд, чтобы принять решение.

— Не говори ей, что я здесь, — прошептала она, опускаясь на колени. — Это секрет, понимаешь? Скажи, что ты просто выпустила кису на улицу, но не говори, что я здесь.

На большее времени не было, оставалось только нырнуть под кровать и молиться.

— Маргарет! Ты почему не в кровати? Давай ложись! — произнес голос тети Джудит. Послышалась возня с покрывалами, кровать прогнулась под весом ребенка. — У тебя ладони холоднющие. Что ты делала у окна?

— Я его открыла, чтобы Снежок мог выйти, — спокойно сказала Маргарет.

Елена с облегчением вздохнула.

— А теперь весь пол в снегу. Никогда больше так не делай, хорошо?

Послышалась возня, потом звук удаляющихся шагов, и дверь захлопнулась. Елена выползла наружу.

— Умница девочка, — прошептала она, когда Маргарет села на постели. — Я тобой горжусь. А завтра ты скажешь тете Джудит, что ты хочешь отдать свою кису, потому что она тебя напугала. Я знаю, что ты не хочешь, — она положила руку ребенку на плечо, чтобы успокоить зарождающийся плач, — но так надо. Киса на тебя нападет, если ее не отдать. Ты же не хочешь, чтобы она на тебя напала?

— Нет, — призналась Маргарет, но голубые глаза уже были на мокром месте, — но...

— И еще ты ведь не хочешь, чтобы киса напала на тетю Джудит? Скажи тете Джудит, что ты не хочешь заводить ни котенка, ни щенка, ни даже птичку до тех пор... ну, некоторое время. И не говори ей, что это я тебе сказала: это наш секрет. Скажи ей, что боишься из-за того, что произошло с собаками у церкви.

Елена подумала, что уж лучше пусть ребенку снятся кошмары, чем кошмар разыграется в этой спальне.

Маргарет грустно выпятила губку.

— Хорошо.

— Прости, милая, — Елена присела рядом и обняла ее, — но так действительно надо.

— Ты холодная, — сказала Маргарет, а потом, заглянув в лицо Елены, добавила: — Ты ангел, да?

— Ну... не совсем, — «как раз совсем наоборот», про себя подумала Елена.

— Тетя Джудит сказала, что ты ушла, чтобы быть с мамочкой и папочкой. Ты их видела?

— Я... Маргарет, это трудно объяснить. Я не ангел, но я все равно буду твоим ангелом-хранителем, хорошо? Я буду следить за тобой, даже если ты не будешь меня видеть, хорошо?

— Хорошо, — Маргарет играла с ее пальцами. — А ты не можешь больше здесь жить?

Елена оглянула бело-розовую спальню, плюшевые игрушки на полках, маленький столик и качающуюся лошадку, с которой когда-то играла сама.

— Нет, не могу, — мягко сказала она.

— Когда мне сказали, что ты ушла к маме и папе, я сказала, что тоже хочу!

Елена крепко зажмурила глаза.

— Девочка моя. Тебе еще не время. Тетя Джудит тебя очень любит, ей будет очень одиноко без тебя.

Маргарет кивнула, но веки у нее подрагивали. Пока Елена укладывала ее и поправляла покрывала, она задала еще один вопрос:

— А разве ты меня не любишь?

— Конечно, люблю. Я тебя очень люблю — я даже не представляла раньше, насколько. Но я справлюсь, а вот тете Джудит ты очень нужна. И...

Елене пришлось сделать глубокий вдох, а когда она опустила взгляд, глазки Маргарет были закрыты, и она ровно и глубоко дышала. Девочка заснула.

Дура, дура, думала про себя Елена, шлепая по снегу на другую сторону Кленовой улицы. Она проворонила шанс спросить у Маргарет, был ли у них Роберт. А сейчас было слишком поздно.

Роберт. Глаза вдруг сузились. Тогда Роберт стоял у церкви, и собаки взбесились. Сегодня так же взбесился котенок Маргарет — почти сразу после того, как от стоянки отъехала машина Роберта.

Роберту за многое придется ответить, подумала она.

Ее мысли растекались, ее одолевала грусть. Душой она все еще была в теплом, светлом доме, из которого только что ушла, чтобы никогда больше его не увидеть. Все ее вещи, украшения, безделушки — что с ними сделает тетя Джудит? Она подумала, что ей больше ничего не принадлежит. Как бомжу.

— Елена?

Елена с облегчением узнала мысленный голос того, кто стоял в тени в конце улицы. Она поспешила к Стефану, тот вытащил руки из карманов и взял ее ладони в свои, чтобы согреть.

— Мередит мне рассказала, куда ты пошла.

— Я пошла домой.

Это было все, что она могла сказать, но, прижавшись к нему, она поняла, что он все правильно воспринял.

— Давай найдем место, где можно сесть, — предложил он и остановился. Все места, куда они могли бы пойти, были либо опасны, либо Елена туда попасть не могла. Машина Стефана все еще находилась в полиции. В конце концов они решили поехать к школе и устроиться под козырьком, где можно было сидеть и смотреть на падающий снег. Елена рассказала, что случилось в комнате Маргарет.

— Я хочу, чтобы Бонни и Мередит пустили по городу слух, что кошки тоже могут напасть. Люди должны знать. И хорошо бы, если бы кто-нибудь понаблюдал за Робертом.

— Мы за ним присмотрим, детка, — обещал Стефан, и она не смогла сдержать улыбки.

— Забавно, сколько в тебе появилось американского. Я тебе долго об этом не говорила, но когда ты появился, ты был совсем чужим, а теперь никому в голову не придет, что ты не здешний.

— Мы быстро приспосабливаемся. Иначе никак. Все время новые страны, новые времена, новые ситуации. Ты тоже научишься.

— Ты думаешь? — Елена не отрывала глаз от падающих снежных хлопьев. — Не знаю...

— Со временем придет. Если и есть что-то хорошее... в нашей ситуации, то это время. У нас его столько, сколько нам надо. Вечность.

— Вместе в радости. Это, случаем, не то, что вам с Дамоном обещала Катрина? — прошептала Елена.

Стефан отшатнулся.

— Она говорила о нас троих, я не это имел в виду.

— Стефан, пожалуйста, только не сейчас. Я и думать не думала о Дамоне, только о вечности. Она меня пугает. Меня пугает все с ней связанное, и иногда мне больше всего хочется заснуть и больше никогда не просыпаться.

В его уютных объятиях она чувствовала себя в безопасности, но ее новые способности действовали и вблизи. Она слышала каждый удар его сердца и ток крови по венам. Чувствовала, как запах его тела смешивается с запахом куртки, снега, материала его одежды.

— Верь мне, пожалуйста, — прошептала она. — Я знаю, ты зол на Дамона, но дай ему

шанс. Я думаю, с ним все не так просто. Мне нужна его помощь в поиске Другой Силы, и это — все, что мне от него нужно.

В этот момент она свято верила в то, что говорила. Сегодня она не чувствовала себя охотницей, казалось, тьма отпустила ее.

Больше всего хотелось сидеть дома у камина.

Сидеть и просто обниматься было тоже очень приятно, даже если вокруг шел снег. Дыхание у Стефана было жарким, он поцеловал ее в затылок, и она больше не чувствовала его отстраненности. Не чувствовала она и голода, ну, по крайней мере, того, что она принимала за голод. Теперь она была таким же охотником, и потребность в единстве с ним была сильнее, чем потребность в еде. Еда не значила ничего. Что-то они потеряли, а что-то нашли. Она понимала Стефана как никогда раньше. Ее понимание сближало их еще больше, их души соприкасались, проникая одна в другую. Это не было пустой болтовней мысленных голосов, это был разговор, где не нужны слова. Как будто у них была одна душа на двоих.

— Я люблю тебя. — Дыхание Стефана обожгло шею, Елена обняла его еще крепче. Она поняла, почему он так долго боялся ей в этом признаться. Когда тебя пугает одна только мысль о завтрашнем дне, сложно с кем-то строить отношения. Не хочется утягивать никого вслед за собой в пропасть.

Особенно — любимого человека. «Я тоже тебя люблю», — ей пришлось заставить себя это выговорить. Мирное настроение было испорчено.

— Ты дашь Дамону шанс, хотя бы ради меня?

— Я буду с ним работать, но я не могу ему доверять. Я его слишком хорошо знаю.

— Я иногда сомневаюсь, знает ли его кто-нибудь вообще. Ну хорошо, делай как знаешь. Может быть, попросишь его последить завтра за Робертом?

— Я следил сегодня за миссис Флауэрс, — Стефан ухмыльнулся. — Весь день и вечер. Ты знаешь, что она делала?

— Что?

— Постирала три порции белья в допотопной машинке — мне каждый раз казалось, что она взорвется. Даже без отжима, представляешь? В подвале у нее стоит. Потом она вышла на улицу и насыпала зерна в пару дюжин птичьих кормушек, потом опять спустилась в подвал и стала протирать банки с вареньем. Она в своем подземелье почти все время проводит. И разговаривает сама с собой.

— Ну, просто старушка с причудами. Ну ладно, может быть, Мередит ошибалась, и она просто с прибаблом.

Она заметила, как изменилось его лицо, когда она упомянула Мередит.

— Что?

— Ну, может быть, Мередит сама нам что-нибудь объяснит. Я ее ни о чем не спрашивал, подумал, лучше будет, если ты с ней сама поговоришь. Она, кстати, отправилась к Алариху Зальцману после школы и, по-моему, не хотела, чтобы об этом кто-нибудь знал.

В душе у Елены шевельнулось беспокойство.

— И что?!

— Потом она отнекивалась от этого. Я попытался ее просканировать, но я почти без Силы. А у нее сильная воля.

— И у тебя не было на это никакого права. Послушай меня, Мередит никогда не станет вредить или предавать. Что бы она от нас ни скрывала...

— То есть ты допускаешь, что она от нас что-то скрывает...

— Да, — неохотно согласилась Елена. — Но ничего такого, что могло бы причинить нам вред. Мы с Мередит с первого класса дружим...

Последнюю фразу Елена сказала, не подумав. Она подумала о другой своей подруге, с которой они были вместе с детского садика, — о Кэролайн. Неделью назад та пыталась убить Стефана и оскорбить Елену на глазах у всего города.

А что было написано в дневнике Кэролайн о Мередит?

«Мерedit не делает ничего, чтобы все это безобразие остановить. На самом деле она вообще ничего не делает; она только наблюдает. Кажется, она просто не способна действовать, только может про всякую всячину разговаривать. А кроме того, я слышала, что мои родители думают про ее семью, — неудивительно, что Мерedit никогда о ней не упоминает».

Елена оторвала взгляд от заснеженного ландшафта и посмотрела в выжидающие глаза Стефана.

— Это неважно, — тихо сказала она, — я знаю Мерedit, и я ей доверяю и буду доверять до конца.

— Я очень надеюсь, что она того стоит, Елена. Серьезно.

10

12-е декабря, четверг, утро

*Дорогой дневник,
чего же мы достигли после недели работы?*

За нашими тремя подозреваемыми мы наблюдали почти непрерывно в течение шести или семи дней.

В итоге мы имеем:

— отчет о действиях Роберта за прошедшую неделю, которую он провел как нормальный бизнесмен;

— отчет о действиях Алариха, который не делал ничего нехарактерного для учителя истории;

— отчет о действиях миссис Флауэрс, которая большую часть времени проводит у себя в подвале.

Короче, мы почти ничего не выяснили.

Стефан сказал, что Аларих пару раз встречался с директором, но ему не удалось подойти близко и послушать, о чем они говорили.

Мерedit и Бонни распустили слухи о том, что все домашние животные, а не только собаки могут быть опасны. Им даже не пришлось особенно стараться — жители городка и так готовы впасть в панику по любому поводу. Кстати, сообщали, что животные еще несколько раз нападали на людей, но не понятно, можно ли воспринимать эти сообщения всерьез. Какие-то подростки издевались над белкой, и она их укусила. Домашний кролик Массесов оцарапал их младшенького сына. Старая миссис Кумбер видела у себя в саду двух медноголовых змей, хотя они, по идее, должны в это время года находиться в спячке.

Единственное, что вызывает подозрения, — это нападение на ветеринара, который ухаживал за собаками на карантине. Несколько собак на него набросились, остальные просто повыбегали из вольеров. После этого они просто пропали. Люди, по-моему, не сильно расстраиваются и надеются, что собаки сдохнут от голоду в лесу, но я сомневаюсь в этом.

Все время валит снег. Снегопад не усиливается, но и не прекращается. Столько снега никогда раньше не было.

Стефан беспокоится по поводу завтрашнего праздника.

Расследование не сдвинулось с мертвой точки. Никто из подозреваемых не был рядом в тот момент, когда произошло нападение у Массесов, миссис Кумбер или в карантине. Мы ни на йоту не продвинулись в поисках Другой Силы.

Собрание у Алариха сегодня вечером. Мерedit считает, что нам надо туда пойти. Я не знаю, что еще можно сделать.

Дамон вытянул длинные ноги и вальяжно заговорил, обводя взглядом амбар:

— Да нет, я не думаю, что это опасно. Я просто понять не могу, чего вы этим пытаетесь

добиться.

— Я тоже не понимаю, — призналась Елена, — но у тебя есть другие идеи?

— Ты имеешь в виду идеи относительно того, куда потратить свое время? Да. Твои варианты?

Елена сделала ему знак рукой, и он смолк.

— Я имею в виду, что мы можем сделать полезного, пока Роберта нет в городе, а миссис Флауэрс сидит...

— В своем подвале! — хором закончило несколько голосов.

— А мы сидим сложа руки здесь. Хотя у кого-нибудь есть идеи?

Голос подала Мередит.

— Если вы так переживаете, что это опасно для меня и Бонни, то почему бы нам не пойти всем вместе? Вы можете спрятаться на чердаке, и, если что-то случится, мы сможем позвать вас на помощь.

— Я вообще не уверена, что кому-нибудь придется звать на помощь, — вмешалась Бонни, — ничего не случится.

— Может быть, но береженого Бог бережет, — возразила Мередит. — Ну и что вы об этом думаете?

Елена медленно кивнула.

— Есть смысл так и поступить. Она оглянулась в поисках протестующих, но Стефан только пожал плечами, а Дамон пробормотал что-то, от чего Бонни рассмеялась.

— Тогда решено. Пошли.

На улице их встретил неизменный снегопад.

— Мы с Бонни можем поехать на моей машине, — сказала Мередит, — а вы трое...

— Ничего-ничего, мы сами доберемся, — хищно улыбнулся Дамон.

Мередит равнодушно кивнула. Когда девчонки ушли, Елена про себя подумала, что Мередит странным образом никогда не поддадала под обаяние Дамона. Его чары на нее просто не действовали.

Она собиралась сказать, что голодна, когда Стефан обернулся к Дамону.

— Ты можешь не отходить от Елены ни на шаг все время?

— Само собой! — приветливо улыбнулся Дамон. — А что?

— Потому что, если ты будешь все время с ней, вы можете пойти вдвоем, а я к вам потом присоединюсь... Мне нужно кое-что сделать, но это недолго.

У Елены сладко потеплело в груди. Он пытался проявлять доверие к своему брату. Она одобрительно улыбнулась Стефану, но тот отвел ее в сторону.

— Что такое?

— Я сегодня получил записку от Кэролайн. Она попросила встретиться в школе перед собранием у Алариха. Она сказала, что хочет извиниться.

Елена было открыла рот, чтобы съязвить по этому поводу, но потом раздумала. По слухам, Кэролайн последнее время была совсем плоха. Может быть, Стефану полегчает, если он с ней поговорит.

— Но тебе-то не за что извиняться, — возразила она ему, — она сама виновата во всем, что с ней случилось. Ты уверен в том, что она не подстроит никакой гадости?

— Да. Во всяком случае, у меня осталась Сила, чтобы защититься. Я встречу с ней, и мы можем пойти к Алариху вместе.

— Будь осторожен, — сказала Елена ему вслед, когда он растворился в вечернем снегопаде.

Чердак был таким же, каким она его помнила, — темным, пыльным и забитым всяким таинственным хламом, покрытым клеенкой. Дамону, который с комфортом вошел через переднюю дверь, пришлось открыть ставни и впустить ее через окно. Они уселись бок о бок

на старый матрас и стали вслушиваться в голоса, доносившиеся снизу.

— Я могу подсуетиться насчет более романтической атмосферы, — проворковал Дамон, брезгливо снимая паутину с рукава. — Ты не хочешь...

— Не хочу! — шикнула Елена. — Не шуми.

Все это было похоже на игру — надо было ловить обрывки разговоров, соединять их в единое целое, сопоставлять голоса и лица.

— А потом я сказала, что мне все равно, сколько у тебя прожил длиннохвостый попугай, избавься от него, или я пойду на Снежный бал с Майком Фелдманом, а он ответил...

— Слухи о том, что прошлой ночью была разрыта могила мистера Таннера...

— Ты слышала, что все, кроме Кэролайн, выбыли из соревнования за звание королевы Снежного бала? Тебе не кажется, что...

— ...мертва, но я тебе говорю, я видела ее, мне не приснилось. На ней было такое серебристое платье, а волосы светились золотым светом и развевались...

Елена изумленно посмотрела на Дамона, потом на свою черную одежду. Он оскалился.

— Романтизм делает из людей моральных уродов. Лично мне кажется, что тебе лучше всего в черном.

— Серьезно? — прошептала она. Вообще, ей было удивительно спокойно с Дамоном все эти дни. Она спокойно сидела, позволяя разговорам проникать в сознание, почти потеряв счет времени. Потом она услышала знакомый голос, и гораздо ближе, чем все остальные.

— Хорошо, хорошо, я иду. Хорошо.

Они с Дамоном переглянулись и вскочили на ноги, когда дверная ручка зашевелилась. На чердак проскользнула Бонни.

— Мередит сказала мне подняться. Я не знаю зачем. Она села на уши Алариху, и это надолго.

Она плюхнулась на матрас, и через некоторое время Елена опустилась рядом. Она начинала жалеть, что здесь нет Стефана. К тому времени как открылась дверь и вошла Мередит, она уже практически рвала на себе волосы от отчаяния.

— Мередит, что происходит?

— Ничего, по крайней мере, ничего серьезного. А где Стефан? — щеки Мередит подозрительно горели, а в глазах было странное выражение, как будто она пыталась постоянно контролировать что-то.

— Он подойдет позже, — начала Елена, но Дамон перебил:

— Это тебя не касается. А кто к нам поднимается?

— В каком смысле кто поднимается? — вскочила Бонни.

— Спокойно! — тихо сказала Мередит, вставая у окна, как бы закрывая его. «А она ведь боится», — подумала Елена.

— Все в порядке! — крикнула Мередит, открылась дверь, и вошел Аларих Зальцман.

Елена даже не поняла, что сделал Дамон: одним движением он поймал ее за кисть и толкнул к себе за спину, одновременно двигаясь на Алариха, потом замер, припав к земле, готовый к атаке.

— Не надо! — страшно закричала Бонни. Она кинулась на Алариха, который отшатнулся от Дамона. Он почти потерял равновесие и лихорадочно шарил за собой в поисках двери, одновременно другой рукой пытаясь нащупать брючный ремень.

— Хватит! — закричала Мередит.

Елена увидела, как топорщится куртка Алариха и поняла, что там пистолет.

Она опять перестала понимать, что происходит. Дамон отпустил ее и схватил за руку Алариха. Потом Аларих оказался на полу, изумленно мотая головой, а Дамон начал опустошать обоймы пистолета.

— Я же говорила, что это глупо, и он тебе не понадобится, — сказала Мередит. Елена поняла, что держит ее за руки. Наверное, она пыталась не дать ей помешать Дамону, хотя точно не помнила.

— Эти фиговины с деревянными наконечниками меня уже достали, ими же можно кого-нибудь задеть, — проворчал Дамон. Он заменил обойму и передернул предохранитель, задумчиво целясь в Алариха.

— Прекрати, — деревянным голосом попросила Мередит. Она повернулась к Елене: — Елена, заставь его прекратить, он только сделает хуже. Аларих не причинит вреда, я клянусь. Я неделю потратила на то, чтобы убедить его, что вы не причините вреда ему.

— А теперь у меня, похоже, запястье сломано, — спокойно отозвался Аларих. Светлые волосы лезли ему в глаза.

— Ты сам виноват, — оборвала его Мередит. Бонни, прильнувшая к Алариху, вздрогнула от такого фамильярного обращения Мередит, отошла на пару шагов и села.

— У меня нет времени слушать объяснения по поводу всего этого, — сказала она.

— Пожалуйста, доверяйте мне, — попросила Елену Мередит.

Елена посмотрела в темные глаза подруги. Она верила ей. Это были ее слова. Они пробудили другие воспоминания — о том, как она сама просила Стефана о том же. Она кивнула.

— Дамон? — позвала она. Он легко отбросил пистолет и вдруг улыбнулся всем присутствующим улыбкой, которая предельно ясно говорила о том, что в случае чего никакое оружие ему даже не понадобится — он прекрасно обойдется без него.

— Теперь, если все просто послушают, я объясню, — сказала Мередит.

— Да уж неплохо бы, — процедила Бонни.

Елена подошла к Алариху Зальцману. Она его не боялась. Пока он окидывал взглядом ее всю, с ног до головы, он сам испугался.

Она остановилась в паре метров от места, где он сидел, и опустилась на колени, заглядывая ему в лицо:

— Привет.

Он все еще держался за запястье.

— Привет, — сказал он и судорожно сглотнул.

Елена бросила взгляд на Мередит, потом опять на Алариха. Да, он боялся. Прядки, упавшие на глаза, делали лицо совсем юным — может быть, года на четыре-пять постарше Елены. Не больше.

— Мы не причиним тебе вреда, — сказала Елена.

— Я ему это постоянно твердила, — тихо поддакнула Мередит, — я объяснила: с чем бы он ни сталкивался раньше, каких бы историй ни слышал, вы — другие. Я рассказала то, что знаю о Стефане, как он боролся со своим естеством все эти годы. Я рассказала, через что прошла ты, при том, что ты об этом не просила.

А с чего это ты с ним так разоткровенничалась, подумала Елена. Она обратилась к Алариху:

— Ну хорошо, теперь ты знаешь, кто мы такие. А вот единственное, что мы знаем про тебя, — это то, что ты не учитель истории.

— Он охотник, — деревянным голосом сказал Дамон. — Он — охотник на вампиров.

— Нет! — вмешался Аларих. — Ну, во всяком случае, не в том смысле, который вы вкладываете в это слово.

Казалось, он принял решение.

— Ну хорошо. Из того, что я узнал о вас троих... — Он запнулся, оглядывая темную комнату, как будто только что понял что-то. — А где Стефан?

— Он сейчас придет. Вообще, он уже должен быть здесь. Он собирался зайти в школу и прихватить Кэролайн.

Реакция Алариха была самой неожиданной.

— Кэролайн Форбс? — подскочил он. Его голос звучал так же, как во время разговора с доктором Файнбергом и директором, жестко и решительно.

— Да. Она прислала ему записку, вроде бы хотела извиниться. Она хотела встретиться с ним в школе перед собранием.

— Ему туда нельзя. Надо его остановить, — быстро заговорил Аларих, вскакивая на ноги.

— Он уже там. А почему ему туда нельзя? — забеспокоилась Елена.

— Потому что пару дней назад я провел сеанс гипноза с Кэролайн. Я попробовал гипноз еще раньше на Тайлере, но безрезультатно. Но Кэролайн гипнабельная, и она вспомнила кое-что из того, что случилось тогда в ангаре. Короче, она признала в нападавшем Стефана Сальваторе.

На долю секунды все присутствующие потеряли дар речи от шока, но потом подала голос Бонни:

— Но что может сделать Кэролайн? Не может же она ему навредить...

— Вы что, не понимаете, что мы больше не со школьниками имеем дело? Все слишком далеко зашло. Отец Кэролайн в курсе, отец Тайлера в курсе. Они беспокоятся за безопасность горожан.

— Тихо! Тише! — Еленино сознание металось, пытаясь засечь хоть малейший намек на присутствие Стефана. Он сам довел себя до истощения Силы, вдруг поняла она той частью сознания, которая была абсолютно спокойна, несмотря на общую панику и смятение. В конце концов она нащупала след, очень слабый, но это был след Стефана. Он был в беде.

— Что-то не так, — подтвердил Дамон. Она поняла, что он тоже искал, а силы у него было гораздо больше. — Пошли.

— Подождите, давайте сначала поговорим. Не надо суетиться.

Аларих с тем же успехом мог убеждать дождь перестать идти. Дамон был уже в окне, в следующий момент выпрыгнула Елена, тут же приземлившись точно рядом с ним. Сверху они слышали голос Алариха:

— Мы тоже идем! Не уходите без нас! Сперва я с ними поговорю, я могу все уладить!

Елена почти не слышала его. В мозгу билась единственная мысль — стереть с лица земли каждого, кто посмел обидеть Стефана. Слишком далеко зашло, говорите? А теперь я зайду так далеко, как потребуется! Пусть только попробуют его тронуть... перед глазами вспыхивали картины того, что она сделает с обидчиками. Очень много картин. В другое время она бы удивилась такому бурному выбросу адреналина в кровь.

Она чувствовала близость Дамона, когда они бежали по снегу, — он весь был похож на вспышку красного света и... ярости. Нутро Елены, тоже охваченное бешенством, радовалось такому соседству. Но тут ее осенило.

— Я ведь тебя торможу, — вдруг поняла Елена. Она почти не запыхалась, даже несясь по неутоптанному снегу, но все равно ни одно существо, ни на двух ногах, ни на четырех, не может двигаться быстрее птицы.

— Лети, — попросила она. — Лети как можно быстрее. Я догоню.

Она не стала дожидаться, пока из сгустка тьмы и воздушного водоворота появится птица. Она лишь увидела, как ворон взлетел, и слышала мысленный голос Дамона.

Удачной охоты, сказал он, и черная крылатая тень метнулась к школе.

Удачной охоты, пожелала ему Елена и прибавила скорости, все время сосредотачиваясь на сигналах Стефана.

Стефан лежал на спине и мечтал о том, чтобы хоть как-нибудь сфокусировать зрение и прояснить сознание. Частично этому мешали снег и боль, частично — восьмисантиметровая рана на черепе, из которой струйкой вытекала кровь.

Конечно, он сглупил и зря не осмотрел территорию вокруг школы, а если бы осмотрел — заметил бы машины с тонированными стеклами на заднем дворе. Он вообще сделал глупость, что пришел сюда. А сейчас он за это расплачивался.

Стефан никак не мог сосредоточиться и позвать на помощь — он был слишком слаб, потому нападавшие так легко с ним справились. Он почти не ел после той ночи, когда напал на Тайлера. Он подумал, что попал в передрагу по собственной вине.

Не надо было идти против своей природы. В конце концов, Дамон оказался прав. Все

люди одинаковы — и Аларих, и Кэролайн, вообще все. Все предают. Надо было на них охотиться и наслаждаться жизнью.

Он надеялся, что Дамон позаботится о Елене. С ним ей будет хорошо: он сильный и безжалостный. Он научит ее выживать. Стефана это радовало.

И одновременно внутри него что-то очень противилось этому.

Зоркий глаз ворона сразу разглядел лучи фар внизу. По правде, Дамону не нужно было и этого: он ориентировался по слабому маячку — пульсации жизни в теле Стефана. Брат был очень слаб, но держался из последних сил.

Так ты ничему и не учишься, я погляжу? — мысленно обратился к нему Дамон. — *Эх, надо тебя оставить здесь помирать.* Приземляясь, он одновременно трансформировался в более боеспособную, чем птица, форму.

Черный волк врзался в гущу людей, окружавших Стефана, целясь в того, кто занес деревянный кол над его грудью. Силой удара человека отбросило метров на десять, кол полетел в траву. Дамон подавлял инстинктивное желание вцепиться человеку в горло — а оно все усиливалось, подпитываемое инстинктами его звероформы. Он развернулся и бросился к другим людям, которые стояли в замешательстве.

После второй атаки они бросились врассыпную, но один из них добежал до освещенного участка и вытащил что-то из-за плеча.

Это ружье, понял Дамон. Возможно, заряженное такими же специальными пулями, как пистолет Алариха. Сбить человека с ног до того, как он спустит курок, невозможно. Волк взвыл и приготовился к прыжку. На мясистой щеке человека появилась улыбка.

Быстрая, как змея, рука с белой кожей вынырнула из тьмы и сбила ружье вбок. Мужчина в бешенстве повел глазами, волк оскалился. Подросла Елена.

11

Елена видела, как ружье мистера Смоллвуда отлетело в траву. Она любовалась выражением его лица, когда он крутился, пытаясь понять, что же это было. Она чувствовала восторг Дамона, который был по другую сторону освещенного пятка, яростный восторг волка, чей волчонок в первый раз поймал жертву. Однако когда она увидела Стефана, лежащего на траве, то забыла обо всем на свете. От ярости перехватило дыхание, она бросилась к нему.

— Замрите все! Замрите где стоите!

Крик прозвучал под визг шин. Машину Алариха Зальцмана чуть не занесло, когда он влетел на парковку. Не успела она полностью затормозить, как он выпрыгнул наружу.

— Что здесь происходит? — заорал он, одним прыжком преодолевая расстояние до людей.

Елена вжалась в темноту и стала рассматривать лица людей, глазевших на Алариха. Кроме мистера Смоллвуда она узнала мистера Форбса и мистера Беннетта, отца Викки Беннетт. Остальные, должно быть, отцы тех, кто был тогда с Тайлером в ангаре.

Один из незнакомцев заговорил с нарочитой медлительностью, пытаясь скрыть дрожь в голосе:

— Мы просто устали ждать и решили несколько поторопить события.

Глухое волчье урчание переросло в устрашающий рык. Люди отступили, а у Алариха при виде животного глаза вылезли из орбит.

Фигура, притулившаяся возле одной из машин, тоже издавала звук — более мягкий и протяжный. Это хныкала Кэролайн Форбс.

— Они сказали, что просто хотят с ним поговорить. Они мне не сказали, что собираются сделать.

Аларих, не выпуская волка из поля зрения, показал на нее рукой:

— И вы собирались сделать все при ней? При молоденькой девушке? Вы вообще представляете, какая у нее была бы психическая травма?

— А если бы он ей глотку перегрыз, у нее бы психической травмы типа не было! — рывкнул мистер Форбс, и в толпе послышались возгласы одобрения. — Нас это больше беспокоит!

— Тогда побеспокойтесь о том, чтобы наказывать правильного человека. Кэролайн, — подбежал Аларих к девушке, — подумай, пожалуйста, Кэролайн. Мы не закончили сеансы гипноза. Тебе показалось, что ты узнала Стефана, но ты в этом абсолютно уверена? Это мог быть не он, а просто кто-то похожий?

Кэролайн выпрямилась, опираясь на машину и поднимая зареванное личико. Она посмотрела на Стефана, потом на Алариха.

— Я...

— Подумай, Кэролайн. Ты должна быть абсолютно уверена. Это ведь мог быть кто-нибудь другой, например...

— Например, парень, который называет себя Дамоном Смитом, — послышался голос Мередит. Она легкой тенью стояла у машины Алариха. — Ты помнишь его, Кэролайн? Он пришел на первое собрание у Алариха, и он чем-то похож на Стефана.

Елена стояла столбом, пока Кэролайн недоуменно хлопала глазами. Затем шатеночка медленно кивнула.

— Да... могло быть и так, наверное.

— И ты не уверена, кто из них это был?

— Нет, не точно...

— Ну вот, — всплеснул руками Аларих, — я же вам говорил, что нужно больше сеансов, а сейчас мы ни в чем не можем быть уверены. Она все еще сомневается.

Он тихонько приближался к Стефану. Елена заметила, что волк опять скрылся в темноте. Она-то могла его видеть, а вот люди — вряд ли.

Из-за его исчезновения они стали более агрессивными.

— Ты вообще о чем? Кто такой этот Смит? Я его никогда не видел!

— А вот ваша дочь Викки наверняка его знает, мистер Беннетт, — парировал Аларих. — И это может всплыть на следующем сеансе гипноза. Мы об этом завтра поговорим, дело не срочное. А сейчас, я думаю, умнее всего будет отвезти Стефана в больницу.

Кто-то из людей нетерпеливо завертелся.

— Ну конечно, а пока мы плюем в потолок, всякое может случиться. Где угодно и когда угодно.

— Так вы хотите в суд Линча поиграть, да? — В голосе Алариха появился металл. — Кто вам вообще дал право подозревать кого-либо? Кто вам сказал, что у этого парня есть паранормальные способности? Где ваши доказательства? Что он вам плохого сделал?

— Тут вот неподалеку волк кружит, так он нам ох сколько плохого сделал, — лицо мистера Смоллвуда побагровело, — а может, они заодно.

— Я никакого волка не видел. Я видел собаку. Может быть, она сбежала из карантина. И что? Я вам как специалист говорю — вы не того человека схватили.

Люди заколебались, на лицах отразилось сомнение. Заговорила Мередит:

— Я думаю, вам следует знать, что у нас есть сведения о нападениях вампиров на людей в этой местности задолго до того, как приехал Стефан. Мой дедушка был жертвой нападения. Может быть, кто-то из вас даже об этом слышал.

Она в упор посмотрела на Кэролайн.

Елена поняла, что это конец. Люди невесело переглядывались и расходились по машинам. Казалось, им всем вдруг срочно куда-то понадобилось.

Мистер Смоллвуд задержался.

— Ты сказал, что мы поговорим об этом завтра, Зальцман. Я желаю слышать, что

скажет мой сын, когда его загипнотизируют.

Отец Кэролайн сгреб дочь в охапку и усадил в машину, лепеча какую-то чушь про то, что на самом деле это все ошибка и вообще ничего страшного не произошло.

Когда последняя машина отъехала, Елена подбежала к Стефану:

— Ты как? Они тебя ранили?

Он шарахнулся от Алариха.

— Кто-то ударил меня сзади, пока я разговаривал с Кэролайн, но вроде бы я уже пришел в себя, — он бросил взгляд на Алариха, — а он здесь зачем?

— Он на нашей стороне, — поспешила объяснить Бонни, — я же говорила вам. Стефан, с тобой правда все в порядке? Я думала, я в обморок упаду. Ну они же не специально, ну не могли они специально это сделать...

— Специально или нет, я думаю, нам не стоит здесь оставаться, — вмешалась Мередит. — Стефану правда надо в больницу?

— Да нет, — отмахнулся Стефан, вокруг которого суетилась Елена, осматривая рану, — мне просто нужно отдохнуть. Посидеть бы где-нибудь.

— У меня с собой ключи, пойдемте в класс истории, — предложил Аларих.

Бонни со страхом смотрела в темноту.

— И волк с нами? — спросила она, но потом тьма сжалась и стала Дамоном.

— Какой такой волк? — невинно спросил он.

Стефан вздрогнул и обернулся.

— Спасибо и тебе тоже, — сказал он деревянным голосом, но когда они вместе шли к школе, он исподтишка смотрел на брата, и в глазах его было удивление.

В коридоре Елена оттащила его в сторону:

— Стефан, ну почему ты их не заметил? Где твоя Сила?

Стефан пожал плечами, и она добавила:

— Ты когда последний раз ел? Стефан, когда? У тебя всегда какие-то отговорки, когда я рядом. Что ты с собой делаешь?

— Да все со мной в порядке. Seriously, Елена. Я попозже поохочусь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Елена даже не задумалась, что понятие «попозже» — довольно растяжимое. Она позволила ему себя увести.

Ночью кабинет истории выглядел по-другому, как-то странно, как будто лампы были слишком сильные. Парты были убраны к стенам, а пять стульев — расставлены вокруг стола Алариха. Сам он, только что закончив двигать мебель, усадил Стефана в свое мягкое кресло.

— Садитесь все.

Все посмотрели на него. Потом Бонни плюхнулась на стул, Елена встала рядом со Стефаном, Дамон и не подумал прекратить шататься где-то посередине между сидящими и дверью, Мередит спихнула какие-то бумаги к середине учительского стола и взгромоздилась на край.

Аларих усилием воли подавил в себе инстинкт учителя.

— Ну хорошо, — сказал он, усаживаясь на один из стульев. — Итак?

— Итак? — эхом отозвалась Елена.

Все переглянулись. Елена вытащила тканевую салфетку из аптечки первой помощи, которую подобрала на входе, и занялась раной Стефана.

— По-моему, пришло время объясниться, — проговорила она.

— Да. Конечно. Ну, наверное, вы все уже догадались, что я — не учитель истории.

— В первые же пять минут, — согласился Стефан. Его голос был тихим и страшным, и Елена вдруг поняла, что он напоминает голос Дамона. — Так кто вы?

Аларих сделал извиняющийся жест и ответил:

— Я психолог. Не врач-консультант, — быстро пояснил он, когда все многозначительно переглянулись, — я — исследователь, экспериментатор. Из Графского Университета. Ну, того самого, где проводились эксперименты с экстрасенсорным восприятием.

— А, это когда нужно догадаться, что на рисунке, не видя его?

— Ну да и другие, более сложные вещи. Я бы совсем не отказался поэкспериментировать с тобой с помощью этих рисунков, особенно когда ты в трансе, — на лице Алариха появилось хищное исследовательское выражение. Потом он прочистил горло и снова заговорил: — Так вот. Той темой я начал заниматься пару лет назад, когда мне пришлось написать доклад по парапсихологии. Я не пытался доказать существование сверхъестественных возможностей, мне надо было выяснить, какое влияние они оказывают на психику людей, которые их имеют. По большому счету, меня интересует Бонни, — Аларих заговорил тоном лектора. — Мне интересно, каково это — в эмоциональном, ментальном плане — владеть такими возможностями?

— Ужасно, — заверила его Бонни. — Не нужны они мне, я их ненавижу.

— Ну вот видите, — заговорил опять Аларих, — а могли бы их исследовать. Я вообще не мог найти никого, кто бы реально обладал такими способностями. Куча жуликов, ну, в крайнем случае — травники, экстрасенсы, медиумы, ну вы знаете. Но я не мог найти ничего действительно стоящего, пока один приятель из полиции не слил мне полезную информацию. В Южной Каролине объявилась женщина, которая заявляла, что ее укусил вампир и с тех пор ее мучили ужасные видения. К тому времени я уже так привык к жуликам, что ожидал, что она тоже окажется пустышкой, но нет. По крайней мере, ее укусили. Я так и не смог доказать, что у нее были сверхъестественные способности.

— А ее точно укусили? — заинтересовалась Елена.

— Было медицинское освидетельствование. Слюна в ее ранках по составу совпадала с человеческой — но не совсем. В ней содержалось вещество, препятствующее свертыванию крови — почти такое же, как в слюне пиявок... — Аларих запнулся и заговорил очень быстро, — но я верил. Вот так все и началось. Я был уверен, что с женщиной случилось что-то странное, и стал искать похожие случаи. Их было немного, но они были. Люди, которые столкнулись с вампирами. Я забросил все другие занятия и сосредоточился на поисках и обследовании жертв вампиров. Без ложной скромности скажу, что стал экспертом в этой области. Я написал кучу работ по этой теме...

— Но никогда не видел вампира вживую, — перебила его Елена, — ну, до сегодняшнего дня. Я права?

— Не совсем. Не вживую, но... я написал много монографий и... статей, — на этом месте он ступежался.

Елена закусила губу.

— А что ты сделал с собаками? В церкви, когда делал пассы руками?

— Ой... — Вопрос, казалось, ввел Алариха в замешательство. — Ну, я постоянно кое-чему учусь. Это было заклинание для того, чтобы отогнать зло. Мне его один старик в горах показал. Ну я и подумал, что может сработать.

— Тебе надо учиться, — бросил Дамон.

— Само собой, — сухо ответил Аларих, потом ухмыльнулся, — вообще, я понял это практически сразу, как приехал. Ваш директор, Брайан Ньюкасл, слышал обо мне и знал о моих исследованиях. Когда Таннера убили, а доктор Файнберг вскрыл полностью обескровленный труп с двумя дырочками на шее, они сразу же позвонили мне. Я подумал, что это шанс — особенно если вампир все еще в округе. Одна проблема — когда я приехал сюда, я понял, что они ждут, что я сам справлюсь с вампиром. Они не знали, что я раньше работал только с жертвами. А я... ну, видимо, я их недопонял. Но я сделал все, чтобы оправдать их доверие.

— Ты их обманывал, — возразила Елена, — вот чем ты занимался, я помню тот ваш

разговор у тебя дома, когда ты трепался о том, что найдешь наше логово и все такое.

— Ну, не совсем, — возразил Аларих, — теоретически я — эксперт.

Вдруг до него дошло:

— Как ты можешь помнить наш разговор?

— Пока ты искал наше логово, она спала у тебя на чердаке, — убийственным тоном констатировал Дамон. Аларих беззвучно открыл и закрыл рот.

— Мне вот интересно, какое отношение ко всему этому имеет Мередит, — подал голос Стефан. Он не улыбался.

Мередит, все это время глубокомысленно рассматривавшая кипу бумаг на столе у Алариха, подняла голову. Она заговорила ровно, без малейших эмоций:

— Я его узнала. Сначала я не могла вспомнить... где видела его раньше, потому что это было почти три года назад. Потом я вспомнила, что он был в больнице у дедушки. Я сказала тем людям правду, Стефан. На моего дедушку напал вампир.

Повисла короткая пауза, потом Мередит продолжила:

— Это случилось давно, еще до моего рождения. Вампир не очень ему навредил, но он так никогда до конца и не поправился. Он стал... почти как Викки, только более буйный. Дошло до того, что родные испугались, что он навредит себе или кому-нибудь. И они отвезли его в больницу.

— В психиатрическую больницу, — уточнила Елена. Она почувствовала приступ симпатии к Мередит.

— Милая, ну почему ты ничего не говорила? Ты могла бы нам сказать.

— Знаю. Могла бы... Да нет, не могла. В моей семье это так долго скрывали... ну, пытались, по крайней мере. Судя по тому, что написала Кэролайн в своем дневнике, она слышала об этом. Дело в том, что никто никогда не верил в дедушкины рассказы про вампиров. Они думали, что это — очередная его мания, у него их было много. Даже я не верила... пока не появился Стефан. А после... не знаю, все как-то само собой стало складываться, одно к одному. Но я до конца не верила, пока не появилась ты, Елена.

— Я удивлена, что ты меня не возненавидела, — мягко сказала Елена.

— Да что ты. Я знаю тебя, я знаю Стефана. Я знаю, что вы — не зло.

Мередит даже не взглянула на Дамона, как будто он был пустым местом.

— Но когда я вспомнила, как Аларих разговаривал с дедушкой в больнице, я поняла, что он — тоже не зло. Я просто не знала, как вас всех собрать вместе и доказать вам это.

— А я тебя не узнал, — сказал Аларих. — Это ведь твой дедушка по материнской линии, верно? У него другая фамилия. Я, может, и видел тебя в больнице, но ты же еще девочкой была, такой худенькой-худенькой, — добавил он ласково.

Бонни резко кашлянула.

Елена пыталась собрать мысли в кучу.

— И что все эти люди делали там, с кольями наперевес, если не ты их науськал?

— Мне пришлось просить разрешения родителей Кэролайн на то, чтобы провести с ней несколько сеансов гипноза. Конечно, я рассказал им о результатах. Но я не имею отношения к тому, что произошло сегодня, я вам клянусь. Я даже не знал.

— Я рассказала ему о нашем расследовании, о поиске Другой Силы, — сказала Мередит, — он хочет помочь.

— Я сказал, что мог бы помочь, — осторожно пояснил Аларих.

— Ну нет, — оборвал его Стефан. — Так не пойдет. Ты либо с нами, либо против нас. Я тебе благодарен за то, что ты разобрался с этими людьми, но факт остается фактом — всю эту кашу заварил тоже ты. Теперь решай: ты на их стороне или на нашей?

Аларих оглядел их, каждого в отдельности: непоколебимую Мередит, Бонни, задрывшую бровь, Елену, стоящую на коленях рядом со Стефаном, который потихоньку залечивал раны. Потом он обернулся, чтобы взглянуть на Дамона, который стоял, прислонившись к стене, угрюмый и темный.

— Я помогу, — наконец сказал он. — Черт, вот это я понимаю — исследовательская

работа.

— Ну вот и славно, — сказала Елена, — ты в деле. Что ты собираешься завтра сказать Смоллвуду? А если он попросит тебя опять загипнотизировать Тайлера?

— Буду тянуть резину. Вечно так продолжаться не может, но время мы выиграем. Я скажу, что должен помочь с организацией бала.

— погоди, — поперхнулся Стефан. — Никакого бала быть вообще не должно. Ты в хороших отношениях с директором, ты можешь поговорить с администрацией, уговори их его отменить.

Аларих испуганно посмотрел на него:

— Ты думаешь, что-то случится?

— Да. Не потому, что на каждом празднике теперь что-то происходит, а потому, что я чувствую, что затевается что-то нехорошее. У меня уже неделю такое ощущение.

— У меня тоже, — подтвердила Елена. До теперешнего момента она этого не понимала, но та атмосфера напряжения, в которой она существовала, исходила не только от нее. Она была вокруг. Она носилась в воздухе.

— Что-то случится, Аларих.

Аларих тихо выдохнул.

— Ну, я могу попробовать их убедить, но я не знаю, получится ли. У вашего директора пунтик на том, чтобы соблюдать видимость того, что все нормально. А я не смогу предъявить ему разумные аргументы в пользу того, что бал надо отменить.

— А ты попытайся, — с нажимом попросила Елена.

— Я попытаюсь. А вы на всякий случай подумайте, как защитить себя. Если Мередит права, то большинство нападений было совершено на тебя или на твоих близких. Твой парень упал в колодец, твоя машина съехала с моста, твоя поминальная служба закончилась нападением собак. Мередит говорит, что нападали даже на твою маленькую сестренку. Если завтра что-нибудь случится, возможно, тебе есть смысл уехать из города.

На этот раз испугалась уже Елена. Она никогда об этом не думала, но Аларих был прав. Она услышала, как тихо вздохнул Стефан, и почувствовала, как он сжал ее пальцы.

— Он прав. Тебе нужно уехать, Елена. Я могу здесь остаться, пока...

— Нет. Я никуда без тебя не поеду. И, — Елена говорила, с трудом подбирая слова, — я не уеду никуда, пока мы не найдем Другую Силу и не остановим ее.

Она подняла на него глаза и опять заговорила быстро:

— Стефан, ну, как ты не видишь, ни у кого другого просто нет шансов против нее. Мистер Смоллвуд и его друзья ничего не понимают. Аларих думает, что ты можешь победить кого угодно одним взмахом руки. Никто из них не понимает, чему они собираются противостоять. Мы — единственные, кто хоть чем-то может помочь.

Она почувствовала, что Стефан всем существом сопротивляется этому, в его глазах был протест, но, пока она смотрела на него, все возражения таяли как дым. Просто потому, что это было правдой, а Стефан ненавидел лгать.

— Хорошо, — наконец с трудом согласился он, — но, когда все закончится, мы уедем. Я не хочу, чтобы ты жила в городе, где всякие не в меру бдительные придурки бегают с кольями наперевес.

— Ну конечно, — в свою очередь Елена сжала его пальцы, — когда все закончится, мы уедем.

Стефан обернулся к Алариху:

— И если уж нет никакой возможности отговорить их проводить этот бал, то надо хотя бы держать ухо востро. Если что-то случится, может быть, нам удастся взять ситуацию в свои руки, пока она не вышла из-под контроля.

— Идея хороша, — оживился Аларих, мы можем встретиться завтра после заката в этом классе. Больше сюда никто не придет. Мы можем дежурить хоть всю ночь.

Елена недоверчиво покосилась на Бонни.

— Но... это же значит, что придется пропустить сам бал. Я имею в виду тем, кто

потенциально мог туда пойти.

Бонни встрепелась:

— Да ну, кого волнует этот бал? Что такое бал по сравнению с нашим делом?

— Ну вот и чудно, — рассудительно подытожил Стефан. — Тогда договорились.

Вдруг он вздрогнул от боли. Елена сразу же всполошилась.

— Тебе нужно домой, в кровать, отдохнуть. Аларих, можешь нас подвезти? Это недалеко.

Стефан было начал отказываться и уверять, что он сам прекрасно дойдет, но в конце концов сдался. Когда они подъехали к пансиону и Стефан с Дамоном вышли из машины, Елена наклонилась к Алариху. Один вопрос мучил ее с тех пор, как он рассказал им свою историю:

— Я о тех людях, которых кусали вампиры. Какие у них были психологические последствия? Они все сошли с ума и видели кошмары? Кто-нибудь остался нормальным?

— Все зависит от человека и от того, сколько у него было контактов и какие контакты. Но в основном — от силы рассудка жертвы.

Елена кивнула и молча проводила глазами удаляющийся автомобиль. Потом она обернулась к Стефану.

— Мэтт.

12

Стефан посмотрел на Елену. Снежинки тихо ложились на его черные волосы.

— А при чем здесь Мэтт?

— Я что-то вспомнила. Но нечетко. Но в ту первую ночь, когда я была не в себе, я видела Мэтта? Я его...

Страх и ощущение собственной беспомощности сдавили ей горло, и она не смогла договорить, но это было ненужно, да и ответа ей не потребовалось — она увидела его в глазах Стефана.

— Это был единственный выход, Елена, — наконец сказал он. — Ты бы умерла без человеческой крови. А ты бы хотела вместо этого напасть на кого-нибудь, ранить, а может быть, и убить? А голод мог бы тебя до этого довести. Ты бы этого хотела?

— Нет! — почти закричала Елена. — Но это обязательно должен был быть Мэтт? Ладно, не отвечай. Мне тоже никто другой на ум не приходит.

Она судорожно сглотнула воздух.

— Но я теперь за него беспокоюсь. Я его не видела с тех пор. Как он, что он тебе тогда сказал?

— Ничего особенного, — ответил Стефан, глядя в сторону. — Если вкратце — сказал, чтобы я от него отстал. Еще делал вид, что ничего той ночью не произошло, и уверял, что ты мертва.

— Силы рассудка тут явно не хватило, — вставил комментарий Дамон.

— Дамон, заткнись, — оборвала его Елена, — не лезь ты в это, а уж если лезешь, то подумай лучше о Викки Беннетт, ты думаешь, она в порядке?

— Было бы совсем замечательно, если бы я знал, кто такая эта Викки Беннетт. Ты о ней все время говоришь, а я ее ни разу не встречал.

— Встречал. Не держи меня за дурачка, Дамон. Тогда, на кладбище, помнишь? Разрушенная церковь? Девушка, которую ты там оставил бродить в одном белье?

— Пардон. Я обычно запоминаю девушек, которых оставляю в одном белье.

— Тогда это, наверное, все Стефан! — издевательски всплеснула руками Елена.

Глаза Дамона вспыхнули гневом, но потом он взял себя в руки и криво улыбнулся.

— Может быть, и он. Может быть, это вообще ты. Меня это не волнует. Я начинаю уставать от постоянных обвинений в чем-то. А сейчас...

— Подожди, — неожиданно мягко попросил Стефан. — Не уходи пока. Надо

поговорить.

— Извиняюсь, у меня дела.

Раздался шелест крыльев, и Елена со Стефаном остались одни.

Елена прикусила костяшку пальца.

— Черт. Я не хотела его злить. Тем более после того, как он был паинькой весь вечер.

— Да не обращай внимания, — сказал Стефан, — нравится ему злиться. Что ты говорила про Мэтта?

Елена увидела, каким уставшим выглядит любимый, и обняла его.

— Давай сейчас не будем об этом, просто завтра неплохо бы его навестить и сказать, что...

Елена неопределенно помахала рукой. Она не знала, что бы хотела сказать Мэтту, просто чувствовала, что с этим надо что-то делать.

— Я думаю, — медленно проговорил Стефан, что лучше будет, если именно ты пойдешь к нему. Я пытался, но он не захотел меня слушать. Я все понимаю, но, может быть, у тебя получится лучше. И я думаю, что вам лучше потолковать с глазу на глаз. Иди сейчас.

Елена недоверчиво на него посмотрела.

— Ты уверен?

— Да.

— А как же ты? Может, мне с тобой остаться?

— А со мной все будет хорошо, — ласково сказал Стефан, — иди.

Елена, поколебавшись, кивнула.

— Я быстро.

Никем не замеченная, Елена пробралась вдоль стены каркасного дома с облупившейся краской и кривеньким почтовым ящиком, на котором была написана фамилия: Ханикат. Окно Мэтта было открыто. Вот же растяпа, подумала Елена. Разве не знает, что через окно в комнату может что-нибудь заползти? Она распахнула его, но дальше пробраться не могла — на пути встал невидимый барьер, как бы сотканный из сгустившегося воздуха.

— Мэтт, — шепотом позвала она. В комнате было темно, но на кровати кто-то лежал. На электронных часах виднелись неяркие зеленые цифры — 12:15.

— Мэтт, — опять прошептала она.

Фигура на постели пошевелилась.

— Чего?

— Мэтт, я не хочу тебя пугать, — она говорила ласково и спокойно, пытаясь аккуратно разбудить его, а не напугать до предынфарктного состояния, — но это я, Елена, и я хочу поговорить. Только ты сначала должен пригласить меня внутрь. Можешь пригласить меня?

— А, заходи.

Елена про себя отметила, что в голосе не было ни малейшего удивления. Только перевалившись через подоконник, она поняла, что он все еще спит.

— Мэтт. Мэтт, — прошептала она, боясь подходить ближе. В комнате было душно, обогреватель работал на полную мощность. Из-под вороха одеял высывалась голая пятка, белокурая голова лежала на подушке.

— Мэтт, — она инстинктивно наклонилась и погладила его.

Это возымело эффект, да еще какой. Мэтт вскрикнул, сел на кровати и стал ошарашенно оглядываться. Когда Елена заглянула ему в глаза, они были широко раскрыты от удивления.

Елене очень захотелось выглядеть маленькой и нестрашной. Она отступила к стене.

— Я не хотела тебя пугать. Я знаю, для тебя это шок. Но, может, ты со мной все-таки поговоришь?

Он не отрывал от нее глаз. Его взъерошенные волосы были похожи на пух цыпленка. На голой шее билась венка. Больше всего на свете она боялась, что он вскочит и выбежит из комнаты.

Потом он опустил плечи, медленно закрыл глаза и выдохнул — тяжело, измученно:

— Елена.
— Да.
— Ты мертвая.
— Нет, я же здесь.
— Мертвые не возвращаются. Папа же не вернулся.
— Я не умерла. Просто изменилась.

Мэтт все еще не открывал глаз, но она почувствовала волну отчаяния, исходившую от него.

— А ты бы хотел, чтобы я умерла? Я сейчас уйду, — прошептала она.
Его лицо сморщилось, и он заплакал.
— Нет, нет, Мэтт, пожалуйста, не надо.
Она бросилась утешать его, одновременно пытаясь не заплакать самой.
— Мэтт, прости, мне не надо было приходить.
— Не уходи, — застонал он, — не уходи.
— Не уйду, — Елена больше не могла сдерживать слезы, и они закапали на влажную голову Мэтта. — Я не хотела сделать тебе больно, никогда, Мэтт. Что бы я ни делала — я не хотела обидеть тебя. Правда...

Она замолчала и крепко его обняла.

Вскоре его дыхание стало ровным, и он сел на кровати, вытирая слезы краем простыни. В глаза Елене он не смотрел. В его глазах было сомнение, как будто он хотел верить ей, но боялся.

— Значит, жива, — сказал он грубо. — И что тебе надо?
Елена вытаращила глаза.
— Ну ладно уж, ты же зачем-то пришла?
Слезы опять подступили к горлу, но она их сдержала.
— Я знаю, что заслужила такое обращение. Я знаю. Но на этот раз, Мэтт, я ничего не хочу. Я пришла попросить прощения за то, что использовала тебя — не только той ночью, а вообще всегда. Ты мне не безразличен, мне не хочется, чтобы тебе было больно. Я думала, что сделаю как лучше.

Повисла тяжелая пауза.

— Я пошла.
— Нет, подожди секунду. — Мэтт опять протер лицо простыней. — Слушай. Это было глупо. Я придурок.

— Это была правда, а ты — настоящий джентльмен. Другой бы на твоём месте давно бы меня послал.

— Нет, я тупица. Мне бы тут головой о стенку биться от радости, что ты живая. Сейчас побьюсь. Послушай меня, — он схватил ее за руку, она удивленно улыбнулась. — Мне плевать, если ты порождение тьмы. Мне плевать, если ты на самом деле — Годзилла или Франкенштейн. Мне просто...

— Мэтт, — Елена в панике закрыла ему рот ладонью.

— Да знаю я. Ты помолвлена с тем парнем в черной куртке. Не бойсь, помню я его. Он мне даже нравится, хотя бог его знает почему. — Казалось, Мэтт успокаивался. — Я не знаю, говорил тебе Стефан или нет. Он нанес мне кучу пурги, про служение злу, про то, что он не жалеет о том, что сделал с Тайлером. Ты понимаешь, о чем я?

Елена закрыла глаза.

— Он не ел с тех пор. Он охотился всего один раз. Его сегодня чуть не убили, потому что он очень ослабел.

Мэтт кивнул.

— Так вот в чем хрень. Надо было догадаться.
— И да, и нет. Наш голод — очень сильная штука, сильнее, чем ты можешь представить.

До Елены дошло, что она сегодня тоже не ела и проголодалась, еще когда они сидели у

Алариха.

— Мэтт, я действительно лучше пойду. Завтра будет бал — ты на него не ходи. Там что-то случится, что-то нехорошее. Мы будем пытаться предотвратить это, но не знаю, получится ли.

— Мы — это кто? — резко спросил Мэтт.

— Стефан, Дамон — я надеюсь, он с нами — и я. Еще Мередит, Бонни и Аларих Зальцман. О нем не спрашивай. Это длинная история.

— А с кем вы собираетесь бороться?

— А, я забыла, ты же не знаешь. Это тоже длинная история. Это нечто меня убило. Это нечто натравило собак на людей на моей поминальной службе. Это что-то нехорошее. И оно в Феллс-Черч. И мы попытаемся не дать ему навредить людям завтра на балу, — она пыталась не ерзать. — Слушай, мне действительно надо идти.

Помимо воли ее глаза уперлись в толстую вену у него на шее.

Когда она все-таки оторвала взгляд и взглянула ему в лицо, она увидела, как шок сменяется внезапным пониманием, а за ним — невозможно — покорностью.

— Давай, — сказал он.

Она не поверила своим ушам.

— Мэтт?

— Я сказал, давай. Мне же ничего не было с прошлого раза.

— Нет, нет. Я не за этим сюда пришла.

— Знаю. Потому и предлагаю. Я хочу тебе дать что-то, о чем ты не просила. Ради старой дружбы.

Елена подумала о Стефане. Но Стефан сам послал ее, и послал одну. Он знал. Все было правильно. Это был подарок — ей и Мэтту.

Я же возвращаюсь к тебе, Стефан Сальваторе, подумала она.

Пока она тянулась к нему, он сказал:

— Я собираюсь прийти и помочь тебе завтра. Даже если меня не приглашали.

Ее губы припали к его горлу.

13 декабря, пятница

Сегодня великая ночь.

Я знаю, что писала такое и раньше. Но сегодня великая ночь, сегодня все случится.

Стефан тоже это чувствует. Он вернулся с занятий и сказал, что бал состоится — Ньюкастл не хочет наводить панику отменой праздника. Они собираются расставить «охрану» снаружи, полицейское оцепление, я думаю. Может быть, еще мистер Смоллвуд сотоварищи, с ружьями. Хотя, что бы ни случилось, я сомневаюсь, что они смогут это остановить.

Я не знаю, сможем ли мы.

Весь день шел снег. Трасса перекрыта, а значит, на колесах в наш город не проехать. Расчистят ее самое раннее завтра утром, а это уже поздно.

В воздухе носится что-то очень странное. Так море затихает перед штормом.

Я сегодня вспомнила о другом моем дневнике, том, который лежит под полом в туалете. Если мне что-нибудь и принадлежит, то это — тот дневник. Я хотела его достать, но я не хочу возвращаться домой. Я не выдержу, да и тетя Джудит тоже не выдержит, если увидит меня.

Я вообще удивлена, что кто-то смог с этим смириться. Мередит, Бонни — особенно она. Ну и Мередит, учитывая, через что прошла ее семья. Мэтт.

Они верные друзья. Забавно, я раньше думала, что без армии друзей и почитателей я не смогу жить. А теперь я вполне счастлива с тремя. Потому что они — настоящие друзья.

Я даже не задумывалась, насколько они мне не безразличны. И они, и

Маргарет, и даже тетя Джудит. И ребята в колледже... Несколько недель назад я была уверена, что мне плевать, если весь город вымрет. Но это неправда. Я буду защищать их до последнего.

Я понимаю, что перепрыгиваю с темы на тему, но я просто пишу о самом важном. Собираю мысли в кучу.

Ну все, пора. Стефан ждет. Я дописываю строчку и иду.

Мы победим. Я надеюсь.

Ну, во всяком случае, постараемся.

В кабинете истории было тепло и светло. На другом конце здания яркими рождественскими огоньками сверкало кафе. Елена успела вдоволь насмотреться с безопасного расстояния на то, как туда подъезжали парочки, проходили мимо шерифа к дверям. Чувствуя присутствие Дамона за спиной, она показала на длинноволосую шатенку:

— Викки Беннетт.

— Поверю на слово.

Она оглядела их импровизированный штаб. Аларих расчистил свой стол и теперь стоял, склонившись над планом школы. За его спиной нависала Мередит, черные волосы касались его рукава. Бонни и Мэтт смешались с толпой приезжающих на стоянке, Стефан и Дамон прочесывали территорию. Они собирались меняться.

— Ты бы лучше оставалась здесь, — сказал ей Аларих. — Не хватало только, чтобы кто-нибудь тебя заметил и погнался за тобой с колом.

— Я всю неделю шаталась по городу. Если я не захочу показаться, меня не увидят.

Однако остаться в штабе и координировать действия она согласилась.

Рассматривая карту с нарисованной на ней схемой оцепления, она подумала, что все это похоже на замок. А они его защищают. Она и ее верные рыцари.

Круглые плоские часы на стене отсчитывали минуты. Елена поглядывала на них, впуская и выпуская людей, наливая желающим кофе из термоса и выслушивая отчеты.

— На Севере все спокойно.

— Кэролайн только что выбрали королевой бала. Странно.

— Какие-то буйные придурки на парковке. Шериф их приструнил.

Время было за полночь.

— Может быть, мы и ошиблись, — где-то в час ночи не выдержал Стефан. С начала вечера они первый раз остались вдвоем.

— Может, заварушка где-то в другом месте, — подала голос Бонни, вытряхивая ботинок и удивленно заглядывая внутрь.

— Никак не предугадаешь, где все случится, — отрезала Елена, — но в том, что оно случится, мы ошибиться не могли.

— А может, и есть такой способ, — задумчиво проговорил Аларих. Поймав на себе вопросительные взгляды, он пояснил: — Нам нужно пророчество.

Все оглянулись на Бонни.

— Ну нет, — ответила та, — я больше этим не занимаюсь. Я ненавижу это.

— Это ценнейший дар... — начал было Аларих.

— Это большая морока. Ты не понимаешь. Просто пророчествовать — неприятно. Мне все время кажется, что я узнаю вещи, которые знать не хочу. Но когда в тебя вселяются — это ужасно. Я после этого даже не помню, что говорила. Это кошмар.

— Вселяются? Это как?

Бонни вздохнула.

— Это как тогда, в церкви, — терпеливо объяснила она, — я могу предсказывать по-другому — с помощью воды, например, или по руке читать, — она бросила взгляд на Елену, — но иногда в меня кто-то вселяется, говорит что-то через меня. Это как будто кто-то другой занимает твоё тело.

— Как тогда, во дворе, когда ты меня предупредила, что меня ждут, — подсказала Елена, — или когда ты просила меня не подходить к мосту. Или когда ты пришла к обеду и

сказала, что смерть, моя смерть, в доме.

Она машинально взглянула на Дамона, но он был невозмутим. Она подумала, что тут подруга ошиблась. Дамон не был ее смертью. А что, в таком случае, означало пророчество? В голове пронеслась какая-то мысль, но тут заговорила Мередит.

— Это как другой голос, который говорит в Бонни, — объяснила она Алариху, — она даже выглядит по-другому. Может, ты недостаточно близко стоял в церкви, но это было видно.

— А почему ты мне об этом не говорила? — заволновался Аларих. — Это важно. Из этого можно вытащить важные сведения — что собой представляет Другая Сила, как с ней бороться.

Бонни покачала головой:

— Нет. Я не могу вызывать это состояние по своему желанию, и оно не отвечает на вопросы. Это просто *случается*. Ненавижу.

— То есть нет ничего, что бы провоцировало такое состояние?

Елена и Мередит, которые прекрасно знали, что провоцирует такое состояние, переглянулись. Елена закусила щеку. Бонни должна была выбрать сама.

Бонни держалась руками за голову и поглядывала вбок на Елену сквозь рыжие кудри. Потом она закрыла глаза и простонала:

— Свечи.

— Что?

— Свечи. Их свет может спровоцировать. Хотя я не уверена. Я ничего не обещаю.

— Кто-нибудь, пойдите поищите в лаборатории, — сказал Аларих.

Она сразу вспомнила, как Аларих впервые появился в школе. В тот день он попросил их расставить стулья в круг. Елена смотрела на лица, освещенные живым огоньком. На Мэтта. На Мередит, чьи черные ресницы бросали тень на лицо. Алариха, который сгорал от нетерпения. На Дамона, на чьем лице танцевали блики пламени. На Стефана, у которого вдруг заострились скулы. На Бонни, хрупкую и бледную, даже в свете свечей.

Мы вместе, подумала Елена, захваченная тем же чувством, как тогда, в церкви, когда она держала за руки Стефана и Дамона. Она вспомнила восковое кольцо в чаше с водой. *У нас все получится, если мы будем вместе.*

— Я просто буду смотреть на пламя, — сказала Бонни слегка дрожащим голосом, — и ни о чем не думать. Я попробую открыться.

Она глубоко задышала, уставившись на пламя свечи.

А потом это случилось. Ее лицо разгладилось, всякие эмоции с него исчезли. Глаза стали пустыми, как у каменного херувима во дворе.

Она не сказала ни слова.

Тут Елена поняла, что они не решили, о чем будут спрашивать. Она стала судорожно придумывать вопросы, пока Бонни не потеряла контакт.

— Где мы можем найти Другую Силу? — выпалила она.

В то же время заговорил Аларих:

— Кто ты?

Их голоса смешались.

Бонни повернула лицо, ее глаза закатились.

Чужой голос сказал:

— Придите и посмотрите.

— Погодите, — вмешался Мэтт, когда Бонни, все еще в трансе, встала и пошла к двери, — куда она идет?

Мередит схватила его за пиджак.

— Мы идем с ней?

— Не прикасайтесь к ней! — Аларих вскочил, когда Бонни вышла из кабинета. Елена посмотрела на Стефана, потом на Дамона. Они одновременно сорвались с мест и поспешили за Бонни по гулкому, пустому коридору.

— Куда мы идем? На какой вопрос она отвечает? — не унимался Мэтт. Елена могла только покачать головой. Аларих еле поспевал за Бонни.

Она приостановилась, когда они вышли на улицу, и, к удивлению Елены, подошла к машине Алариха и остановилась возле нее.

— Мы все не влезем, — сказала Мередит. — Я поеду с Мэттом.

Елена не без опасений села на заднее сиденье между Стефаном и Дамоном. Бонни села спереди. Она смотрела прямо перед собой и молчала, но, когда Аларих выехал с парковки, она подняла бескровную руку и указала направление. Направо на улицу Ли, потом на Зеленую улицу, потом к дому Елены, на «Тандерберд» и оттуда к Староручейной дороге.

Елена поняла, куда они едут.

Они опять пересекли мост, ведущий к кладбищу, «новый», как его все называли, чтобы отличить от Ведьминого моста, которого теперь не стало. Они подъезжали со стороны ворот, совсем как Тайлер, когда повез Елену посмотреть старую церковь.

Машина Алариха даже затормозила на том же месте. Подросла Мередит.

Елену мучило дежавю. Она поднялась по холму и последовала за Бонни в старую церковь. Ее колокольная, как гигантский палец, указывала в пасмурное небо. Елена задержалась под входным сводом.

— Куда ты нас ведешь? Слушай меня! На какой вопрос ты отвечаешь?

— Пошли и увидишь.

Елена беспомощно посмотрела на остальных. Переступила через мусор. Бонни медленно подошла к надгробию белого мрамора и замерла на месте.

Елена посмотрела на него, потом на побелевшее лицо Бонни. Волосы на всем теле стали дыбом.

— О нет, — прошептала она. — Только не это.

Елене стало дурно. Она посмотрела на барельефы на могиле Томаса и Онории Фелл на крышке их гробницы.

— Эта штука открывается, — прошептала она.

13

— Нам нужно заглянуть внутрь, да? — пролепетал Мэтт.

— Не знаю, — расстроено отозвалась Елена. После того как Тайлер предложил открыть и разграбить гробницу, желания заглядывать внутрь у нее больше не возникало.

— Может, у нас и не получится ее открыть. Тайлер и Дик не смогли. Она начала двигаться, только когда я на нее оперлась.

— Так обопришь на нее. Тут, наверное, какой-то скрытый механизм, — предположил Аларих.

Елена последовала его совету, но ничего не произошло.

— Давайте тогда все наляжем. Вот так, теперь...

Не разгибаясь, Аларих посмотрел на Дамона. Тот стоял рядом с могилой, не шевелился и, казалось, вообще не интересовался происходящим.

— Простите, — сказал он, и Аларих хмурясь отступил.

Братья взялись за крышку с двух сторон и легко подняли ее.

Крышка с грохотом коснулась земли. Стефан и Дамон положили ее рядом с надгробием.

Елена не могла заставить себя подойти ближе.

Вместо этого, борясь с отвращением, она сосредоточилась на выражении лица Стефана. По нему она хотела понять, что там лежит. Перед глазами вставали картины: мумии, гниющие тела, оскаленные черепа.

Если бы на лице Стефана появилось отвращение...

Но он, казалось, был просто удивлен.

Елена не могла больше терпеть.

— Что там?

Он криво ухмыльнулся и кивнул в сторону Бонни.

— Подойди и посмотри.

Елена сделала маленький шаг к могиле и посмотрела вниз, потом подняла голову и удивленно посмотрела на Стефана:

— Что это?!

— Не знаю, — последовал ответ. Он обернулся к Мередит и Алариху. — У кого-нибудь есть фонарик? И веревка?

Они бросились к машинам. Елена осталась стоять, всматриваясь внутрь могилы ночным зрением. Она все еще не могла поверить.

Это была не могила, а проход.

Теперь она поняла, почему оттуда дул ветер в ту ночь, когда крышка поехала под ее рукой. Внутри было что-то типа подвала. Видна была только одна стена, она уходила отвесно вниз прямо перед глазами девушки. В стену, наподобие лестницы, были вбиты железные скобы.

— Вот, возьми, — подоспевшая Мередит обратилась к Стефану. — У Алариха есть фонарик, а вот — мой. А вот — веревка, которую Елена сунула мне в машину, когда поехала тебя искать.

Узкий луч фонарика разогнал тьму подвала.

— Мне мало что видно, но, по-моему, там пусто. Я пойду первый, — сказал Стефан.

— Вниз? Ты уверен, что нам туда надо? Бонни, ты уверена? — засуетился Мэтт.

Бонни не двинулась. Она все еще стояла, не двигаясь и с окаменевшим лицом. Вдруг девушка молча подошла, перекинула ногу через край, развернулась и начала спускаться.

Стефан засунул фонарик в карман куртки, оперся о стенку могилы и перепрыгнул через край.

Жаль, у Елены не было времени насладиться выражением лица Алариха. Она перегнулась и закричала:

— Ты в порядке?

— В полном.

Снизу помигал огонек.

— И Бонни тоже. Скобы ведут прямо вниз. Но лучше все-таки захватите веревку.

Елена посмотрела на Мэтта, который стоял к ней ближе всех. В его голубых глазах были бессилие и покорность, он кивнул. Елена глубоко вдохнула и ухватила за край могилы, как это раньше сделал Стефан, но тут ее поймали за запястье.

— Я вот только что подумала, — мрачно сказала Мередит, — а вдруг то, что сидит в Бонни, — и есть Другая Сила?

— Я об этом уже давно подумала, — ответила Елена. Она погладила руку Мередит, сняла ее со своей и прыгнула вниз.

Это было странное место. Стены, облицованные камнем, были гладкие, как будто отполированные. В них были вбиты железные канделябры, в некоторых торчали огарки свечей. Елена не видела дальнего края комнаты, но свет фонарика выхватил из темноты кованые железные ворота, совсем близко. Они напоминали алтарные врата в церквях.

Бонни почти спустилась по скобам. Она молча ждала, пока появятся другие — Мэтт, потом Мередит, потом Аларих с другим фонариком.

Елена посмотрела вверх:

— Дамон?

Она увидела его силуэт у края могилы.

— Чего?

— Ты с нами? Ты вообще идешь?

Наступила тишина. Гулко стучало сердце. Пять. Шесть. Семь. Восемь.

Воздух колыхнулся, и Дамон аккуратно приземлился рядом. На Елену он не смотрел. У него были странные, пустые глаза и такое же выражение лица.

— Это крипта, — пояснил Аларих, шаря фонариком в темноте, — подземное помещение, усыпальница, но обычно ее строили в церквях побольше.

Бонни направилась прямо к кованым воротам, легонько толкнула их бледной маленькой ручкой, и они отошли в сторону.

У Елены сердце заколотилось в два раза быстрее. Нечеловеческим усилием она заставила себя последовать за Бонни. Чувства обострились до предела, но она все еще не понимала, куда они идут. Луч фонарика Стефана был таким узким, что освещал только каменный пол и загадочную фигурку Бонни впереди.

Она остановилась.

Вот оно, подумала Елена, у которой сердце подскочило к горлу. Вот оно, Боже, вот оно. Она вдруг почувствовала себя во сне, прозрачном и светящемся, как будто она спала и не могла проснуться. Мышцы одеревенели.

Она чувствовала страх, исходивший от остальных. Фонарик Стефана освещал вещи на пути Бонни, но Елена сначала не понимала, зачем они нужны. Она видела ангелов, чьи-то профили... Потом из темноты выплыло мертвенно-белое лицо, висящее в воздухе сбоку.

Закричать Елена не смогла. Это была всего лишь статуя, но черты были до боли знакомы — такие же были у статуи на крышке гроба. Эта могила была такой же, как та, через которую они вошли, но она была пуста, крышка от нее — расколота надвое и отброшена к стене. На полу что-то валялось, что-то, очень похожее на осколки слоновой кости. Елена изо всех сил уверяла себя, что это — осколки мрамора.

Но это были расколотые и раскрошенные человеческие кости.

Бонни обернулась.

Ее личико в форме сердечка завертелось, как будто она осматривала всю группу. Потом она уставилась на Елену, потом содрогнулась, споткнулась и начала заваливаться вперед, как марионетка, у которой вдруг отрезали нитки.

Елена еле успела подхватить ее, чуть не упав сама.

— Бонни?

Карие глаза, которые уставились на нее, были собственными глазами Бонни, ошарашенной и напуганной.

— Что случилось? — не унималась Елена. — Куда оно ушло?

— Я здесь.

Над разграбленной могилой замерцал слабый свет. Даже не свет. Елена видела его глазами, но это не был свет привычного человеку спектра. Не ультрафиолетовый и не инфракрасный. Человеческий глаз не был приспособлен для того, чтобы это видеть. Какая-то Сила пыталась достучаться таким образом до ее сознания.

— Другая Сила, — прошептала Елена с замиранием сердца.

— Нет, Елена.

Голос был не звуком, так же как свечение не было светом. Он был грустным, как свет звезд. Он что-то ей напоминал.

Маму? Но это не был голос ее мамы. Свет над могилой пришел в движение, и на какой-то момент Елене удалось разглядеть в нем лицо, ласковое и грустное. Она узнала его.

— Я ждала тебя, — тихо проговорила Онория Фелл. — Здесь я могу поговорить с тобой сама, а не через Бонни. Послушай. У тебя мало времени, а опасность очень велика.

Елена обрела дар речи.

— А что в этой комнате, почему вы привели нас сюда?

— Вы сами меня попросили. Я не могла явиться вам, пока вы не попросили. Это поле Вашей битвы.

— Я не понимаю.

— Крипту построили для меня жители Феллс-Черч. Это место упокоения моего тела.

Тайное место для людей с тайными способностями. Как и Бонни, я знала то, чего не знали другие, видела то, что другим было недоступно.

— Вы были экстрасенсом, — прошептала Бонни.

— Тогда это называлось ведьмовством. Но я никогда не использовала свою силу во вред, и, когда я умерла, люди построили эту гробницу, чтобы мы с мужем покоились в мире. И тут, после стольких лет, наш покой был нарушен.

Свет то усиливался, то угасал, фигура Онории колыхалась в воздухе.

— Другая Сила пришла в Феллс-Черч, полная ненависти и жажды разрушения. Она разорила мою могилу и расшвыряла мои кости. Она здесь обосновалась. Она собралась вредить моему городу. Я восстала ото сна. Я с самого начала пыталась тебя предупредить, Елена. Оно живет под кладбищем. Оно ждало тебя, следило, иногда оборачиваясь совой.

Память услужливо подсунула Елене картины. Сова, сидящая на колокольне. Сова в амбаре, сова на дереве у ее дома.

Белая сова... охотница... хищница...

Потом она вспомнила огромные белые крылья, распростертые поперек неба. Белая снежная птица, преследующая ее, кровожадная и разъяренная.

— Нет! — закричала она, захлебываясь памятью.

Елена почувствовала, что Стефан ее обнимает, почти вонзает пальцы ей в плечи. Это вернуло ее в реальность. Онория Фелл все еще говорила:

— За тобой, Стефан, оно тоже наблюдало. Тебя оно возненавидело еще раньше. Оно играло с тобой, как кошка с мышью. Оно ненавидит твоих близких. Оно само полно извращенной любовью.

Елена невольно обернулась. Мередит, Аларих и Мэтт словно окаменели. Бонни и Стефан стояли рядом с ней. А вот Дамона нигде не было.

— Его ненависть довела до того, что ему нравится любая смерть, любая пролитая кровь приносит удовольствие. В этот самый момент животные, которых оно контролирует, выбираются из леса.

— Снежный бал! — прошипела Мередит.

— Да. И на этот раз они будут убивать всех подряд.

— Нам нужно предупредить людей, — завелся Мэтт, — тех, кто на балу...

— Вы не будете в безопасности, пока не уничтожите Силу, их контролирующую. Убийства будут продолжаться. Сила полна ненависти. Поэтому я и позвала вас сюда.

Свет начал гаснуть.

— Если вы его найдете, у вас хватит мужества. Это все, чем я могу вам помочь.

— Подождите... — пролепетала Елена.

Голос неумолимо продолжал, не обращая на нее внимания.

— Бонни, у тебя есть выбор. Твой дар — это большие возможности, но и ответственность. Ты можешь от него отказаться. Итак, твое слово?

— Я... — Бонни испуганно захлопала глазами. — Я не знаю... Мне нужно подумать...

— Времени нет. Выбирай сейчас.

Свет начал тускнеть.

Бонни умоляюще посмотрела на Елену.

— Это только твой выбор, — прошептала Елена, — тебе самой решать.

Поколебавшись, Бонни кивнула. Она отошла от Елены, повернулась обратно к свету и сипло сказала:

— Я не отдам свой дар. Я справлюсь. Бабуля же справилась.

Свет удовлетворенно замерцал.

— Ты сделала мудрый выбор. Пользуйся своей силой так же. Это последний раз, когда я с Вами разговариваю.

— Но...

— Я заслужила свой отдых. Это ваша битва.

Свет потух, как тлеющие искры угасающего костра.

Елена почувствовала, что реальность опять навалилась на плечи. Что-то должно было случиться. Скоро их настигнет какая-то разрушительная сила.

— Стефан...

Стефан тоже это чувствовал, она знала наверняка.

— Пойдемте, надо отсюда выбираться, — позвала Бонни, и в ее голосе слышалась паника.

— Нам нужно на бал, надо им помочь, — подал голос смертельно побледневший Мэтт.

— Огонь! — почти заорала Бонни, как будто до нее только что дошло что-то очень важное. — Огонь их не убьет, но остановит!

— Ты что, не слушала? Нам нужно сразиться с Другой Силой. А она здесь, прямо здесь, прямо сейчас. Мы не можем уйти! — закричала на нее Елена. Ее мысли путались. Картинки, воспоминания, плохие предзнаменования. Жажда крови, которую она явственно ощущала.

— Аларих, — властным тоном заговорил Стефан, — бери остальных, возвращайтесь и сделайте все, что сможете. Я остаюсь.

— Мы все должны остаться, — возразил Аларих. Ему приходилось кричать — вокруг них нарастал оглушающий шум.

Его фонарик выхватил из темноты то, чего Елена раньше не замечала — в ближайшей стене была зияющая дыра, как будто камень просто выломали. За дырой начинался тоннель, темный и бездонный.

Елена попыталась понять, куда он ведет, но мозг был скован страхом. Белая сова... хищник... ворон. Вдруг она поняла, чего конкретно она так боялась.

— Где Дамон? — вскрикнула она, цепляясь за рукав Стефана.

— Уходите отсюда! — страшным голосом застонала Бонни.

Она бросилась к проходу, как только звук прошил темноту.

Это было рычание, но не собачье. Перепутать было невозможно. Оно было глубже, утробнее и громче. Всепроникающий, кровожадный звук. Он отдался эхом у Елены в груди, в костях.

Он ее парализовал.

Звук повторился, голодный и дикий, но несколько... ленивее. А потом в тоннеле раздались тяжелые шаги.

Бонни пыталась и не могла закричать — из горла выходил только сипящий звук. Из темноты туннеля явно что-то приближалось. Тень, которая двигалась с кошачьей грацией. Елена узнала рычание. Так рычит самая большая кошка на Земле. Тигр вышел из тоннеля, и глаза его горели желтым светом.

Все случилось в доли секунды.

Елена почувствовала, как Стефан пытается оттащить ее назад, но она остолбенела, поняв, что уже поздно.

Тигр прыгнул с непередаваемой грацией, огромное тело с легкостью оторвалось от земли. На секунду Елена увидела животное как в свете вспышки, его тощие бока, гибкий хребет.

Слова сами сорвались с губ:

— Дамон, не надо!

Только когда черный волк выпрыгнул из темноты, она поняла, что тигр был белый.

Волк сбил с ног огромную кошку, а Стефану наконец удалось оттащить Елену на безопасное расстояние. Она обмякла, как тряпичная кукла, и беспомощно пискнула, когда он прислонил ее к стене. Крышка могилы была между ней и рычащей белой тенью, но проход был на другой стороне.

Елену сковали замешательство и страх. Она ничего не понимала и просто расплакалась беспомощными слезами. Минуту назад она была уверена, что Дамон играл с ними все это время, будучи заодно с Другой Силой, но злоба и жажда крови, исходившая от тигра, ясно показывали, как она ошибалась.

Вот, что гналось за ней на кладбище, от пансиона к реке и смерти. Белая Сила, которую сейчас пытался победить черный волк.

Исход схватки был предрешен. Как бы воинственен и взбешен ни был волк, шансов у него не было. Один удар чудовищных когтей раскроил его плечо до кости. Щелкнули челюсти, пытаясь перекусить волчий хребет.

Но тут вмешался Стефан, ослепляя тигра лучом пламени и отбрасывая раненого волка назад. Елена не могла даже вскрикнуть, а тем более сделать что-нибудь, чтобы помочь. Она чувствовала, что Стефан в опасности, но ничего не могла поделать.

— Уйдите все! — закричал Стефан.

С нечеловеческой скоростью он увернулся от удара белой лапы. Мередит теперь была на другой стороне, у ворот. Бонни висела на руках Мэтта. Аларих был там же.

Тигр шархнулся в сторону, и ворота со стуком захлопнулись. Стефан упал на бок и пытался встать.

— Мы не можем оставить тебя! — закричал ему Аларих.

— Идите! Идите на бал, сделайте все, что можете!

Волк напал опять, наплевав на кровоточащие раны на голове и плече, из которого торчали куски мяса.

Елена больше не могла слышать этих животных звуков. Мередит и другие ушли, даже фонарика Алариха не было видно.

— Стефан! — закричала она, видя, что Стефан снова намеревается кинуться в драку.

Она подумала, что, если он умрет, жить ей незачем.

Паралич прошел, она бросилась к нему, чтобы крепко обнять и не отпускать. Он прижал ее к себе, заслоняя от шума битвы, но она упрямо вывернулась, и они вместе оказались лицом к дерущимся.

Волк был повержен. Он лежал на спине, на полу вокруг натекла красная лужица. Белая кошка стояла над ним, челюсти щелкали в сантиметре от его шеи.

Елена с ужасом поняла, что спокойно рассматривает малейшие детали внешности хищника: усы, прямые и длинные, как провода, снежно-белую шерсть с матово-золотыми полосами. Сова в амбаре тоже была бело-золотой. Это пробудило другое воспоминание... что-то, что она видела, или о чем слышала...

Одним ударом кошка отбила луч Стефана. Елена услышала, как он зашипел от боли, но разглядеть больше ничего не могла — темнота была настолько густой, что даже зрение охотницы было бессильно. Прижавшись к любимому, она стала ждать последнего, смертельного удара.

Вдруг голова у нее закружилась, наполнилась серым кружащимся туманом, и она выпустила Стефана. Она не могла говорить, не могла думать. Пол уходил из-под ног. Краем сознания она поняла, что против нее используют Силу, и она заполняет ее рассудок.

Она чувствовала, как Стефан удаляется от нее, она больше не могла сопротивляться. Она упала в пропасть.

14

Белая сова... хищница... охотник... тигр. Кошка, играющая с мышкой. Как кошка... большая кошка... как котенок. Белый котенок.

Смерть в доме.

Котенок убежал от Дамона. Из страха быть узнанным. Как и тогда, когда котенок, стоявший на груди Маргарет, взбесился, увидев Елену за окном.

Елена застонала и почти вынырнула из безумия, но серый туман затянул ее обратно до того, как ей удалось открыть глаза.

Отравленная любовь...

Стефан, оно возненавидело тебя раньше Елены... Белое и золотое... что-то белое... что-то белое под деревом...

На этот раз ей удалось открыть глаза, и еще до того, как она смогла их сфокусировать и привыкнуть к тусклому свету, она знала. Теперь она знала точно.

Фигура в белом платье со шлейфом отвернулась от свечи, которую пыталась зажечь. Лицо, которое увидела Елена, могло быть ее лицом, только слегка искаженным, бледным и красивым мертвенной красотой. Неправильное лицо. Оно было похоже на бесконечные отражения Елены, которые она видела во сне про коридор зеркал. Искажённое, голодное и насмешливое.

— Здравствуй, Катрина, — прошептала она.

Катрина нехорошо улыбнулась.

— Ты не так глупа, как я думала.

Голос у нее был серебристым и приятным. Как и ее ресницы. На платье тоже мерцали серебристые блески, когда она двигалась. А волосы были золотыми, почти такого же светло-золотого оттенка, как и у Елены. Глаза были как у котенка: круглые и невозможно голубые. На шее было ожерелье с камнем такого же цвета.

У Елены болело горло, как будто она кричала. Мучила жажда. Малейшая попытка пошевелить шеей причиняла боль.

Стефан стоял рядом, завалившись вперед, руки привязаны к прутьям ворот. Голова склонилась на грудь, но лицо Елена видела, и оно было смертельно бледно.

На горле была рана, на воротнике застыла кровь.

Елена мигом обернулась к Катрине:

— Но зачем? Зачем ты это сделала?

Катрина улыбнулась, оголяя острые зубы.

— Потому что люблю его, — мелодично ответила она, — а разве ты его не любишь?

Только теперь Елена поняла, почему она не могла двигаться и почему болели руки. Так же как и Стефан, она была привязана к воротам. С трудом повернув голову в другую сторону, она увидела Дамона.

Ему было еще хуже. Рука была разодрана, от одного вида раны Елену затошнило. Рубашка была порвана в клочья, и девушка увидела, как слабо поднимаются его ребра, когда он дышит. Если бы не это, она бы подумала, что он мертв. Кровь впиталась в волосы и стекала в глаза.

— Кто из них тебе больше нравится? — спросила Катрина заговорщицким тоном. — Ну признайся. Тебе какой больше по душе?

Елена устало на нее посмотрела.

— Катрина. Ну, пожалуйста, пожалуйста, послушай меня...

— Ну, давай, я слушаю.

Ярко-голубые глаза заполнили все поле зрения Елены, а губы приблизились почти вплотную к ее губам.

— Я думаю, что они оба — забавные. Ты ведь любишь забавных мальчиков?

Елена с отвращением зажмурила глаза и отвернулась.

Больше всего хотелось, чтобы перестала кружиться голова.

Катрина отодвинулась, громко смеясь.

— Да, знаю, выбрать сложно.

Она сделала что-то наподобие пируэта, и Елена поняла, что то, что она сначала приняла за шлейф от платья, было волосами. Расплавленным золотом они стекали по плечам, спине Катрины, спускались на пол и струились за ней.

— Все зависит от вкуса, — продолжала Катрина, пританцовывающей походкой подходя к Дамону. Она шаловливо посмотрела на Елену. — Но у меня такие нежные зубки...

Она схватила Дамона за волосы, поднимая его голову, и вонзила зубы в его шею.

— Нет! Не смей! — Елена рванулась вперед, но привязали ее на совесть. Тяжелые железные ворота и надежная веревка. Катрина издавала животные звуки, чавкая и вгрызаясь в плоть, Дамон тихо стонал. Елена видела, как его тело содрогалось от боли.

— Прекрати, пожалуйста, прекрати...

Катрина поняла голову. По подбородку стекала кровь.
— Но я так голодна, а он такой вкусный...
Она опять вцепилась Дамону в шею, он содрогнулся, Елена дико закричала.
Вот так оно и было, подумала она. Тогда, в лесу. Она так же вцепилась в горло Стефану, она хотела его убить...
Тут тьма сгустилась вокруг нее, и она с радостью провалилась в небытие.

Машины Алариха занесло перед школой, и Мередит чуть в нее не врезалась. Они с Мэттом выпрыгнули из машины, забыв даже ее закрыть. Впереди показались Аларих и Бонни.

— А что с другими горожанами? — закричала им Мередит. Лицо обжигал ветер.
— Только семья Елены — тетя Джудит и Маргарет, — заорала в ответ Бонни.
Голос был пронзительный и испуганный, но сама она выглядела собранной, откинув голову назад, как будто пытаюсь что-то вспомнить.
— Да, так и есть. Собаки ими тоже займутся. Надо отвести их куда-нибудь в подвал.
— Я этим займусь, а вы идите на бал.
Бонни повернулась и побежала за Аларихом. Мередит бросилась к машине.

Бал почти закончился. Снаружи и внутри было практически одинаковое количество парочек. Аларих, Мэтт и Бонни подбежали к людям и учитель истории закричал:

— Всем назад! Все в помещение, и закройте двери!
Времени уже не было. Он добежал до кафе одновременно с первой темной фигурой. Полицейский упал, не успев даже вскрикнуть или выстрелить.
Его собрат оказался расторопнее. Прозвучал пистолетный залп. Все закричали и бросились к парковке. Аларих бросился за ними, что-то крича и пытаясь их вернуть.
Из тьмы показались другие существа, они надвигались со всех сторон. Началась паника. Аларих все еще что-то кричал и пытался загнать учеников в помещение. Снаружи они были легкой добычей.

Во дворе Бонни обернулась к Мэтту.
— Нам нужен огонь!
Мэтт бросился в кафе и вернулся с полупустой коробкой с программками бала, одновременно откапывая в кармане коробок спичек, которыми они до этого разжигали свечу.
Бумага загорелась моментально. Появился островок безопасности. Мэтт продолжал затаскивать людей в двери кафе. Бонни заскочила внутрь, но там царил такой же хаос, что и снаружи.

Она оглянулась в поисках взрослых, но кругом были только перепуганные школьники. Потом она заметила красно-зеленые бумажные декорации.

Кругом стоял жуткий шум, крик бы потонул в нем. Пробираясь сквозь толпу желающих выбраться на улицу, она наконец добралась до дальнего конца зала. Там стояла бледная Кэролайн в тиаре Снежной королевы. Бонни потащила ее к микрофону.

— Ты умеешь хорошо говорить. Скажи им, чтобы все вошли внутрь и никуда не выходили! Скажи, чтобы убрали декорации. Нам нужно все, что горит — деревянные стулья, мусор, все что угодно. Скажи, что это — единственный шанс!

Кэролайн испуганно и непонимающе на нее уставилась.
— У тебя же корона на голове, вот и вели им!!
Она не ждала, что Кэролайн послушается, поэтому бросилась опять в самую толпу. Через секунду она услышала неуверенный голос Кэролайн в динамиках.

Когда Елена в следующий раз открыла глаза, стояла гробовая тишина.

— Елена?

Услышав хриплый шепот, она попыталась сфокусировать зрение и увидела перед собой полные боли зеленые глаза.

— Стефан!

Она отчаянно потянулась к нему. В этом не было смысла, но она чувствовала, что, если бы они могли друг друга обнять, все было бы не так плохо.

Где-то раздался почти детский смех. Елена, в отличие от Стефана, даже не обернулась, но видела его реакцию, последовательность эмоций, сменявших друг друга у него на лице. Шок, недоверие, зарождающаяся радость и — ужас. Ужас, от которого у него потускнели глаза.

— Катрина. Но это же невозможно. Ты же мертва.

— Стефан... — позвала Елена, но он не ответил.

Катрина прикрыла рот ладошкой и хихикнула.

— Ты тоже просыпайся, — бросила она куда-то в другую сторону. Елена почувствовала поток Силы. Через секунду Дамон медленно поднял голову и заморгал.

Казалось, он совсем не был удивлен. Откинув голову и прищурившись, он несколько минут пристально смотрел на Катрину. Потом улыбнулся — болезненной и слабой, но такой узнаваемой улыбкой.

— Наш очаровательный белый котенок. Я должен был догадаться.

— А ты не догадался, — поддразнила его Катрина. — Даже ты не догадался. Я всех провела! — она опять засмеялась. — Было так забавно наблюдать, как ты следишь за Стефаном, не зная, что все уже у меня под колпаком. Я даже один раз тебя поцарапала!

Скрючив пальцы наподобие когтей, она изобразила, как шипит котенок.

— Дома у Елены. Да, я помню... — медленно ответил он. Он выглядел не столько разозленным, сколько немного заинтригованным.

— Ну, ты, безусловно, настоящий охотник. Леди и тигр.

— И я сбросила Стефана в колодец! — хвасталась Катрина. — Я видела, как вы дрались, мне понравилось. Я проводила Стефана до конца леса, а потом, — тут она сделала жест, как будто руками поймала какую-нибудь мошку, потом разжала ладони, уставилась туда, как будто там действительно что-то было, и захихикала.

— Я собиралась там с ним поиграть, — потом, выпятив губку, она злобно посмотрела на Елену. — Но ты забрала его. Жадина! Не надо было так делать.

Ее страшноватая детская лукавость на миг сменилась жгучей женской ненавистью.

— Жадин наказывают, — надвинулась на Елену Катрина, — а ты — жадина!

— Катрина! — Стефан вдруг очнулся и быстро заговорил: — А ты не хочешь нам рассказать, что еще ты сделала?

Катрина отступила, удивленная и польщенная.

— Ну, если вы действительно настаиваете... — она обняла локти руками и опять сделала несколько танцевальных па.

— Нет, — наконец весело выпалила она, оборачиваясь и указывая на них пальцем, — вы будете угадывать, а я — говорить «да» или «нет».

Елена сглотнула, мельком глянув на Стефана. Она не видела смысла в том, чтобы затягивать всю эту канитель, если исход будет все равно один и тот же, но что-то подсказывало ей цепляться за жизнь как можно дольше.

— Ты напала на Викки, — осторожно подсказала она. Собственный голос звучал странно, но теперь она была уверена, — на ту девочку, в старой церкви.

— Отлично! Правильно! — закричала Катрина. Она изобразила рукой, как царапается котенок. — Ну, она же была в моей церкви. И они там с этим мальчиком... ну, в общем, такое нельзя в церкви делать. Я ее немножко поцарапала! — Катрина выделила это слово, как будто рассказывала сказку ребенку, — ну и... слизала кровь, — облизнув светло-розовые губки, она указала на Стефана: — Теперь ты угадывай!

— С тех пор ты гонялась за ней.

Он не играл в игру, он как будто опрашивал пациента.

— Да, но мы уже с этим разобрались! Давай про что-нибудь другое! — капризно приказала Катрина.

Потом она вдруг стала играть с пуговками у горловины платья, перебирая их пальцами. Елена вспомнила Викки, раздевающуюся перед всеми в кафе.

— Я заставляла ее делать глупости. С ней было так весело играть!

У Елены онемели руки. Она поняла, что инстинктивно пытается вырваться из пут. Слова Катрины ранили ее, и она не могла стоять на месте. Усилием воли она заставила себя не вырываться вперед, а наоборот, отклониться назад и попытаться хоть чуть-чуть освободить руки. Она не знала, что будет делать, если вырвется, но попытаться стоило.

— Следующий! — тон Катрины становился опасным.

— А почему ты говоришь, что это — твоя церковь? — спросил вдруг Дамон. В его голосе опять не было ничего, кроме легкого удивления, как будто все происходящее его не касалось. — А что насчет Онории Фелл?

— А, это старое пугало! — злобно ответила Катрина. Она поджала губы и уставилась куда-то вдаль, сверкая глазами. Елена вдруг поняла, что они стоят напротив входа в крипту, а разграбленная могила находится прямо за ними. Может быть, Онория им поможет...

Потом она вспомнила тихий, угасающий голос. *Это единственное, чем я могу вам помочь*. Никто не придет их спасти.

Катрина, как будто читая мысли Елены, ответила:

— Она ничего не может сделать. Она — просто ворох костей, — грациозные руки делали движения, как будто ломали кости, о которых она говорила, — она может только болтать, и я много раз делала так, чтобы вы ее не слышали.

Катрина опять помрачнела, и Елена почувствовала, как внутри у нее поднимается страх.

— Ты убила собаку Бонни, Янцзы, — выпалила она. Догадка была взята с потолка, просто чтобы отвлечь Катрину, но, как ни странно, сработала.

— Да! Это было забавно. Вы все выбежали из дому и стали ныть и причитать, — Катрина изобразила сцену в лицах: маленькая собачка, лежащая перед домом, и мечущиеся девочки. — Он был невкусный, но оно того стоило. Я гналась за Дамоном, он был в обличье ворона. Я долго за ним гонялась. Если бы мне захотелось, я бы схватила эту ворону, и...

Елена вдруг вспомнила сон Бонни. Она даже не поняла, что говорит вслух, пока не обнаружила, что Стефан и Катрина смотрят на нее.

— Бонни видела тебя во сне, — прошептала она, — но она подумала, что это я. Она мне рассказала, что увидела, как я стою под деревом на ветру. Она меня испугалась. Я была не похожа на себя, бледная и почти прозрачная. Потом прилетел ворон, я схватила его и свернула шею, — гнев подкатил к горлу, но Елена его сдержала, — а это была ты.

Катрина обрадовалась, как будто Елена только что подтвердила ее правоту.

— Люди часто видят меня во сне, — похвасталась она, — твоей тетушке я тоже приснилась. Я ей сказала, что ты умерла по ее вине. Она тоже подумала, что видела тебя.

— Боже...

— Жаль, что ты не умерла, — лицо Катрины сделалось злым. — Ты должна была умереть. Я так долго держала тебя в реке! Но ты такая шустрая, поменялась кровью с ними обоими и вернулась. Ну ладно, — она хитро улыбнулась, — теперь я поиграю с тобой чуть подольше. Я в тот день вышла из себя, когда увидела, что Стефан подарил тебе кольцо. Мое кольцо, которое я подарила им на память! А он подарил его тебе! Тогда я поняла, что не просто поиграю с ним. Я его убью! — закончила она на повышенных тонах.

Стефан был сбит с толку.

— Я же думал, что ты мертва. Ты же умерла пятьсот лет назад.

— Тогда я обманула тебя в первый раз! — ответила Катрина, но в этот раз в ее голосе не было никакой веселости. Он был мрачным. — Мне помогала моя горничная, Гудрен. Вы

не хотели принять мой выбор, — выкрикнула она злобно, переводя взгляд со Стефана на Дамона. — Я хотела, чтобы мы были счастливы вдвоем. Я любила вас. Но вам этого было недостаточно.

Лицо Катрины опять изменилось, и Елена увидела, что это лицо обиженного ребенка пятисот лет от роду. Должно быть, так Катрина выглядела тогда. В ярко-голубых глазах стояли слезы.

— Я хотела любить вас обоих, — смущенно продолжала она, — а вы отказались. Я была в отчаянии. Я думала, что, если я умру, вы опять помиритесь. И еще я знала, что мне надо уйти, прежде чем папа заподозрит, кто я на самом деле. Мы договорились с Гудрен. Я сделала другой талисман, а ей отдала свое кольцо. Она взяла мое белое платье — мое самое лучшее платье, — и золу из камина. Мы сожгли немного жира, чтобы зола пахла как надо, и она положила золу на солнце, чтобы вы нашли его и мою записку. Я не была уверена, что вы купитесь на это, но вы поверили. Но потом, — лицо Катрины исказило горе, — вы все сделали не так. Вы должны были горевать, плакать, утешать друг друга. Я сделала это для вас. А вы вместо этого побежали за мечами. Зачем вы это сделали? — это был уже крик души. — Почему вы не приняли мой дар? Вы растоптали его. Я же написала вам, что хочу, чтобы вы помирились. А вы не послушали и побежали за мечами. И поубивали друг друга. Зачем?

Слезы ползли по щекам Катрины, Стефан тоже плакал.

— Мы были такие глупые, — сказал он, погружаясь в те же воспоминания, что и она, — мы винули друг друга в твоей смерти, мы были такие глупые... Катрина, послушай меня. Это моя вина. Я напал первым. Потом я раскаялся — ты даже не представляешь, насколько я раскаялся. Ты не представляешь, сколько раз я думал об этом, мечтал изменить что-то. Я бы все отдал, чтобы вернуть все назад — все. Я убил своего брата...

Его голос сорвался, слезы брызнули из глаз. Елена беспомощно повернулась к Дамону, но он даже не заметил ее. Его взгляд был пригвожден к брату, напускное любопытство ушло без следа.

— Катрина, послушай меня, молю, — лихорадочно заговорил Стефан, — мы причинили друг другу много боли. Отпусти нас. Или отпусти их, а я останусь и сделаю все, что хочешь.

Ярко-голубые глаза Катрины наполнились невыразимой грустью. Елена не решалась даже вдохнуть, боясь помешать. Лицо девушки посветлело и погрузнело, она подошла к Стефану.

А потом внутри нее опять все заledenело, замерзли даже слезы на щеках.

— Раньше надо было думать. Может, я бы и послушала. Сначала я очень вас жалела, когда вы поубивали друг друга. Я сбежала домой, даже не прихватив Гудрен. Но у меня не было ничего, даже нового платья, мне было голодно и холодно. Я бы умерла с голоду, если бы меня не нашел Клаус.

Клаус. Елена вспомнила, о ком речь. Клаус был тем человеком, который обратил Катрину, тем, кого жители деревни считали злом.

— Клаус сказал мне правду, — продолжала Катрина. — Он показал мне настоящую жизнь. Надо быть сильной и брать все, что хочешь. Надо думать только о себе. Я теперь сильнее всех. Я. Знаете, как я такой стала? — Не дожидаясь ответа, она продолжала: — Жизни. Очень много жизней. Люди и вампиры, они теперь все внутри меня. Через сто или двести лет после этого я убила Клауса. Он был удивлен. Он не ожидал, что я столько научусь. Я была так счастлива, отбирая жизни, вбирая их в себя. А потом я вспомнила вас двоих и то, как вы обошлись с моим даром. Я поняла, что должна вас наказать. В конце концов, я придумала, как это сделать. Я привела вас сюда, обоих. Я внушила тебе эту мысль, Стефан, как ты внушаешь мысли людям. Я вела тебя до этого места. Тут была Елена. Я думаю, она как-то со мной связана — она же на меня так похожа. Я знала, что ты увидишь ее и почувствуешь себя виноватым. Но ты не должен был в нее влюбляться! — В голосе Катрины обида опять уступила место ярости. — Ты не должен был в нее влюбляться! Ты не

должен был забывать меня! Ты не должен был дарить ей мое кольцо!

— Катрина...

Она продолжала.

— Ты меня так разозлил. Ты пожалеешь об этом, ох как пожалеешь. Я теперь знаю, кого ненавижу больше всего — тебя, Стефан. Я любила тебя больше.

Казалось, она взяла себя в руки, вытерла последние слезы со щек и напустила на себя заносчивый вид.

— Дамона я так не ненавижу.

Она сощурилась, а потом ей в голову пришла какая-то мысль.

— Дамон, слушай, — заговорщицки обратилась она к нему, — ты не такой глупец, как Стефан. Ты знаешь, как все на самом деле. Я слышала, как ты об этом говорил. Я видела твои поступки, — она наклонилась к нему. — Мне одиноко с тех пор, как умер Клаус. Ты можешь составить мне компанию. Только скажи мне, что любишь меня больше всех. Я их убью, и мы уйдем. Ты можешь даже убить девуку, если хочешь. Я тебе разрешаю. Ну как?

Елене опять стало нехорошо. Дамон глядел Катрине в глаза. Казалось, он искал что-то на ее лице. Он опять заинтересованно ухмылялся.

Только не это, подумала Елена.

Дамон медленно растянул губы в улыбке.

15

Елена смотрела на Дамона в безмолвном ужасе. Она слишком хорошо знала эту улыбку. А с другой стороны, горько подумала она, что это меняет? Они со Стефаном все равно умрут. Хотя бы Дамон спасется. Было глупо ждать, что он пойдет против своей природы.

Она любовалась красивой, капризной улыбкой и жалела о том, кем мог бы быть Дамон.

Катрина улыбнулась ему в ответ.

— Мы будем так счастливы вместе. Когда они умрут, мы уйдем. Я не хотела причинить тебе вред, честно. Я просто разозлилась, — она погладила его по щеке своей тонкой рукой. — Ну, прости.

— Катрина, — позвал он, все еще улыбаясь.

— Да, — она наклонилась ближе.

— Катрина...

— Да, Дамон?

— Иди к черту.

Елену передернуло от того, что случилось потом. Она почувствовала поток Силы, злой, необузданной силы. Катрина разительно изменилась. Миловидное личико превратилось во что-то нечеловеческое, но и не животное. Красное пламя вспыхнуло в ее глазах, и она бросилась на Дамона, вонзая зубы в его горло.

Из пальцев показались когти, она раздирала ими грудь Дамона, и так кровоточащую. Елена что-то кричала, краем сознания понимая, что руки уже болят от попыток вырваться из веревок. Она слышала, что Стефан тоже что-то кричал, но потом ее оглушил мысленный вопль Катрины.

Теперь вы пожалеете! Я заставлю вас пожалеть! Я вас убью! Я вас убью! Убью!!!

Слова кинжалами врезались в сознание. Их сила отбросила ее на железные прутья. От них не было спасения. Казалось, они отдавались эхом отовсюду, резонировали в черепе.

— Убью, убью, убью!!!

Елена потеряла сознание.

Мередит, скрючившись позади Джудит в подсобке, попыталась поменять положение и

одновременно понять, что означают звуки за дверью. Собаки пробрались в подвал. Она не знала, как, но судя по изодранным мордам, они прорвались сквозь окна первого этажа. Теперь они были за дверью кладовки, но Мередит не знала, чем они заняты. Там было слишком тихо.

Маргарет, примостившаяся на коленях Роберта, всхлипнула.

— Тихо, — забеспокоился Роберт, — все хорошо, милая. Все будет хорошо.

Через голову Маргарет Мередит увидела его напуганные, непонимающие глаза. Она подумала, что они чуть было не приняли его за Другую Силу. Впрочем, времени для раскаяния не было.

— Где Елена? Елена обещала, что будет за мной приглядывать, — спросила вдруг Маргарет, широко распахнув глазки, — она обещала обо мне заботиться. — Тетя Джудит закрыла ей рот рукой.

— Она заботится о тебе, — прошептала Мередит, — она послала меня к тебе. Это правда, — добавила она и увидела, как недоуменно уставились на нее глаза Роберта.

Снаружи кто-то что-то грыз и царапал. Роберт прижал голову ребенка к груди.

Бонни не знала, сколько они проработали. Много часов. Вечность. Собаки проникли внутрь через окна кухни и старые деревянные двери. Правда, только некоторые прорвались через огненные баррикады, выложенные перед этими входами. Большинство из тех, кто проскочил, подстрелили из ружей.

Теперь же у мистера Смоллвуда и его товарищей кончились патроны. И еще кончалось топливо.

Викки уже впала в истерику, вскрикивая и хватаясь за голову, как будто она у нее нестерпимо болела. Прежде чем кто-то придумал, как ее утихомирить, все вдруг само прошло.

Бонни поднялась к Мэтту, который наблюдал за огнем через разбитое дверное стекло. Он смотрел не на собак, а на что-то вдаль. Что-то невидимое.

— Ты иди, Мэтт, — сказала она, — ты больше ничего не можешь сделать.

Он не ответил и даже не обернулся.

— Уже почти рассвет, — не замолкала она. — Может быть, когда солнце взойдет, собаки уйдут.

Она сама не верила своим словам.

Мэтт не ответил. Она тронула его за плечо.

— Там Стефан. Он с ней.

Наконец Мэтт отозвался. Он кивнул:

— Да, там Стефан.

Что-то коричневое и рычащее вынырнуло из темноты.

Прошло много времени, прежде чем Елена пришла в себя. Она поняла это потому, что сквозь вход в крипту пробивался сумрачный свет, дающий возможность что-то разглядеть.

Она увидела Дамона. Он лежал на полу. Кое-где сквозь плоть проглядывали кости. Было достаточно светло, чтобы оценить всю тяжесть его ран. Елена вообще сомневалась, что он жив. Он вообще не двигался.

«Дамон?» — мысленно позвала она. Только сделав это, она поняла, что ни слова не произнесла вслух. Визг Катрины что-то замкнул в ее голове или разбудил спящие возможности. Безусловно, помогла и кровь Мэтта. У нее наконец прорезался внутренний голос.

Она повернулась в другую сторону.

« Стефан?»

На его изможденном болью лице была тревога. Сильная тревога. Елене на секунду захотелось, чтобы он был равнодушен, как Дамон.

« Елена», — ответил он.

«Где она?» — спросила она, медленно оглядывая комнату.

Стефан указал глазами на вход в крипту.

«Она ушла чуть раньше. Может, хочет посмотреть, что делают собаки».

Елена думала, что исчерпала запас страха и ужаса, но это было не так. Она совсем забыла о других.

«Елена, прости».

Выражение лица Стефана нельзя было передать словами.

«Ты не виноват, Стефан. Это не ты сделал это с ней. Она сама. Или это с ней случилось просто потому, что она такая, какая есть. Она такая же, как мы».

Перед глазами Елены встала сцена в лесу, когда она пыталась убить Стефана, когда гналась за Смоллвудом, чтобы отомстить.

«Это ведь могла быть и я».

«Нет. Ты никогда такой не станешь».

Елена не ответила. Что бы она сделала с Катриной, если бы у нее была Сила? А чего бы она с ней не сделала? Она не стала продолжать разговор, зная, что это огорчит Стефана.

«Я думала, Дамон нас предаст».

«Я тоже», — не своим голосом ответил Стефан, задумчиво глядя на брата.

«Ты его все еще ненавидишь?»

Глаза Стефана потемнели.

«Нет. Я больше его не ненавижу».

Елена кивнула. Это было важно.

Она встрепенулась, когда в проходе что-то показалось. Стефан тоже напрягся.

«Она идет, Елена».

«Я люблю тебя, Стефан», — безнадежно ответила Елена, увидев туманную тень.

Перед ними материализовалась Катрина.

— Ума не приложу, что происходит, — бросила она раздраженно, — вы блокируете мой тоннель.

Она снова уставилась на могилу позади Елены.

— Я раньше выходила отсюда через тоннель, — продолжала она, казалось, не замечая тела Дамона под ногами, — он проходит под рекой. Мне нельзя пересекать текущую воду, поэтому я прохожу под ней.

Она посмотрела на них, ожидая, что они оценят ее остроумие.

Конечно, подумала Елена. Как я могла так сглупить? Дамон был с нами в машине, когда мы переезжали мост через реку. Он, наверно, еще тысячу раз пересекал текущую воду. Он не мог быть Другой Силой.

Удивительно, но, будучи до смерти напуганной, она все же могла размышлять. Казалось, какая-то часть ее спокойно наблюдала за всем происходящим.

— Теперь я вас убью, — невзначай бросила Катрина. — Потом я перейду реку и убью ваших друзей. Я не думаю, что собакам это удалось. Но я позабочусь обо всем сама.

— Отпусти Елену, — тихо, но твердо сказал Стефан.

— Я еще не решила, как вас убью, — Катрина не обращала на него внимания, — могу вас поджарить. Света хватит. Смотрите, что у меня есть. Раз, два, три!

Она вынула руку из-за спины и кинула на пол три кольца — два серебряных и золотое. Камни сверкали синевой, как глаза Катрины, как камень на ее ожерелье.

Елена сжала руки и почувствовала, что на пальце действительно не было кольца. Без маленького золотого ободка она чувствовала себя как будто голой. Он был необходим, чтобы выжить.

Без него...

— Без них вы умрете, — пояснила Катрина, отшвыривая кольца ногой. — Но я не знаю, достаточно ли долго вы промучаетесь.

Она отошла к противоположной стене. Серебристое платье мерцало на солнце.

И тут Елене в голову пришла идея.

Она могла двигать руками. Могла коснуться, дотянуться одной рукой до другой. Путы стали гораздо свободнее.

Катрина была сильна. Невероятно сильна. И она гораздо быстрее. Даже если бы Елене удалось освободиться, у нее было время только на одно быстрое действие.

Она покрутила одним запястьем, чувствуя, как ослабевает веревка.

— Есть и другие способы, — продолжала Катрина, — я могу порезать вас ножом и наблюдать, как течет кровь. Я вообще люблю наблюдать.

Скрипя зубами, Елена дергала путы. Было мучительно больно, но она дергала — и почувствовала, как веревка соскальзывает.

— Или крысы, — задумчиво продолжала Катрина, — крысы могут сделать это очень забавно. Я могу вам приказать, когда начать и закончить.

Освободить другую руку было гораздо легче. Елена пыталась не показывать, что она делает за спиной. Ее очень хотелось мысленно позвать Стефана, но она не решалась — был шанс, что услышит Катрина.

Катрина подошла к Стефану.

— Я думаю, начнем с тебя. — Она приблизила свое лицо к нему. — Я опять голодна, Стефан. А ты такой сладенький. Я даже забыла, какой ты сладенький.

На полу лежал прямоугольник неяркого света. Он лился из входа в гробницу. Свет почти уже добрался до Катрины. Но...

Вдруг Катрина улыбнулась, сверкнув глазами.

— Я знаю! Я выпью вас почти до конца, а потом заставлю смотреть, как она умирает! У вас останется ровно столько силы, чтобы видеть ее смерть прежде, чем умереть самим! Прекрасный план, а?

Она захлопала в ладоши и закружилась в танце.

Еще один шаг, подумала Елена. Она увидела, как Катрина приблизилась к прямоугольнику света. Еще один шаг...

Катрина сделала шаг.

— Ну вот, — она начала поворачиваться, — какой хороший...

Теперь!

Скидывая последние петли с рук, Елена бросилась на нее. Это был прыжок дикой кошки. Отчаянный прыжок за добычей. Один шанс одна надежда.

Она навалилась на Катрину всем весом. Они обе упали в прямоугольник света. Она услышала, как голова Катрины ударилась о каменный пол.

Боль пронизала все тело, как будто ее опустили в кипяток. Это было почти как чувство обжигающей жажды, только сильнее. В тысячу раз сильнее. Это было невыносимо.

— Елена! — закричал Стефан.

Стефан, подумала она. Она почувствовала всплеск Силы, когда Катрина открыла глаза. Ее рот искривился в гневе, она выпустила клыки. Они были такие длинные, что поранили нижнюю губу. Из изуродованного рта извергся вой.

Елена неуклюже вцепилась в горло Катрине, пальцы нащупали холодный металл ожерелья. Она рванула со всей силы, и цепочка поддалась. Она попыталась сорвать его, но пальцы не слушались, Катрина вцепилась в него намертво когтистой рукой. Ожерелье улетело в тень.

— Елена! — страшным голосом закричал Стефан.

Она чувствовала, что тело наполнилось светом. Только свет был болью. Внизу было

искаженное лицо Катрины, и оно смотрело в зимнее небо. Ее визг звучал все выше и выше.

Елена попыталась подняться, но сил не было. Кожа на лице Катрины трескалась, изнутри пробивался огонь. Крик звучал все громче. Волосы вспыхнули, кожа обуглилась. Огонь окружил Елену.

Потом она почувствовала, как кто-то схватил ее за плечи и оттащил. Тень подействовала как холодная вода. Кто-то подхватил ее и стал укачивать.

Она увидела руки Стефана с кровавыми следами веревок и солнечных ожогов. Она видела его напуганное и искаженное горем лицо. Потом ее взор помутился.

Мерedit и Роберт, отбивавшиеся от окровавленных морд, просунутых в дыру в двери, удивленно замерли. Собаки перестали щелкать зубами. Морды исчезли. Мерedit незаметно отодвинулась в сторонку, чтобы посмотреть на остальных. Собаки не двигались, их глаза заволокла белая пленка. Она посмотрела на Роберта, который все еще не мог отдышаться.

Из подвала больше не доносилось никаких звуков. Было тихо.

Но они не осмеливались надеяться.

Душераздирающий вопль Викки резко оборвался. Собака, вцепившаяся Мэтту в бедро, расслабилась и конвульсивно содрогнулась. Хватая ртом воздух, Бонни попыталась заглянуть за линию огня. Там были тела собак — они упали там, где стояли.

Они с Мэттом ошеломленно переглянулись.

Наконец прекратился снегопад.

Елена медленно открыла глаза.

Все было тихо и спокойно.

Она радовалась, что шум прекратился, а то было очень больно. А теперь не болело ничего. Она опять чувствовала, что тело наполняет свет, но боли не было. Ей казалось, что она легко плывет на волнах воздуха. Ей казалось, что у нее совсем не было тела.

Она улыбнулась.

Поворот головы не причинил боли, а только усилил ощущение легкости. Она увидела продолговатый освещенный кусок на полу, остатки серебристого платья. Ложь пятисотлетней давности стала правдой.

Так тому и быть. Елена отвернулась. Она не хотела никому причинять вреда, и она не хотела терять время на сожаления о Катрине. Было много других дел.

— Стефан, — позвала она, вздохнула и улыбнулась. Она чувствовала себя птицей. Она чувствовала себя прекрасно.

— Я не хотела, чтобы все закончилось так, — грустно сказала она. В его зеленых глазах стояли слезы, но он улыбнулся ей в ответ.

— Я знаю. Я знаю, милая.

Он понял. Это было хорошо, это было важно. Теперь она понимала, какие вещи действительно имеют значение. Понимание Стефана было самым дорогим на свете.

Казалось, прошла вечность с тех пор, когда она на него смотрела, любовалась им, его темными волосами и глазами, зелеными, как листья дуба. Теперь она смотрела на него и видела, как в зеленых глазах светится душа. Она не хотела умирать. Сейчас, по крайней мере, хотя, если потребовалось бы, она бы прошла через все это еще раз.

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, — ответил он, сжав ее руку. Странный, томный свет качал ее, и она с

трудом чувствовала прикосновение Стефана.

Она бы испугалась, если бы его не было рядом.

— Люди на балу — с ними теперь все будет хорошо, правда?

— Конечно, — прошептал Стефан, — ты их спасла.

— Я не попрощалась с Бонни и Мерedit. И с тетей Джудит. Скажи им, что я их люблю.

— Я скажу.

— Ты им сама скажешь, — вмешался другой голос, хриплый и непривычный. Дамон подполз и лег за спиной Стефана. Лицо у него было изуродовано, кровоточило, но черные глаза сверкали.

— Напряги волю, Елена. У тебя хватит силы.

Она нерешительно улыбнулась ему. Она знала правду. То, что происходило сейчас, было закономерным исходом того, что началось две недели назад. У нее было тринадцать дней, чтобы привести в порядок дела, попросить прощения у Мэтта, попрощаться с Маргарет и сказать Стефану, как она его любит. А теперь время ее вышло.

Делать Дамону больно не было смысла. Она тоже его любила.

— Я попытаюсь, — пообещала она.

— Мы отвезем тебя домой.

— Не сейчас, — деликатно возразила она, — давайте немного подождем.

Что-то сверкнуло в глубине бездонных черных глаз. Она поняла, что он тоже знает.

— Я не боюсь. Ну — немножко.

Навалилась дремота, она почувствовала, что засыпает. Мир отдалялся от нее.

Заболело в груди. Она больше не боялась, просто было жаль. Она еще так много могла сделать.

— Ой, — тихо сказала она, — как забавно.

Стены крипты искривились, стали чем-то серым и туманным, а посередине открылось что-то вроде прохода. Это был проход к другому свету.

— Как красиво, — прошептала она, — Стефан, я так устала.

— Теперь ты отдохнешь.

— Ты не бросишь меня?

— Да.

— Тогда я не буду бояться.

Что-то сверкнуло на лице Дамона. Она погладила его по щеке и удивленно посмотрела на свои пальцы.

— Не грусти, — попросила она, ощущая влагу на руках. Вдруг ее схватило беспокойство. Кто теперь поймет его, позаботится? Кто докопается до его живой души под слоем брони?

— Вы должны заботиться друг о друге, — промолвила она. К ней вернулась капелька Силы, она вспыхнула, как свечка. — Стефан, ты обещаешь? Вы обещаете заботиться друг о друге?

— Я обещаю. Елена, милая...

На нее наваливалась сонливость.

— Это хорошо. Это очень хорошо, Стефан.

Проход приблизился, она могла его коснуться. Она подумала, что за ним, должно быть, ее ждут папа и мама.

— Время возвращаться домой, — прошептала она.

А потом темнота рассеялась, и остался только свет.

Стефан держал ее, пока у нее не закрылись глаза. Потом дал волю слезам. Это была другая боль — не такая, как тогда, когда он вытащил ее из реки. Не было злости, не было ненависти, а только вечная любовь.

От этого было еще больнее.
Он посмотрел в прямоугольник света. Елена ушла в Свет. И бросила его одного.
Он подумал, что это ненадолго.
Его кольцо лежало на полу. Он поднялся, даже не взглянув на него, глядя только на солнечный свет.
Его схватили за руку и оттащили назад.
Глаза Дамона были черны как полночь, и он держал кольцо Стефана. Стефан смотрел на него и не смел двинуться. Брат надел кольцо ему на палец. И отпустил.
— Теперь проваливай, куда хочешь, — сказал он, тяжело отваливаясь назад. Подобрал с земли кольцо, которое Стефан подарил Елене, он протянул и его.
— Это тоже твое. Возьми.
И отвернулся.
Стефан долго смотрел на золотой ободок у себя на ладони.
Потом жаждал его в руке и оглянулся на Дамона. Тот лежал, закрыв глаза, тяжело дыша, измученный болью.
Стефан дал Елене обещание.
Положив кольцо в карман, он сказал:
— Пошли. Давай найдем место, где ты сможешь отдохнуть.
Он обнял брата, чтобы помочь ему подняться, а потом на несколько секунд просто крепко прижал его к себе.

16

16 декабря, понедельник

Стефан дал мне это. Он раздал большинство вещей из своей комнаты. Я сначала попыталась отказаться, потому что не знала, что с этим делать. Но теперь я придумала.

Люди начинают все забывать. Они перевирают детали, присочиняют что-то. Большинство пытаются найти случившемуся рациональное объяснение. Это глупо, но их не остановить, особенно взрослых.

Они ведут себя хуже всех. Они говорят, что собаки все заболели бешенством. Ветеринар сказал, что заразу переносили летучие мыши. Мередит говорит, что в этом есть своя доля иронии, я же думаю, что это просто глупо.

Подростки чуть лучше, особенно те, кто был на балу. Есть некоторые, на которых можно положиться, например Викки и Сью Карсон. Викки чудесно изменилась за эти два дня. Она совсем другая, не такая, как была всю жизнь, но и не такая, как была после укуса вампира. Она была эдакой гламурной цацей, окруженной свитой почитателей, а теперь, думаю, все с ней будет хорошо.

Даже Кэролайн была сегодня паинькой. На прошлой поминальной службе она промолчала, а на этой высказалась. Она сказала, что Елена была настоящей Снежной королевой, и, хотя это было явно слизано с речи Сью, это, вероятно, было самое большее, на что она способна. Это был красивый жест.

Елена выглядела очень умиротворенной. Не как восковая кукла, а как будто она спала. Я знаю, все так говорят, но это правда. На этот раз это действительно было так.

Потом люди заговорили о «чудесном спасении из реки», или о чем-то в этом роде. Говорили, что она умерла от эмболии. Это же абсолютно смешно, но это навело меня на мысль.

Я достану второй ее дневник из туалета и попрошу миссис Гримсби поставить их в библиотеке, конечно, не рядом с дневником Онории Фелл, но там, где люди смогут взять его и прочесть. Потому что там — правда. И я не хочу, чтобы ее кто-нибудь забыл.

Я думаю, дети запомнят.

Еще я думаю, что должна рассказать о случившемся окружающим. Елена бы одобрила. С тетей Джудит все в порядке, хотя она из тех взрослых, что не хотят слышать правды. Они с Робертом поженились на Рождество. И для Маргарет это будет хорошо.

Маргарет, кстати, хорошо придумала. Она сказала мне на службе, что обязательно навестит Елену и родителей когда-нибудь, но не теперь, потому что здесь у нее слишком много дел. Я не знаю, кто внушил ей эту мысль. Она слишком сложна для четырехлетнего ребенка.

С Аларихом и Мередит все тоже в порядке, естественно. Они практически бросились друг другу в объятия, когда встретились тем жутким утром, когда все кончилось и мы пытались навести хоть какой-то порядок. Я думаю, между ними что-то есть. Мередит говорит, что подумает об этом, когда ей стукнет восемнадцать и она закончит школу.

И так всегда. У всех есть парни. Я думаю попробовать бабулин ритуал, чтобы узнать, выйду ли я замуж хоть когда-нибудь. Ни за кого из знакомых я не хочу.

Ну, есть Мэтт. Мэтт очень милый. Но на уме у него только одна девушка, и я не думаю, что что-нибудь изменится в ближайшее время.

После службы он дал в морду Тайлеру, когда тот сказал что-то плохое про нее. Вот кто-кто, а Тайлер не изменится никогда, в этом я уверена. Он всегда будет жадным, отвратительным придурком.

А Мэтт — ну, у Мэтта такие голубые глаза. И классный хук справа.

Стефан не мог дать Тайлеру в морду, потому что его не было. В городе все еще куча народа, которые думают, что он убил Елену. Они думают, что больше никому. Пепел Катрины был разметан по всей крипте, когда прибыли спасатели. Стефан сказал, что она так вспыхнула, потому что была очень стара. Он еще сокрушался, что не понял в первый раз, что молодой вампир не сгорел бы, а просто умер, как Елена. Только старые сгорают.

Некоторые — особенно мистер Смоллвуд сотоварищи — охотно обвинили бы Дамона, если бы смогли его поймать. Но они не смогли. Когда они добрались до могилы, его уже там не было, потому что Стефан помог ему выбраться. Стефан не говорит, где он, но я думаю, где-то в лесу. Вампиры, наверное, быстро регенерируют, потому что сегодня, когда я встретила Стефана, он сказал, что брат уехал из Феллс-Черч. Он не радовался этому: я думаю, Дамон уехал, не попрощавшись. Интересно, чем он сейчас занимается? Опять невинных девушек кусает? Или изменился? Вот уж не знаю. Дамон у нас личность странная. Но прекрасная. Определенно, прекрасная.

Стефан даже не сказал, куда он поехал. Но я подозреваю, что он знает, — обещал же Елене, что будет следить за братцем. А уж Стефан обещания всегда держит.

Я желаю ему удачи. Он будет делать то, о чем просила Елена, и этим будет счастлив. Он носит ее кольцо на цепочке на шее.

Если вы считаете, что я тут рассуждаю о пустяках и забыла о Елене, то вы глубоко ошибаетесь. И пусть только кто-нибудь попробует сказать мне такое.

Мы с Мередит проплакали всю субботу и половину воскресенья. Я очень злилась, и мне хотелось бить и ломать всю вокруг. Я не могла понять, почему именно Елена. Вокруг столько людей, которые могли погибнуть той ночью. А погибла она.

Конечно, она сделала это, чтобы спасти их, но почему для этого надо было отдать жизнь? Это же нечестно.

Я опять начинаю плакать. Я всегда плачу, когда думаю о том, сколько несправедливости было в ее жизни. Я не могу объяснить почему. Пойти бы к могиле Онории Фелл, постучаться да спросить, почему, так ведь не ответит. Я думаю, никто не знает.

Я любила Елену. Я буду очень по ней скучать. Вся школа будет скучать. Как будто лучик света — был и ушел. Роберт говорит, что на латыни ее имя значит

«Светлая».

Теперь в моей душе навсегда погас этот лучик света.

Жаль, что я не смогла с ней попрощаться, но Стефан сказал, что она передала мне прощальный привет. Я думаю, что она передала частичку света, чтобы я носила ее у себя в сердце.

Хватит писать. Стефан уезжает, а мы с Мередит, Аларихом и Мэттом идем его провожать. Я не планировала в это втягиваться, я никогда не вела дневников. Но я хочу, чтобы люди знали правду о Елене. Она не была святой. Она не всегда была милой, доброй, честной и покладистой. Но она была сильная, и у нее было любящее и верное сердце и самоотверженная душа. Мередит говорит, даже будучи во тьме, она выбрала Свет. Я хочу, чтобы люди это знали и всегда помнили.

Я буду помнить всегда.

Бонни Маккалог,

16.12.1991